

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 13, № 6
2018

Vol. 13, No. 6
2018

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных
степеней доктора и кандидата наук:
*философские, филологические,
исторические науки и археология*

Направление номера журнала
Исторические науки и археология

Авторы несут полную
ответственность за подбор и
изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции

Языки издания: русский,
английский, китайский

Редакция журнала руководствуется
положением Гражданского кодекса
РФ по авторскому праву,
международным стандартом
редакционной этики, лицензией
Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42407**

Размещение и индексация
журнала

CrossRef, ERIHPLUS, Index
Copernicus, Ulrich's Periodicals
Directory, Citefactor, JIFACTOR,
Journal Factor, Google
Scholar, WorldCat, НЭБ, Соционет,
Znanium, БиблиоРоссика,
Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка,
Университетская библиотека
онлайн, IPRbooks

Редакционная коллегия

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающий редактор

А. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор, академик РАН
(Улан-Удэ, Россия);

Батмаз Вейзель, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);

Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Москва, Россия);

Андре Буржо, доктор социальных наук (Париж, Франция);

Бэррон Келли, доктор наук, профессор университета Луисвилл (Штат Кентукки,
США)

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

Мариан Геруля, доктор филологических наук, профессор (Катовица, Польша);

М. И. Гомбова, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);

З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Киргизская
Республика);

В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Жамбалын Цэцэгма, доктор исторических наук, профессор (Монголия);

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);

Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);

Изухо Масами, доцент (Токио, Япония);

А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);

В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург,
Россия);

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);

В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск,
Белоруссия);

Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия);

А. Н. Новиков, доктор географических наук, доцент (Чита, Россия);

Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);

Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);

Д. В. Трубицын, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);

Фуми Изука, доктор антропологии (Калифорния, США);

Граля Хероним, доктор исторических наук (Варшава, Польша);

И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);

Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор В. К. Демиденко,
редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 15.12.2018.

Дата выхода в свет 20.12.2018.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 18183.

Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 15,6.

Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Тематика журнала связана с *ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры*. Идейная канва контента журнала становится основанием для осмысления широкого круга социокультурных проблем в рамках таких наук, как филология, филология и история.

Данный выпуск представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей российских и зарубежных авторов по отечественной и всемирной истории, археологии, источниковедению и историографии.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2018

Humanitarian Vector

Gumanitarnyi Vektor

Founded in 1997
Published six times a year

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences: *Philosophical Sciences, Philological Sciences, Historical Sciences and Archeology*

Journal Issue direction

Historical Sciences and Archeology

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" 42407

Journal placement and indexing

CrossRef, ERIHPLUS, IndexCopernicus, Ulrich'sPeriodicalsDirectory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WorldCat, RSC, Sotsionet, Znanium, BiblioRossika, ArbiKon, IVIS, KiberLeninka, Universitetskaya biblioteka onlain, IPRbooks

Editorial Board

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editor

A. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

V. Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (Istanbul, Turkey);

T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Moscow, Russia);

Andre Bourget, Doctor of Sociology (Paris, France);

Baron Kelly, Doctor of Sciences, Associate Professor (University of Louisville Kentucky, USA)

T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);

Marian Gerula, Doctor of Philology, Professor (Katowice, Poland);

M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);

Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);

V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);

Zhambalyn Tsetsegma, Doctor of History, Professor (Mongolia);

N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);

E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);

V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);

T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);

Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);

A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);

V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);

V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);

V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);

B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

A. N. Novikov, Doctor of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);

N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);

Gred Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);

D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);

D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Professor (Ariel, Israel);

D. V. Trubitsin, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);

M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);

Fumie Iizuka, Doctor of History, Anthropology (California State University, USA);

Hieronim Grala, Doctor of History (Warsaw, Poland);

I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);

Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China)

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector V. K. Demidenko,
Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 15.12.2018.

Date of publication 20.12.2018.

Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 18183.

Conv. quires 18,4. Ed.-print quires 15,6.

Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal
State University"

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

The dominant subject matter of the journal is connected with *key meanings, values and artifacts of culture*. This ideological outline of the journal's content becomes the basis for understanding of a wide range of sociocultural problems within philosophy, philology and history.

The issue is a collection of original and review scientific papers of Russian and foreign authors on the national and world history, archeology, source studies and historiography.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduates, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2018

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Зеляк В. Г.</i> Современная историография истории геологического изучения Северо-Востока России в 1920–1960-х годах	6
<i>Мерцалов В. И.</i> О политической концепции «Россизм» атамана Семёнова	12
<i>Сидорчук И. В.</i> Основные проблемы реализации государственной стратегии подготовки кадров для северных окраин СССР в 1920-х годах (на примере Северного факультета Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе)	22

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Занданова Л. В., Айдаров К. А., Серебренников И. П.</i> Расстановка общественно-политических сил в г. Иркутске в период мирного развития Революции весной 1917 года	30
<i>Ляпустин С. Н.</i> Опыт взаимодействия таможенных учреждений с пограничным ведомством в охране границы и борьбе с контрабандой в Забайкалье, Приамурье и Приморье (1910–1923 гг.)	39
<i>Мошкина З. В.</i> Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века	48

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Константинов А. В.</i> Палеолитические жилища поселений Косая Шивера-1, 2 (Западное Забайкалье)	56
<i>Мороз П. В.</i> Среднепалеолитические местонахождения Восточного Забайкалья	69
<i>Пономарева И. А.</i> Исследование памятников наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 году	82
<i>Юргенсон Г. А., Мороз П. В.</i> Речные галечники и валунники Забайкалья как источники сырья в каменном веке	94

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

<i>Бушуева Е. С.</i> Настоятель Нерчинской Успенской церкви Яков Иванович Знаменский: особенности служения священника-революционера	105
<i>Дроботушенко Е. В.</i> К вопросу о количестве православных обновленческих и «староцерковных» храмов в Иркутске в середине третьего десятилетия XX века	115

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

<i>Батунаев Э. В.</i> Монголия: от провозглашения независимости до политических репрессий	123
<i>Гомбоева М. И., Федорова М. В., Комарова Н. П.</i> Традиционные ремёсла Восточной Сибири и современная художественная культура как источник развития креативных индустрий (на основе сравнительного анализа экспонатов Российского этнографического музея и авторских кукол семьи Намдакова)	128
<i>Цыпилова С. С.</i> Женщина в средневековой Монголии: краткий исторический обзор	141

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ

<i>Куренная И. Г., Лыцусь А. И.</i> Константинов Михаил Васильевич – археолог, историк, энциклопедист, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения)	146
<i>Курас Л. В., Ванчикова Ц. П.</i> Забайкалье – terra incognita. Рецензия на книгу: А. В. Константинов, Н. Н. Константинова «История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года)»	152

HUMANITARIAN Vector

Contents

SOCIAL HISTORY

Zelyak V. G. Modern Historiography of the History of Geological Research of Russia's North East in the 1920s–1960s	6
Mertsalov V. I. On Cossack Ataman Semenov's Political Conception of "Russizm"	12
Sidorchuk I. V. The Main Problems of Implementation of the State Strategy of Training Specialists for the Northern Suburbs of the USSR in the 1920s (on the Example of the Northern Faculty of A. S. Enukidze Oriental Institute)	22

REGIONAL HISTORY

Zandanova L. V., Aidarov K. A., Serebrennikov I. P. The Arrangement of Socio-Political Forces in Irkutsk in the Period of Peaceful Development of the Revolution in Spring of 1917	30
Lyapustin S. N. Experience of Interaction of Customs Agencies with the Border Agency in Border Protection and Combating Smuggling in Transbaikalia, Amur Region and Primorye (1910–1923)	39
Moshkina Z. V. Application of Penal Servitude Rules of Living Outside the Prison to State Criminals Sentenced to Hard Labour in Nerchinsk in the Second Half of the 19th Century	48

ARCHAEOLOGY

Konstantinov A. V. Paleolithic Dwellings of Kosaya Shivera-1, 2 Settlements (Western Transbaikalia)	56
Moroz P. V. The Middle Paleolithic Localities of Eastern Transbaikalia	69
Ponomareva I. A. A Rock Art Survey in Trans-Baikal Territory in 2017	82
Yurgenson G. A., Moroz P. V. The River Pebbles and Boulders of Transbaikalia as Sources of Raw Materials in the Stone Age	94

HISTORY OF RELIGION

Bushueva E. S. Rector of the Nerchinsk Assumption Church Yakov Ivanovich Znamensky: Peculiarities of the Ministry of the Priest-Revolutionary	105
Drobotushenko E. V. To the Question of the Number of Orthodox and "Early Church" Cathedrals in Irkutsk in the Middle of the Third Decade of the 20th Century	115

ORIENTAL STUDIES

Batunayev E. V. Mongolia: from Proclamation of Independence to Political Repression.....	123
Gomboeva M. I., Fedorova M. V., Komarova N. P. Traditional Crafts of Eastern Siberia and Modern Art Culture as a Source of Creative Industries Development (on the Basis of Comparative Analysis of the Russian Ethnography Museum Exhibits and the Namdakovs' Author Dolls)	128
Tsybilova S. S. A Woman in Medieval Mongolia: a Brief Historical Survey	141

PEOPLE. EVENTS. TIME

Kurenayeva I. G., Lytsus' A. I. Konstantinov Mikhail Vasilievich: an Archaeologist, a Historian, an Encyclopedist, a Social Activist (to the 70 th Anniversary)	146
Kuras L. V., Vanchikova T. P. Transbaikalia – Terra Incognita. Book Review: History of Transbaikalia (from Ancient Times to 1917) by A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova	152

Социальная история

Social history

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-6-11

Виталий Григорьевич Зеляк,

доктор исторических наук, доцент,

Новосибирский государственный педагогический университет

(630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28),

e-mail: Zelyak75@mail.ru

Современная историография истории геологического изучения Северо-Востока России в 1920–1960-х годах

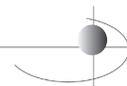
Цель статьи – историографический анализ трудов современных учёных по геологическому изучению Северо-Востока страны. Именно в период 1920–1960-х гг. были сделаны самые значительные открытия, составившие славу Золотой Колымы и Золотой Чукотки, процесс накопления геологических знаний привёл к появлению на Северо-Востоке подразделений академической науки. В историографии развития геологического изучения Северо-Востока выделяются два периода: советский период, датируемый 1920–1980 гг. и современный период, который охватывает 1990–2010-е гг. Исторические труды советского периода представляются достаточно изученными. Современная историография рассматриваемой проблемы нуждается в более глубоком осмыслении. Автор приходит к выводу, что современная историография истории развития геологического изучения Северо-Востока в 1920–1960-е гг. представлена значительным количеством разнообразных трудов историков и геологов региона. В научный оборот введён обширный фактический материал, имеются аналитические труды по проблеме начального периода геологических исследований региона (конец 1920-х – начало 1930-х гг.), деятельности геологов Дальстроя в 1930–1950-х гг., репрессия геологов, работе геологов в годы Великой Отечественной войны, открытию урановых месторождений в регионе, послевоенному кризису в геологии, открытию золота на Чукотке, формированию научно-геологических подразделений в регионе. Однако до настоящего времени отсутствуют обобщающие монографические исследования по данной теме, создание которых является давно назревшей актуальной задачей.

Ключевые слова: историография, Дальстрой, история науки, геологические исследования, Северо-Восток России

Введение. В отечественной историографии новейшего времени отчётливо проявляется тенденция к усилению тематики исторической регионалистики, особое значение приобретает проблематика освоенческих процессов, востребованная для выработки современных стратегий развития регионов России. Цель статьи – историографический анализ трудов современных учёных по геологическому изучению Северо-Востока страны. Особое внимание периоду 1920–1960-х гг. уделяется потому, что именно в это время были сделаны самые значительные открытия, составившие славу Золотой Колымы и Золотой Чукотки (в последующее время масштаб геологических открытий был существенно

скромнее); накопление геологических знаний в рамках этого периода обусловило появление на Северо-Востоке фундаментальной, академической науки.

В историографии развития геологического изучения Северо-Востока выделяются два периода: советский период, датируемый 1920–1980 гг. и современный период, который охватывает 1990–2010-е гг. Данные периоды существенно различаются полнотой использования исторических источников, степенью доступности архивов, методологическими подходами. С начала 1990-х гг. тематика исследований существенно расширилась (репрессии геологов, использование труда заключённых на геологоразведке, поиски

урана), при этом сохранилось много схожих тем (первые геологические экспедиции на Колыме и Чукотке, личности геологов-первопроходцев, взаимосвязь геологии и поступательного развития народнохозяйственного комплекса региона).

Советский этап историографии развития геологического изучения Северо-Востока был детерминирован концепцией о предопределяющей роли Коммунистической партии в освоении отдалённого региона, трансформации его в промышленно-развитый комплекс. Работы носили описательный характер, а важнейшие показатели по всем месторождениям цветных металлов были засекречены. В целом исторические труды рассматриваемой проблемы представляются достаточно изученными. Вместе с тем на современном этапе историография истории развития геологического изучения региона нуждается в более глубоком осмыслении.

Методология и методы исследования. Методологическим основанием работы является регион-ориентированный подход теории модернизации, позволяющий наиболее рельефно изучать историю России через анализ исторического развития её отдельных регионов. Основным методом стал проблемно-хронологический анализ как один из наиболее общепризнанных для историографических исследований.

Результаты исследования и их обсуждение. Общей тенденцией современного историографического периода стало введение учёными в широкий научный оборот внушительного массива архивных документов, ранее недоступных исследователям. Особый интерес историков в 1990-е гг. вызвали актуальные проблемы использования труда заключённых Дальстроём, динамики развития золотодобывающей промышленности и других отраслей народного хозяйства. Эти темы неразрывно связаны с процессом геологического изучения Северо-Востока в 1920–1960-е гг., поэтому в основных работах А. С. Навасардова [12], А. И. Широкова [28; 29], И. Д. Бацаева [2], В. Г. Зеляка [5; 6] уделяется должное внимание развитию геологии. Историки справедливо указывают на непосредственную взаимосвязь геологоразведочных работ со спецификой формирования промышленно-транспортной инфраструктуры Северо-Востока. Весьма ценным является обращение историков к новым методологическим подходам. Так, А. И. Широков указывает, что Северо-Восток, как и весь советский Север в целом, стали окраинами,

которые пережили «вторую волну» колонизации, которая включила их в единое экономическое и политическое пространство страны [28, с. 102].

В региональной историографии имеются и труды, в которых проблемам геологического изучения региона уделяется первостепенное значение. Так, А. Г. Козлов в статье «Геологоразведочные работы и старательская золотодобыча на Колыме (1908–1933)», опубликованной в 2001 г. [9], приводит сведения о деятельности геологов-первооткрывателей, количеству старателей, приисков, добытого золота; внутри выбранных хронологических рамок он выделяет четыре периода развития геологического изучения, что, однако, представляется чрезмерно дробным. Разработку данной проблематики А. Г. Козлов продолжил в статье «Геологоразведочные работы Дальстроя в первое десятилетие его деятельности (1932–1942)», вышедшей в 2002 г. [8]. Следует отметить и постановочную статью А. Г. Козлова (2005 г.) «Наука Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [10], в которой автор предпринял обзор научной деятельности Дальстроя в военный период.

В 2008 г. вышла статья В. Г. Зеляка «Реорганизация геологической службы Северо-Востока России в 1957 г.» [7], посвящённая началу деятельности Северо-Восточного геологического управления. В этот период «большая геология» региона вышла из подчинения добывающей организации, стала более самостоятельной в своей деятельности, в том числе в выборе направлений поисков полезных ископаемых. В 2013 г. С. М. Райзман опубликовал статью «Северо-Восточный совет народного хозяйства: территория деятельности и проблемы геологического обслуживания горных предприятий» [21]. Наряду с характеристикой деятельности Северо-Восточного совнархоза в 1963–1965 гг., автор значительное внимание уделил развитию эксплуатационной геологии, которая находилась в подчинении совнархоза и осуществляла непосредственное геологическое сопровождение добычных работ.

Наиболее значительное количество трудов по проблемам геологического изучения Северо-Востока в 1920–1960-х гг. принадлежит магаданской исследовательнице Г. А. Пустовойт. Её научные изыскания ведутся по трём основным направлениям. Первое направление – это анализ деятельности геологических экспедиций, которому посвящены статьи «Организация геологических иссле-

дований на Северо-Востоке России в 1920–1930-е гг.» (2013), «Геологические экспедиции и организация научных исследований на Северо-Востоке СССР (1931–1938 гг.)» (2010), «Геологическое изучение Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (2015) [17–19]. Второе направление – изучение проблем функционирования первых научно-исследовательских структур региона: центральной научно-исследовательской лаборатории Дальстроя, научно-исследовательского отдела Геологоразведочного управления Дальстроя, Всесоюзного научно-исследовательского института золота и редких металлов (ВНИИ-1, г. Магадан) [14–16]. Характеризуя научно-организационные мероприятия по созданию исследовательских учреждений геологического профиля в структуре Дальстроя, Г. А. Пустовойт одновременно анализирует и процесс накопления теоретических и прикладных научных знаний по геологии Северо-Востока России в указанный период. Третье направление – это научная биографистика, жанр которой позволяет осветить проблемы становления, динамику роста и кадровый состав научного геологического сообщества в регионе, показать роль личности в процессе накопления научных знаний. Примером этого жанра является статья Г. А. Пустовойт (2016 г.) «Дальстроевский герой “Атомного проекта”» (к 125-летию рождения С. П. Александрова)» [20].

К ретроспективному анализу геологических исследований на современном этапе обращаются в своих публикациях и учёные-геологи региона А. В. Альшевский (2008), М. Л. Гельман и Б. Ф. Палымский (2002), Ю. В. Прусс (2008, 2017) [1; 3; 4; 13]. В их трудах обобщаются основные вехи геологического изучения Северо-Востока, делается акцент на преемственности в развитии представлений о геологическом устройстве Северо-Востока Азии, начиная с дореволюционного периода. Весьма ценным является использование авторами отчётов, собранных в Фонде хранения геологической информации Магаданской области.

Сохраняется интерес к личностям геологов-первопроходцев. Так, краевед Р. С. Седов посвятил ряд своих работ биографиям Ю. А. Билибина (1998) и Д. В. Вознесенского (2004) [23; 24]. Журналист Т. П. Смолина (2001) и историк А. Г. Козлов (2001) изучали жизнь и деятельность Ю. А. Билибина [11; 26]. К осмыслению вклада первооткрывателей, трудностей их жизненного пути в современной историографии актуализируется

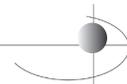
аспект взаимодействия и противостояния деятельной личности геолога жёсткой системе сталинского периода.

Новой является тема репрессий геологов. Отдельные аспекты этой проблемы затрагивали в своих трудах А. Г. Козлов, И. Д. Бацаев, А. И. Широков, В. Г. Зеляк. Дальневосточный исследователь В. И. Ремизовский систематизировал биографии геологов, подвергшихся репрессиям, в работе «Репрессированные геологи Дальнего Востока» (2001) [22]. Сопоставительный анализ свидетельствует, что геологическая служба Северо-Востока (Дальстроя) в целом пострадала меньше, чем соответствующие структуры Приморья и Приамурья.

Дальнейшее развитие получила и мемуарная литература. Особый интерес представляют воспоминания директоров Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института (СВКНИИ) академика Н. А. Шило (2007) [27] и член-корреспондента А. А. Сидорова (2016) [25]. Они являются непосредственными организаторами становления академической науки на Северо-Востоке СССР. Большую ценность для изучаемой проблематики представляют их свидетельства о геологических исследованиях в 1940–1960-х гг., об организации ВНИИ-1, а затем и академической структуры – СВКНИИ.

Выводы. В завершение исследования следует отметить, что современная историография истории геологического изучения Северо-Востока в 1920–1960-е гг. представлена значительным количеством разнообразных трудов историков и геологов региона. В научный оборот введён обширный фактический материал по многим важным аспектам геологического освоения северо-восточного края. Особое внимание в течение современного периода уделялось проблемам начального этапа геологических исследований региона (конец 1920-х – начало 1930-х гг.), деятельности геологов Дальстроя и грандиозным открытиям, составившим славу Золотой Колымы, репрессиям геологов Северо-Востока, работе геологов в годы Великой Отечественной войны, открытию урановых месторождений в регионе, послевоенному кризису в геологии, открытию золота на Чукотке и подъёму геологии в конце 1950-х – начале 1960-х гг., становлению самостоятельного Северо-Восточного геологического управления, формированию научно-геологических подразделений в регионе.

Однако до настоящего времени отсутствуют обобщающие монографические исследо-

вания по данной теме, создание которых является давно назревшей актуальной задачей (по истории лагерной системы Дальстроя, развитию горнодобывающей промышленности такие труды уже имеются). Проблема истории геологического исследования Северо-Востока не стала предметом изучения со стороны учёных научных и учебных заведений, отсутствуют обобщающие работы по истории отечественной геологии в советский период, наличие которых позволило более точно определить роль и значение геологических исследова-

ований северо-восточного региона в общегосударственной системе. В более глубокой проработке нуждается и ряд тем, недостаточно раскрытых в региональной историографии: разведки неметаллических полезных ископаемых, развитие эксплуатационной (приисковой) геологии, подготовка кадров для геологической службы региона, репрессии геологов Северо-Востока, послевоенный кризис «большой геологии» и теория «затухания Золотой Колымы», роль женщин-геологов в изучении минерально-сырьевой базы региона и другие.

Список литературы

1. Альшевский А. В. О «Золотом векселе» Ю. А. Билибина // V Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф. Магадан: Кордис, 2008. С. 14–18.
2. Бацаев И. Д. Очерки истории Магаданской области (начало 20-х – середина 60-х гг. XX в.). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2007. 255 с.
3. Гельман М. Л., Палымский Б. Ф. Основные этапы геологического изучения Северо-Востока России // II Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 133–144.
4. Геологи Северо-Востока. 80 лет Первой Колымской экспедиции. Магадан: Охотник, 2008. 148 с.
5. Зеляк В. Г. «Валютный цех страны»: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928–1991 гг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. 466 с.
6. Зеляк В. Г. Пять металлов Дальстроя. История горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30–50-х гг. XX в. Магадан: Кордис, 2004. 283 с.
7. Зеляк В. Г. Реорганизация геологической службы Северо-Востока России в 1957 г. // Колымский гуманитарный альманах. 2008. Вып. 3. С. 159–176.
8. Козлов А. Г. Геологоразведочные работы Дальстроя в первое десятилетие его деятельности (1932–1942) // II Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 144–148.
9. Козлов А. Г. Геологоразведочные работы и старательская золотодобыча на Колыме (1908–1933) // Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. С. 182–190.
10. Козлов А. Г. Наука Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Колымские вести. 2005. № 1. С. 3–12.
11. Козлов А. Г. Ю. А. Билибин на Колыме: год 1938-й // Колымские вести. 2001. № 13. С. 12–18.
12. Навасардов А. С. Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932–1937 гг. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2002. 184 с.
13. Прусс Ю. В. Геологическая служба Северо-Востока России. 1931–2014. Магадан: Охотник, 2017. 305 с.
14. Пустовойт Г. А. О некоторых тенденциях развития Всесоюзного научно-исследовательского института золота и редких металлов МВД СССР в 1948–1953 гг. // Вестник СВГУ. 2009. № 12. С. 21–30.
15. Пустовойт Г. А. Геологические исследования научно-исследовательского отдела Геологоразведочного управления Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР в 40-е гг. XX в. // VI Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 185–188.
16. Пустовойт Г. А. Организация и функционирование Центральной научно-исследовательской лаборатории Главного управления строительства Дальнего Севера НКВД СССР в 1940–1948 гг. // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2010. № 2. С. 94–102.
17. Пустовойт Г. А. Геологические экспедиции и организация научных исследований на Северо-Востоке СССР (1931–1938 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 91–100.
18. Пустовойт Г. А. Организация геологических исследований на Северо-Востоке России в 1920–1930-е гг. // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.: сб. науч. ст. Екатеринбург: УИПЦ, 2013. С. 343–349.
19. Пустовойт Г. А. Геологическое изучение Северо-Востока России во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7, ч. 1. С. 138–142.
20. Пустовойт Г. А. Дальстроевский герой «Атомного проекта» (к 125-летию рождения С. П. Александра) // Вестник СВГУ. 2016. № 25. С. 66–74.
21. Райзман С. М. Северо-Восточный совет народного хозяйства: территория деятельности и проблемы геологического обслуживания горных предприятий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 160. С. 37–49.
22. Ремизовский В. И. Репрессированные геологи Дальнего Востока (краткие биографические сведения с указанием первоисточников). Хабаровск: ДВ НАН, 2001. 53 с.
23. Седов Р. В. Счастье и боль геолога Вознесенского // Колыма. 2004. № 2. С. 38–52.

24. Седов Р. В. Тропой Билибина. Дневник передового разведочного отряда. Магадан: МАОБТИ, 1998. 194 с.
25. Сидоров А. А. Времена недавние. От Дальстроя до нынешних времён. Магадан: Охотник, 2016. 300 с.
26. Смолина Т. П. Научное наследие Ю. А. Билибина – это классика: Билибинские чтения в СВКНИИ // Колыма. 2001. № 2. С. 53–57.
27. Шило Н. А. Записки геолога. Т. 1. Формирование дальневосточной науки. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2007. 300 с.
28. Широков А. И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 460 с.
29. Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан: Кордис, 2000. 151 с.

Статья поступила в редакцию 10.08.2018; принята к публикации 20.09.2018

Библиографическое описание статьи

Зеляк В. Г. Современная историография истории геологического изучения Северо-Востока России в 1920–1960-х гг. // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 6–11. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-6-11.

Vitaliy G. Zelyak,

*Doctor of History, Associate Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University
(28 Viluiskaya st., Novosibirsk, 630126, Russia),
e-mail: Zelyak75@mail.ru*

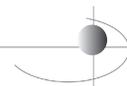
**Modern Historiography of the History of Geological Research
of Russia's North East in the 1920s–1960s**

The purpose of the article is a historiographical analysis of the works of modern scientists on the geological study of the Russia's North East. It was in the period of the 1920s–1960s. The most significant discoveries were made, which glorified Golden Kolyma and Golden Chukotka. The process of accumulation of geological knowledge led to the emergence of the North East units of academic science. In the historiography of the development of geological research of the Russia's North East, two periods are distinguished. The Soviet period dating from the 1920–1980s and the modern period which covers the 1990s–2010s. Historical works of the Soviet period are thought to be quite studied. The modern historiography of the considered problem needs a deeper understanding. The author comes to the conclusion that modern historiography of the history of the geological research of the Russia's North East in the 1920s–1960s is represented by a significant number of various works of historians and geologists of the region. Extensive factual material was introduced. There are analytical works on the problem of the initial period of the geological studies of the region (late 1920s – early 1930s), the activities of geologists of Dalstroi in the 1930s through the 1950s, repression of geologists, the work of geologists in the years of the Great Patriotic War, the discovery of uranium deposits in the region, the postwar crisis in geology, the discovery of gold in Chukotka, the formation of scientific-geological units in the region. However, there have been no generalizing monographic studies on this topic, the creation of which is an urgent task.

Keywords: historiography, Dalstroi, history of science, geological research, North East of Russia

References

1. Al'shevskiy, A. V. About Bilibin's "Golden bill". The 5th Proceedings in honor of Dikov, Scientific and Practical Conference. Magadan: 18–20 March 2008: 14–18. (In Rus.)
2. Batsaev, I. D. Essays on the history of the Magadan region (the early 1920s – mid 1960s). Magadan: SVKNII DVO RAN, 2007. (In Rus.)
3. Gel'man, M. L., Palymskiy, B. F. The main stages of geological study of the North-East of Russia. The 2nd Dikov's readings, Scientific and Practical Conference. Magadan: 23–25 March 2002: 133–144. (In Rus.)
4. Geologists of the North-East. 80 years of the First Kolyma expedition. Magadan: Ohotnik, 2008. (In Rus.)
5. Zelyak, V. G. "The currency workshop of country": the history of the mining complex of the North-East of Russia in 1928–1991. Tomsk, TGU Publ., 2015. (In Rus.)
6. Zelyak, V. G. Five metals of Dalstroi: history of the mining industry of the North-East of Russia in the 1930–50s. Magadan: Kordis, 2004. (In Rus.)
7. Zelyak, V. G. Reorganization of the geological survey of the North-East of Russia in 1957. Kolymskij gumanitarnyj al'manah, vol. 3, pp. 159–176, 2008. (In Rus.)

8. Kozlov, A. G. Geological exploration of Dalstroy in the first decade of its activity (1932–1942). The 2nd Dikov's readings, Scientific and Practical Conference. Magadan: 23–25 March 2002: 144–148. (In Rus.)
9. Kozlov, A. G. Geological exploration and gold mining at the Kolyma (1908–1933). Dikov's readings, Scientific and Practical Conference. Magadan, 2001: 182–190. (In Rus.)
10. Kozlov, A. G. Science of the North-East of Russia during the great Patriotic war of 1941–1945. Kolymskie vesti, no.1, pp. 3–12, 2005. (In Rus.)
11. Kozlov, A. G. Yu. A. Bilibin at the Kolyma: the year of 1938. Kolymskie vesti, no.13, pp. 12–18, 2001. (In Rus.)
12. Navasardov, A. S. Transport development of the North-East of Russia in 1932–1937. Magadan: SVNC DVO RAN, 2002. (In Rus.)
13. Pruss, Yu. V. The geological service of the North-East of Russia. 1931–2014. Magadan: Ohotnik, 2017. (In Rus.)
14. Pustovoi, G. A. About some tendencies of development of all-Union research Institute of gold and rare metals of the Ministry of internal Affairs of the USSR in 1948–1953. Vestnik SVGU, no.12, pp. 21–30, 2009. (In Rus.)
15. Pustovoi, G. A. Geological studies of the research Department of the main Directorate of construction in the Far North of the NKVD of the USSR in 1940s. The 6th Dikov's readings, Scientific and Practical Conference. Magadan: 23–25 March 2010: 185–188. (In Rus.)
16. Pustovoi, G. A. Organization and functioning of the Central research laboratory of the main Directorate of construction in the Far North of the NKVD of the USSR in 1940–1948. Vestnik Severo-Vostochnogo nauchnogo centra DVO RAN, no. 2, pp. 94–102, 2010. (In Rus.)
17. Pustovoi, G. A. Geological expeditions and organization of scientific research in the North-East of the USSR (1931–1938). Rossiya i ATR, no. 2, pp. 91–100, 2010. (In Rus.)
18. Pustovoi, G. A. Organization of geological research in the North-East of Russia in the 1920s-1930s. The regional dimension of Russian modernization XVIII–XX centuries. Ekaterinburg: OOO "UIPC", 2013: 343–349. (In Rus.)
19. Pustovoi, G. A. Geological study of the North-East of Russia during the great Patriotic war of 1941–1945. Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice, no. 7, part 1, pp. 138–142, 2015. (In Rus.)
20. Pustovoi, G. A. Dalstroy's hero of "Atomic project" (to the 125th anniversary of the birth of S. P. Alexandrov). Vestnik SVGU, no. 25, pp. 66–74, 2016. (In Rus.)
21. Rajzman, S. M. North-Eastern Council of national economy: territory of activity and problems of geological service of mining enterprises. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gercena, no. 160, pp. 37–49, 2013. (In Rus.)
22. Remizovskiy, V. I. Repressed geologists of the Far East (brief biographical information with indication of primary sources). Habarovsk: Dal'nev. narodnaya akademiya nauk, 2001. (In Rus.)
23. Sedov, R. V. Happiness and pain of geologist Voznesenskogo. Kolyma, no. 2, pp. 38–52, 2004. (In Rus.)
24. Sedov, R. V. The path of Bilibin. Diary of the advanced reconnaissance detachment. Magadan: OJSC "MAOBTI", 1998. (In Rus.)
25. Sidorov, A. A. Recent times: From the Dalstroy to the present day. Magadan: Ohotnik, 2016. (In Rus.)
26. Smolina, T. P. The scientific heritage of Yu. A. Bilibina is a classic: Bilibin's readings in SVKNII. Kolyma, no. 2, pp. 53–57, 2001. (In Rus.)
27. Shilo, N. A. Notes of a geologist. Vol.1. The formation of the Far Eastern science. Magadan: SVNC DVO RAN, 2007. (In Rus.)
28. Shirokov, A. I. State policy in the North-East of Russia in the 1920s-1950s: experience and lessons of history. Tomsk: TGU Publ., 2009. (In Rus.)
29. Shirokov, A. I. Dalstroy: the prehistory and first decade. Magadan: Kordis, 2000. (In Rus.)

Received: 10 August 2018; accepted for publication September 20, 2018

Reference to the article

Zelyak V. G. Modern Historiography of the History of Geological Research of Russia's North East in the 1920s–1960s // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 6–11. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-6-11.

УДК 94(47+57):323

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-12-21

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

О политической концепции «Россизм» атамана Семёнова

В статье использовался преимущественно историко-сравнительный метод, особенно при анализе содержания концепции, проведённом с позиции теории модернизации. Этому предшествовало выяснение идентичности текстов первого и современного изданий мемуаров, а также выявление в воспоминаниях основной части и фрагментов текста концепции, рассредоточенных по различным главам книги. Автор пришёл к выводу, что в основу «Россизма» легло признание Г. М. Семёновым законности требования крестьян по аграрному вопросу. Но он отказался признать право народа на исторический выбор власти и не согласился с окончательным его переходом на сторону Советов. Считая страну оккупированной большевиками, он в конечном итоге оказался на стороне врагов России – нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Семёнов своим примером убедительно показал, что абсолютный антикоммунизм и антисоветизм неизбежно превращаются в антироссийскую политику. Предложенный атаманом Семёновым государственный строй, призванный заменить советскую государственность, охарактеризован как тоталитарный с чертами казацко-крестьянского традиционализма. Провозглашённые им политические принципы могли функционировать в его модели крайне ограниченно, сочетаясь с исчезновением парламентаризма и партийной системы. Г. М. Семёнов только критиковал советскую политику индустриализации, но судьбоносную для России проблему превращения страны в индустриальную державу не поставил. Его концепция не содержит никаких весомых ответов на вызовы мировой истории XX века, существенно уступая по всем главным параметрам советскому проекту модернизации России, обнаружив тщетность каких-либо новаторских потуг белой эмиграции.

Ключевые слова: атаман Семёнов, мемуары атамана Семёнова, политическая концепция «Россизм», тоталитаризм, фашизм и нацизм, суверенные права народа

Введение. Концепция «Россизм» атамана Семёнова ещё не рассматривалась современными историками в качестве самостоятельной темы. В их поле зрения до последнего времени находились реконструкция событийной истории его военно-политической деятельности [1; 5; 6; 12] и история русского фашизма [2; 4; 7; 8; 13].

Автор, отслеживая в ряде статей внутреннюю эволюцию политической позиции атамана Семёнова [10; 11], пришёл к заключению, что его взгляды в период эмиграции были обновлены, а в сравнении с политическими направлениями, бытовавшими среди белоэмигрантов, в определённой мере оказались модернизированными [11, с. 49]. Исследование его концепции даёт возможность выяснить направление и пределы мотивов политического модерна белой эмиграции.

Цель статьи – показать происхождение концепции, дать анализ её содержанию, сравнив предлагавшуюся им модель общественного развития России с советским проектом её модернизации. Поэтому выяснение реального содержания его политической концепции представляет исторический интерес и является вполне актуальным.

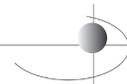
Статья написана на основе мемуаров атамана Семёнова «О себе»¹ [16; 17]. Текстуальная основа концепции находится в последней главе воспоминаний, названной «Где же выход?». Кроме этого, её содержание рассредоточено отдельными фрагментами в других главах воспоминаний.

Методология и методы исследования.

Предлагаемая статья продолжает методологическую канву предыдущих публикаций автора об атамане Семёнове [10; 11] с более широким использованием историко-сравнительного метода. Он применялся в плоскости источниковедческого анализа и при выяснении содержания концепции с позиции теории модернизации.

Результаты исследования и обсуждение. Сравнение первого издания мемуаров, вышедшего в 1938 г. в Харбине, с современным изданием показывает идентичность внешней структуры и самих текстов [16; 17]. Они имеют приложения. Среди них – документ с названием «Выдержки из “Плана ми-

¹ Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – Харбин, 1938. – 228 с.; Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – М.: АСТ: Гей итерум, 1999. – 320 с.

ровой борьбы с большевизмом». Он разрабатывался Семёновым в 1920–1921 г. в так называемую порт-артуровскую паузу [11, с. 49].

Его содержание – идейный исток концепции. К исходному комплексу идей следует отнести, во-первых, тотальный антикоммунизм Семёнова, приведший его к антироссийской позиции с формулой «Там, где большевики – нет России» [16, с. 216; 17, с. 306]. Во-вторых, установку исключительно на военно-политический разгром советской России внешними силами. «Новая внешняя война, – утверждал он, – должна быть неудачной для советской власти, т. е. окончиться потерей территории, полным разгромом Красной армии и уничтожением её как таковой» [16, с. 221–222; 17, с. 312]. В-третьих, по его мнению, «политическая часть [военной] операции должна быть разработана до начала её, а не после завоевания территории, как это происходило до сих пор» [16, с. 222; 17, с. 313]. Признание первоочередной разработки политической части военной операции, включая подготовку идеологической доктрины, отражало понимание им значения возросшей роли политической работы в армии и в обществе.

Последовательное осмысление этих трёх направлений с учётом накопленного им опыта в годы Гражданской войны и происшедших изменений в международных отношениях 1920–1930-х гг. завершилось разработкой им концепции «Россизм», получившей своё название от слова «Россия».

Вместе с этим следует учитывать, что появление его концепции связано с качественным пересмотром им своей политической позиции в 1921 г. К этому времени следует отнести его радикально изменившиеся взгляды в отношении крестьянства. В мемуарах он писал: «Внутренняя политика императорских правительств последних лет, действительно, подготавливали почву для недовольства в самых широких слоях населения. Особенно многомиллионное крестьянство имело все основания желать радикальных перемен, будучи ограничено в гражданских правах и остро нуждаясь в увеличении своих земельных наделов» [16, с. 36; 17, с. 55–56]. И далее: «Правительство, вместо того, чтобы коренными реформами решительно пресечь недовольства, дать землю крестьянам и уравнивать их в правах со всем остальным населением империи, металось из стороны в сторону, бросаясь в крайности и восстанавливая против себя решительно все слои населения» [16, с. 37; 17, с. 56–57]. Досталось и белому движению.

«Крестьянство, – писал он, – ждало от белых немедленной земельной реформы, но она откладывалась до окончания Гражданской войны, что дало большевикам отличную почву для агитации и запугивания крестьян возвращением помещиков» [16, с. 133; 17, с. 218].

Именно этот поворот в отношении крестьянства, признающий справедливость их требований, делает понятными его слова, написанные в 1921 г. буквально по-большевистски: «Власть должна быть революционной и должна идти впереди, угадывая справедливые потребности масс, а не откладывать все большие вопросы “до Учредительного собрания”» [16, с. 223; 17, с. 314].

Нужно отдать Семёнову должное. Он одним из первых в эмиграции осознал бесповоротность раздела крестьянами помещичьей земли. Большинство политической эмиграции только в 1926 г. на своём объединительном съезде пообещали в принятой резолюции не отнимать у крестьян землю [14, с. 108].

По крестьянскому вопросу он в некоторой степени приблизился к позиции генерала А. А. Брусилова [18, с. 228, 229]. О нём Семёнов пишет в своих мемуарах и даёт ему на удивление достаточно сдержанную политическую оценку [16, с. 41; 17, с. 62]. И это несмотря на то, что Брусилов, перешедший в 1920 г. к красным, был заочно приговорён белыми к повешению и стоял в списке первым среди 12 генералов, приговорённых ими к смерти за измену белому делу [19, с. 10–11]. Но Семёнов не смог подняться на уровень признания суверенных прав народа и в этом отношении сильно уступал А. А. Брусилову.

Прославленный генерал следующим образом объяснял свою позицию: «Я хорошо сознавал, что после первого акта революции, бывшего в 1905–1907 годах, неминуемо должен быть и второй акт как неизбежное следствие этой грозной и продолжительной войны [Первой мировой]... Какую бы физиономию революция не приняла, я внутренне решил покориться воле народной, но желал, чтобы Россия сохранила свою мощь, а для этого нужно было выиграть войну» [18, с. 222–223]. В итоге: «...Судя по ходу дел, зная русский народ, я видел ясно, что мы обязательно дойдём до большевизма» [Там же, с. 243].

Семёнов, хотя по итогам Гражданской войны признал справедливость требований крестьян, но в отличие от генерала Брусилова отказался признать исторический выбор народа в пользу советской власти, окончательно подтверждённый им в годы Гражданской войны. Семёнов стал рассматривать Россию

как оккупированную страну большевиками. В противовес действующему Коммунистическому Интернационалу он выдвинул лозунг создания Белого Интернационала, имея в виду организацию международных сил против коммунистической угрозы [16, с. 219; 17, с. 309].

Правда, с момента, когда этот лозунг был сформулирован в 1921 г., ему предстояло ещё пройти долгий путь. После последней и безуспешной попытки вместе с братьями Меркуловыми закрепиться в Приморье и окончательного изгнания белых из Владивостока организованные Г. М. Семёновым военные силы рассыпались и растворились в Маньчжурии.

В эмиграции он устраивался трудно. Его не принимали ни в Китае, ни в Японии. Он был вынужден просить убежища во Франции и, получив разрешение, выехал туда через Канаду и США. Но истратил значительную часть своих средств на судебный процесс, организованный против него в США из-за его политики террора времен Гражданской войны, и был вынужден вернуться назад [16, с. 185; 17, с. 263].

Кстати, в Европе его мало кто ждал. По всем признакам, несмотря на свой непреклонный антикоммунизм, он не соответствовал ни одному политическому направлению белой эмиграции: ни монархист, ни либерал, ни социалист. В глазах многих – почти самозванный атаман, конфликтовавший из-за своих амбиций и японской ориентации с А. В. Колчаком. Остатки сибирской армии он тоже не удержал, зато «слава» о его кровавом терроре была широко известна.

Напротив, на Востоке у забайкальского белого казачества он ещё сохранял авторитет и имел «японских друзей», которые при всех возникших трудностях в конечном итоге и помогли ему устроиться в Японии в Нагасаки на условиях отказа от политической деятельности.

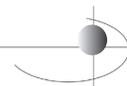
Он не проявлял себя в политике до середины 1920-х гг., а затем снова вернулся в Китай, почуяв новый тренд мировой истории и увидев новое поле для своей деятельности. Один из главных его выводов этого времени заключался в том, что западные страны оказались не способными к организованному отпору международному коммунизму. Но и на востоке он ничего не смог добиться, столкнувшись с нарастающим влиянием СССР. В итоге он был вынужден искать новые подходы, контуры которых стали просматриваться к концу 1920-х гг.

Начало разработки его концепции следует отнести к периоду мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.). Завершение работы над ней связано уже с написанием мемуаров в 1936–1938 гг. В 1936 г. Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт, к которому в 1937 г. присоединилась Италия. История, казалось, услышала его. Он работал с подъёмом. В предисловии к мемуарам Семёнов писал: «В мире совершаются определённые сдвиги, это вселяет надежду в наши сердца на близость грядущего освобождения нашей страны от поработившего её ига. Одушевлённые этой надеждой, – продолжал он, – мы должны усиленно готовиться к грядущим событиям, чтобы не оказаться застигнутыми ими врасплох» [16, с. 3; 17, с. 9–10]. Разработка им политической концепции являлась одним из важных направлений такой подготовки.

Безусловно, его работа над концепцией стимулировалась и превращением итальянского фашизма и германского нацизма в крупную международную силу, создававшую большую опасность для существования СССР. Кроме этого, Япония на территории Северо-Восточного Китая создала в 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-Го. В 1931 г. в Маньчжурии создаётся Русская фашистская партия (РФП). Сравнение политического содержания концепции Семёнова с вполне официальным партийным документом русских фашистов, каким является «Азбука фашизма» [15], показывает общность их позиции по многим вопросам, хотя и полное совпадение их взглядов отсутствует.

Быстрый численный рост РФП, преобразование её в 1934 г. во Всероссийскую фашистскую партию не могли не вызвать озабоченности Семёнова сохранением своего политического влияния на политическую эмиграцию в Северо-Восточном Китае. Несмотря на политическую ставку на итальянский фашизм и германский нацизм, у Семёнова наблюдалась особая позиция, свидетельствующая о достаточно самостоятельной разработке им концепции. Он расходился с русскими фашистами по ряду вопросов. Во-первых, у Семёнова отсутствовал антисемитизм. Во-вторых, он не был склонен к заимствованию идей социальной справедливости. В-третьих, он не считал, что интервенцию внешних сил против СССР нужно было оговаривать какими-либо условиями.

Для Семёнова, расходившегося с русскими фашистами по обозначенным вопросам, было особенно важно подчёркивать свой при-

оритет в провозглашении политики борьбы с СССР и международным коммунизмом. Поэтому неслучайно в «Приложении» в его мемуарах им были опубликованы выдержки из «Плана мировой борьбы с большевизмом». Япония, как показывают публикации Л. В. Кураса, поддерживала его статус лидера и идеолога белой эмиграции [5, с. 109; 6, с. 187]. Но вместе с этим, представляется, что в организационном отношении преимущество она всё-таки отдавала русским фашистам в Маньчжурии. Неслучайно во главе печати и просвещения Главного бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) был поставлен лидер русских фашистов К. В. Родзаевский, а разведки и контрразведки – член РФП М. А. Матковский [5, с. 108]. В целом Японии удалось выгодно для себя объединить под одной крышей молодое поколение эмигрантов и тех ветеранов Гражданской войны, которые еще сохраняли силы и признавали авторитет Семёнова.

При разработке политической концепции Семёнов использовал понятия «благо государства», «благо народа», «благо населения». Но в отличие от русских фашистов он не возвышал на политический пьедестал русский народ. Этими понятиями он стремился удержать в сознании всё социальное, этническое, конфессиональное и политическое многообразие России, обдумывая, каким образом можно решить проблему её единения, чтобы освободить её от власти большевиков. Эта исходная позиция определяла особенности восприятия идеологических и политических доктрин Муссолини и Гитлера. Но он однозначно разделял их политическую позицию в целом и возлагал надежды на появление новых «Муссолини, Гитлеров и Франко» [16, с. 195; 17, с. 277].

Концепция содержала обоснование основополагающих принципов и главных направлений политики. Её реализация должна была, по его мнению, обеспечить национальное единение страны. Среди них он выделил признание за народами России права на национально-культурную и территориальную автономию. Особенно он подчёркивал важность для общества интегрирующую роль государства, осуществляемую «в соответствии с экономическими и социальными отношениями в стране» и с полным учётом «историко-бытовых условий отдельных народностей России». Он выступал поборником «религиозной, личной и идеологической свободы», прописал право каждого быть гражданином своей страны и принадлежать своему наро-

ду (расе). Его концепция предусматривала существование политических партий в государстве в рамках строгой законности и, естественно, полное уничтожение коммунизма [16, с. 208–209; 17, с. 296–297].

Все перечисленные принципы, кроме антикоммунизма, не имели того абсолютного значения как они прописывались Семёновым. Они вводились им на условиях их содействия укреплению будущей российской государственности. Сами они были итогом его политической эволюции и отличались от взглядов не только периода Гражданской войны, но и её окончания, когда он полностью отошёл от старой белогвардейской политической платформы. Право наций на самоопределение, проступавшее в его политических высказываниях в годы Гражданской войны, в концепции отсутствует. Кроме этого, он не пытался связывать себя с выбором какой-либо формы государственного устройства. «Идейность национально мыслящих людей, – разъяснял он, – не должна заключаться в чисто академическом вопросе о форме строя, а должна выражать стремление к национальному возрождению и благополучию своего народа» [16, с. 206; 17, с. 292].

Он только пунктирно выражал своё отношение к монархии и диктатуре, совсем не настаивая на их выборе. «Я – не против диктатуры в решительные моменты в жизни наций, – писал Семёнов, – но никак не могу понять, какие преимущества получила наша родина, сменив самодержавную власть монарха на полный произвол кучки политических проходимцев и международных авантюристов, представляющих ядро правящей партии [коммунистов]» [16, с. 204; 17, с. 289]. Приведённый отрывок не содержит даже намека на стремление вернуться к монархии. В нём констатируется, по крайней мере, только сожаление автора о случившемся с Россией.

Понимая историческую локальность и ограниченность диктатуры как режима власти, он вместе с этим оставался твёрдым противником системы парламентаризма и партийности, которые несли в себе, по его мнению, «вредоносную бациллу» разрушения государственности [16, с. 206; 17, с. 292]. В итоге он сосредоточил своё внимание на совершенно новых государственных образованиях, какими были фашистская Италия и нацистская Германия. Именно в призме пересечения их опыта он пытался сформировать своё понимание новой государственности для России.

Безусловно, им учитывался и опыт советской власти. Его совершенно не удовлетворяла советская политическая система, в которой был реализован примат партийности одной партии, навязавшей, как он считал, свою волю народу. Но он учитывал политические качества советской власти, составлявшие её преимущества. Он был вынужден признать, что «со стороны большевиков мы видим железную спайку, единую армию, действующую в России, единую международную организацию, ведущую пропаганду во всех странах мира, объединённый источник материальных средств и единую волю, управляющую на всех фронтах борьбы и во всех пунктах пропаганды» [16, с. 218; 17, с. 308].

Его политические предпочтения полностью отдавались политической системе фашистской Италии и нацистской Германии, где партии Муссолини и Гитлера пришли к власти, отдав «дань парламентаризму, ибо без этого, очевидно, они не были бы приемлемы для масс» [16, с. 207; 17, с. 294]. Следует подчеркнуть, что данное суждение ничуть не противоречило его неприятию партийности и парламентаризма в принципе. «Дань парламентаризму» им рассматривалась как тактический политический ход.

Для определения новой российской государственности, способной заменить советское государство, он использовал метафору. Он сравнивал государство с храмом. «Государственное управление страной, в смысле своего морального авторитета, – разъяснял он, – должно уподобляться храму, в котором не может быть места ни личным, ни партийным интересам» [16, с. 206; 17, с. 293].

Политические обязанности граждан перед государством-храмом он рассматривал как политическую повинность по типу воинской повинности. «Необходимо найти такую формулу, государственно обязательную для всего населения страны, – продолжал он, – чтобы, подобно воинской повинности, существовала и политическая повинность, могущая создать в стране единую политическую армию, цели которой должны быть направлены на благо всего населения» [16, с. 207; 17, с. 293].

Если вдуматься в его метафорическое описание характера предлагаемого для России государства, то нельзя не заметить, что он предложил формулу нового типа тоталитарного устройства страны, обеспечивающего её общественно-политическую монолитность. Эта формула полностью меняла и функциональность изложенных им принци-

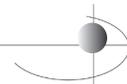
пов, составивших важную часть его концепции «Россизм». Их функционирование в его модели государственности могло приобрести только крайне ограниченный характер, а партийная система и парламентаризм исчезнуть.

В концепции он немногословно писал и о будущем России, которая должна была стать «по преимуществу крестьянской страной, т. е. страной мелкого земельного собственника» [16, с. 208; 17, с. 295].

С этой «крестьянской» позиции он критиковал Советское правительство за «гипертрофированную» индустриализацию [Там же]. По опыту Первой мировой войны Семёнов видел техническое отставание России, но в целом недооценивал значение индустриализации для неё. И естественно, не мог понять необходимости индустриального скачка, который осуществила в 1930-е гг. новая Россия – СССР.

Это отнюдь не означало, что он не видел новых тенденций и не понимал влияния индустрии на армию. Напротив, вполне представлял особенности предстоящей войны по целому ряду важных характеристик, включая возросшую роль фактора внезапности или наличие массовых армий, которые своей беспрецедентной количественной величиной придавали предстоящей новой мировой войне в рамках каждой отдельной страны общенациональный, а точнее сказать, тотальный характер. «Нужно предвидеть, – разъяснял он, – что с развитием техники в войнах будет принимать участие не только вооружённая часть народа, т. е. армия, но и весь народ в целом, включая женщин, стариков и подростков, и война будет вестись не только на фронте, но и в глубоких тылах противников» [16, с. 32–33; 17, с. 50].

Но его вполне правильные обобщения, вытекавшие из опыта Первой мировой и Гражданской войн, сочетались своеобразным образом с восприятием исторически сложившегося технического отставания России от Запада. Самое главное – он не ставил проблему преодоления отставания, а пытался найти дополнительные ресурсы в смежных сферах жизни страны, включая международное право: «...Всем странам придётся столкнуться с дилеммой: или повышать качество войск, в соответствии с требованиями техники и всё усложняющегося искусства воевать, или увеличивать их количество в ущерб моральной и технической ценности как отдельного бойца, так и всей армии в целом. Преобладание качества над количеством было бы вполне достижимо при возврате к срав-

нительно небольшим, но хорошо обученным армиям. Однако это осуществимо лишь при условии перехода всех стран к такому порядку, т. е. предполагает наличие какого-то международного соглашения, обязательного для всех» [16, с. 33; 17, с. 51].

Он не замечал, что его упование на международное право означало лишь «смирение» перед технической отсталостью России и ослабление её национальной безопасности перед лицом нараставшей угрозы новой мировой войны. Однако это «смирение» вполне сочеталось в условиях качественно нового разворота индустриализации в мире 1920–1930-х гг. с оставшимися у него традиционными взглядами, включая его особое внимание к роли конницы. Семёнов с воодушевлением повествовал, что «роль конницы ещё не закончилась, и необозримые степные просторы Евразии ещё не раз развернут на равнинах своих казачью лаву...» [16, с. 28; 17, с. 44].

В своём концептуальном подходе он самостоятельно вплотную подошёл к пониманию необходимости разработки военной доктрины государства, исходя из единства государственной политики как таковой, и организации военного дела в стране. «Суть высшей науки о войне, стратегии и предусматривает необходимость учёта политической обстановки как внутри страны, так и вне её, дабы точно обосновать принципы государственной обороны, предусматривая своих вероятных врагов и союзников» [16, с. 33; 17, с. 51–52].

Но дальше этого он не пошёл. Его взгляды свидетельствуют, что они у него сложились в 1920-е гг. А в 1930-е гг., когда в армиях ведущих стран мира стали быстро формироваться танковые и авиационные соединения, они существенно отстали. О том, что его взгляды на армию больше относились к 1920-м гг. и не соответствовали военно-техническому уровню армий 1930-х гг., свидетельствует сравнение с военными взглядами М. В. Фрунзе, который в 1921 г. обосновал военную доктрину советского государства [20].

Исходя из состояния экономики России, он тоже считал, что конница сохраняет своё значение [Там же, с. 48]. Но предложенная им военная доктрина обладала потенциалом учёта всего нового, что появлялось в военном деле. Всем своим содержанием – наступательной стратегией, маневренной тактикой, общенациональным подходом к решению организационных вопросов обеспечения обороноспособности страны – она была открыта военно-техническому обновлению Красной Армии [20; 21, с. 188–192].

Важно подчеркнуть, что недооценка Г. М. Семёновым значения индустриализации для России также вытекала из его непризнания не только в период революции и Гражданской войны, но и в годы эмиграции права народа на исторический выбор, и, следовательно, из отрицания суверенитета новой России, выступавшей и антиподом, и одновременно исторической преемницей Российской империи. Поэтому в сознании Семёнова понимание индустриализации не могло быть в достаточной степени актуализировано, как, впрочем, и у всей белой эмиграции. Для них проблема индустриализации не была актуальна, так как они рассчитывали на ликвидацию СССР преимущественно внешними силами.

Русские фашисты, правда, оговаривались, что они поддерживают только ту интервенцию, которая не будет преследовать захватнические цели. Вместе с этим они критиковали Союз Младороссов, близкого ВФП идеологически, но допуская, по их мнению, тактическую ошибку, обязывая своих последователей, в случае войны СССР с какой-нибудь другой державой, встать на сторону Коминтерна [15].

В целом разработанная Семёновым в 1930-е гг. концепция представляла собой бледный слепок с российской действительности и была больше обращена к опыту прошлого. Если сравнивать его тоталитарную концепцию уже с реально существовавшим советским строем, который тоже был тоталитарным, то в его модели в глаза бросается идеализированный казацко-крестьянский традиционализм. Индустриальный тоталитаризм советского типа при всех его трагических сторонах оказался исторически успешным. Он в условиях экстремального дефицита исторического времени [9, с. 128–129], оказался способным осуществить индустриальный скачок и сокрушить нацистскую Германию, разгромить военные силы милитаристской Японии в Маньчжурии, попутно раздавив подвернувшуюся под ноги политическую завязь тоталитарного «россизма» атамана Семёнова вместе с русскими фашистами в Маньчжурии. Его концепция своим содержанием никоим образом не отвечала на вызовы мировой истории, перед которыми стояла новая Россия.

Семёнов, будучи непримиримым противником СССР, даже не задумывался о той колоссальной угрозе для исторической России, которую несла с собой нацистская Германия со своими союзниками и милитаристская

Япония, выжидавшая только выгодного для себя момента, чтобы напасть на СССР. Вместе с этим он идеализировал фашистско-нацистскую идеологию и политику, умалчивая об их антигуманной сути и антидемократизме. Он в этом не был одинок. Известный философ эмигрантской поры И. А. Ильин питал те же иллюзии, но вместе с этим в своих публицистических выступлениях открыто брал национал-социализм под защиту от любой критики в его адрес, особенно идущей со стороны левых сил, рассматривая его в качестве оборонительного щита и активной ударной силы против влияния коммунизма [3].

Не будучи заражённым антисемитизмом, Семёнов сотрудничал с русскими фашистами, у которых антисемитизм был положен в основу их идеологии и политики. Он делал это в надежде получить очередную политическую выгоду. Но то, что ему не совсем удавалось даже в период Гражданской войны, теперь при новом масштабе столкновения мировых сил вообще не могло состояться, чтобы он не писал о нетрафаретном отношении к опыту фашистской Италии и нацистской Германии и учёте исторических особенностей России.

В его рассуждениях отсутствовало главное – забота о суверенитете России. Желанное им поражение СССР во Второй мировой войне означало бы только одно – ликвидацию суверенитета его страны с её тысячелетней историей. А для его восстановления не только у Семёнова, но у всей вымирающей белой эмиграции, и у возникшего русского фашизма никакого ресурса не было. Следует отметить, что даже самые незначительные политические союзники ещё во времена Гражданской войны смотрели на Семёнова, как на фигуру временную и разменную. Это вполне ясно прослеживается в рассуждениях одного из лидеров панмонгольского движения Э.-Д. Ринчино [5, с. 101].

Русские фашисты, хотя и имели в своей партии несколько десятков тысяч человек, но были в таком же положении. В 1943 г. японцы арестовали Родзаевского и запретили партию. Хотя доверие к лидеру русских фашистов было восстановлено, но запрет партии не сняли. Оказавшись в одном политическом обозе милитаристской Японии и нацистской Германии, ни Семёнов, ни русские фашисты, собранные под эгидой Японии, не могли рассчитывать ни на что.

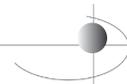
Советский Союз (Россия) стоял перед жестокой дилеммой – победить или погибнуть. Это понимала часть белой эмиграции,

у которой антикоммунизм не иссушил до конца живого чувства Родины. Это понимал умирающий на юге Франции лидер кадетов П. Н. Милюков. На закате своих дней в 1943 г. он писал в статье, распространяемой в списках: «Советские люди создали громадную промышленность и военную индустрию, они поставили на рельсы нужный для этого производства аппарат управления. Упорство советского солдата коренится не только в том, что он идёт на смерть с голой грудью, но в том, что он равен своему противнику в техническом знании и вооружении – и не менее развит профессионально» [14, с. 188].

Такие выводы для политиков типа П. Н. Милюкова, конечно, давались нелегко. Но сама проводимая им политика «новой тактики» требовала отслеживания изменений, происходивших внутри советского общества, в то время как у Семёнова политика фокусировалась преимущественно на отыскании международных сил, способных ликвидировать советский строй. Это различие в фокусировке политической сосредоточенности на различных объектах политической деятельности при острой необходимости и для белоэмигрантов решить проблему выбора, вставшей перед ними с момента нападения фашистской Германии на СССР, в конечном итоге привела к различным оценкам борьбы советского народа против фашистской Германии.

Милюков был вынужден признать, что «условия русской жизни мы не знали совсем..., советский гражданин... гордится своей принадлежностью к режиму... А главное, он не чувствует над собой палку другого сословия, другой крови, хозяев по праву рождения» [Там же, с. 188, 189]. Это было принципиальное признание того, что СССР держался не только на насилии, как неустанно твердил Семёнов, проявляя непримиримую враждебность на стороне врагов России.

Исходные понятия «благо России», «благо народа», «населения», положенные в основу его концепции, звучали патриотично. Но на почве, отравленной антикоммунизмом и его глубоко ошибочными оценками непонятой им советской России, они не возшли и ничего не дали, чтобы облегчить ее положение в суровые годы исторических испытаний. Напротив, победу Советского Союза под Москвой и Сталинградом он переживал как личную трагедию [6, с. 186], увидев в ней начало конца дела всей своей жизни, обернувшегося политической изменой, обусловленной отказом от признания права российского народа

на исторический выбор и его абсолютным антикоммунизмом.

Заключение. Вся история политической эволюции атамана Семёнова свидетельствует, что антикоммунизм и антисоветизм, возведённые в абсолютную степень, неизбежно превращаются в антироссийскую политику и никакие возвышенные слова о патриотизме не могут дать ей оправдания.

Концепция атамана Семёнова не давала даже приблизительно удовлетворитель-

ного ответа на вызовы мировой истории, перед которыми стояла Россия, и обнаруживает политический тупик белой эмиграции. Её политика даже в наиболее актуализированных вариантах существенно уступала советскому подходу к модернизации России. Советский вариант оказался единственным проектом, способным при всех трагических сторонах его осуществления обеспечить стране историческую победу во Второй мировой войне.

Список литературы

1. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 гг.: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
2. Звезды и свастика: большевизм и русский фашизм / общ. ред., сост. и послесл. С. Кулешова. М.: Терра, 1994. 320 с.
3. Ильин И. А. Национал-социализм. Новый дух // Возрождение. 1933. № 2906. 17 мая.
4. Курас Л. В. Русские фашисты в Маньчжурии в 20–40-е годы XX века // Сибирь в межвоенный период. Монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917–1941 гг. Тохоку: Ун-т Тохоку, Азиат. исслед. центр Сэндай. С. 129–147.
5. Курас Л. В. «Три жизни» атамана Г. М. Семёнова: любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 7. С. 94–113.
6. Курас Л. В. Атаман Семёнов: любовь, переросшая в предательство // Власть. 2014. № 2. С. 184–188.
7. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121.
8. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 156–164.
9. Мерцалов В. И. О концепции учебника «История» // Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей высш. учеб. заведений России: сб. тр. М.: Академ. истор. наук, 2016. С. 125–131.
10. Мерцалов В. И. Особенности политического радикализма атамана Семёнова // Забайкалье историческое: материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Мороз. Чита: ЗабГУ, 2017. С. 35–42.
11. Мерцалов В. И. Атаман Семёнов как политик // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 43–52.
12. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семёнова / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с.
13. Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. М.: Слово, 1992. 441 с.
14. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981. 231 с.

Источники

15. Азбука фашизма / сост. Г. В. Тараданов, при участии В. В. Кибардина, под ред. и с доп. К. В. Родзевского. Харбин: Наш путь, 1935. 110 с.
16. Атаман Семёнов. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. Харбин, 1938. 228 с.
17. Атаман Семёнов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ: Гея итэрум, 1999. 320 с.
18. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.
19. Жилин П. А. Предисловие // Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. С. 3–12.
20. Фрунзе М. В. Единая военная доктрина и Красная Армия // Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984. С. 30–51.
21. Фрунзе М. В. Фронт и тыл в войне будущего // Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984. С. 182–194.

Статья поступила в редакцию 20.09.2018; принята к публикации 25.10.2018

Библиографическое описание статьи

Мерцалов В. И. О политической концепции «Россизм» атамана Семёнова // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 12–21. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-12-21.

Viktor I. Mertsalov,
Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: mercialov47@mail.ru

On Cossack Ataman Semenov's Political Conception of "Russizm"

A historical-comparative method was used in the article to analyze a conception content based on modernization theory. It was preceded by text identity verification of the first and the latest memoirs edition published and revealing the main part of the concept and its text fragments which were disseminated in various chapters of the book. The author concluded that G. M. Semenov's recognition of peasants' demands legality on agrarian problem provided the basis for his "Russizm" conception. But he did not recognize people's right to historic choice of political power and did not agree with their final transition to the side of the Soviets. As ataman Semenov considered Russia being occupied by the Bolsheviks, in the end he found himself on the side of Russian enemies – Nazi Germany, fascist Italy and militarist Japan. By his own example G. M Semenov convincingly proved the idea that both absolute anti-communism and anti-Sovietism inevitably turn into anti-Russian politics. The state system concept proposed by ataman Semenov was developed to replace Soviet statehood. It can be characterized as a totalitarian one with the features of Cossack-peasant traditionalism. Political principles that he proclaimed could function in his model in an extremely limited way, combining with parliamentary and party system collapse. G. M. Semenov just criticized the Soviet policy of industrialization, but did not set forth the fateful problem of transforming Russia into industrial power. His concept does not contain any valid argument to address the challenges of the world history of the twentieth century, thus being significantly inferior in all respects to the Soviet project of modernizing Russia, and revealing the futility of all innovative attempts of the White émigrés after *the* Russian Revolution.

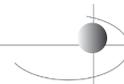
Keywords: Cossack Ataman Semenov, Cossack Ataman Semenov's memoirs, political concept of "Russizm", totalitarianism, fascism and Nazism, sovereign rights of people

References

1. Vasilevskiy, V. I. Statehood of the Whites in Transbaikalia in 1918 – 1920: History Essays. Chita: Poisk, 2000. (In Rus.)
2. Stars and Swastika: Bolshevism and Russian Fascism. Kuleshov, S., editor, compiler and author of epilogue M: Terra, 1994. (In Rus.)
3. Il'in, I. A. National-Socialism. New Spirit. Revival, no. 2906, 17 may, 1933. (In Rus.)
4. Kuras, L. V. Russian Fascists in Manchuria in 1920s – 1940s. Siberia during Inter-War Period, Mongolian Policy. System Reorganization of the Society: 1917–1941. Tohoku: Tohoku University, Asian Research Centre, Sendai (Japan):129–147. (In Rus.)
5. Kuras, L. V. "Three lives" of Ataman Semenov: Love and Betrayal (On Frontier). Review of Irkutsk State University. Series History, vol. 7, pp. 94–113, 2014. (In Rus.)
6. Kuras, L. V. Ataman Semenov: Love Turned Into Betrayal. Vlast, no. 2, pp.184–188, 2014. (In Rus.)
7. Mel'nikov, U. The Russian Fascists in Manchuria. Problems of the Far East, no. 2, pp. 109–121, 1991. (In Rus.)
8. Me'nikov U. The Russian Fascists in Manchuria. Problems of the Far East, no. 3, pp. 156–164, 1991. (In Rus.)
9. Mertsalov, V. I. On conception of the textbook "History". Collected works by university professors of All-Russia scientific Conference. 2016. M: Academy of Historical Sciences, 2016: 125–131. (In Rus.)
10. Mertsalov, V. I. Characteristic features of Ataman Semenov's Political Radicalism. Historical Transbaikalia: Proceedings of the VI Trans-regional Conference. November, 24, 2017. Chita: Transbaikal State University, 2017: 35–42. (In Rus.)
11. Mertsalov, V. I. Cossack Ataman Semenov as a Politician. Humanitarian Vector, vol. 13, no. 4, pp. 43–52, 2018. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-4-43-52. (In Rus.)
12. Romanov, A. M. Special Manchurian Squad of Cossack Ataman Semenov. Irkutsk: Ottisk, 2013. (In Rus.)
13. John J. Stephan. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. M: Clovo, 1992. (In Rus.)
14. Shkarenkov, L. K. Agony of the White Emigration. M: Mysl, 1981. (In Rus.)

Sources

15. Primer of fascism. Compiled by Taradanov, G. V., with participation of Kibardin, V. V., Rodzaevsky, K. V., edited by Harbin: Our path, 1935. (In Rus.)
16. Ataman Semenov. About Myself: Memoirs, Ideas, Summing-Up. Harbin, 1938. (In Rus.)
17. Ataman Semenov. About Myself (Memoirs, Ideas, Summing-Up). M: "Firm "Publishing house AST", "Gaea Iterum" Ltd., 1999. (In Rus.)
18. Brusilov, A. A. My Memoirs. M: Military Publishing House, 1983. (In Rus.)
19. Zhilin, P. A. Preface. Brusilov, A. A. My Memoirs. M: Military Publishing House, 1983: 3–12. (In Rus.)

20. Frunze, M. V. Unitary Military Doctrine and Red Army. Selected works. M: Military Publishing House, 1984: 30–51. (In Rus.)

21. Frunze, M. V. Front and Rear in the Future war. Selected works. M: Military Publishing House, 1984: 182–194. (In Rus.)

Received: 20 September 2018; accepted for publication October 25, 2018

Reference to the article

Mertsalov V. I. On Cossack Ataman Semenov's Political Conception of "Russizm" // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 12–21. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-12-21.

УДК 94(47+57)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-22-29

Илья Викторович Сидорчук,

кандидат исторических наук, доцент,

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29),*

e-mail: chubber@yandex.ru

Основные проблемы реализации государственной стратегии подготовки кадров для северных окраин СССР в 1920-х годах (на примере Северного факультета Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе)¹

Статья посвящена истории Северного факультета Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе в контексте реализации государственной стратегии подготовки кадров для северных окраин СССР в постреволюционный период. При существенном внимании исследователей к данной теме в научный оборот не был введён ряд архивных материалов, позволяющих дополнить картину первых лет истории одного из важнейших центров реализации государственной политики по культурной и политической интеграции народов Севера. Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод познания, включающий в себя принципы историзма, объективности и системности. Задачи, связанные с реконструкцией системы взаимоотношений научной корпорации и власти, решались на основе нового прочтения достижений историографической традиции, разнообразного комплекса источников. Исследование позволило сделать вывод, что создание подобного центра было важным и во многом символическим шагом, свидетельствующим о стремлении власти цивилизовать северные народы, однако итоги его работы нельзя оценить однозначно. Практическая реализация вызывала массу критики, являвшейся следствием как внутриинститутского соперничества, так и реакцией на реальные неудачи и проблемы. Таким образом, об успехе проекта воспитания в кратчайшие сроки кадров «национальной интеллигенции» в данном центре применительно к 1920–1930-м гг. говорить не приходится.

Ключевые слова: Северный факультет Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе, Институт народов Севера, история науки в России, В. Г. Тан-Богораз, Крайний Север

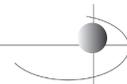
Введение. Цель коренного преобразования государственной политики в области освоения Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока являлась в постреволюционных условиях одной из актуальнейших для новой власти. Она включала в себя ряд задач, как унаследованных от предыдущего режима, так и совершенно новых. К первым относилось экономическое освоение этих территорий, потенциал которых использовался лишь в незначительной степени. Достаточно сказать, что улов рыбы на Русском Севере составлял не более 1 млн пудов, тогда как в Норвегии был больше в 20 раз; там имелось не более 30 действующих лесопильных заводов, а в Швеции около 3000². Научно-техническое развитие страны требовало открытия и освоения этих территорий, богатых минеральными ресурсами. Другой проблемой, со всей очевидностью заявившей о себе ещё в начале XX в., стало наращивание военных сил на восточных окраинах страны. В условиях враждебного окружения, а также внешнеполитических установок на поддержку мирово-

го революционного движения Сибирь могла оказаться как объектом внешнеполитических интересов стран Запада и Японии, так и плацдармом экспорта революции в Азию. Новой, и во многом самой сложной проблемой, стала культурная и политическая интеграция коренных народов Севера. Поддержка коренного населения и внимание к культурному развитию различных национальностей были одними из важных декларативных установок советской власти, стремившейся не только подчеркнуть отличие от царской политики русификации и эксплуатации [12, с. 206; 15, с. 281], но и распространить большевистскую идеологию. В связи с этим пристальное внимание было уделено подготовке кадров среди коренного населения для работы в северных окраинах СССР. Одним из главных центров реализации этих планов стал Северный факультет Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе, впоследствии преобразованный в Институт народов Севера.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования со-

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных – кандидатов наук, проект МК-4102.2018.6.

² Самойлович Р. Л. Как изучался русский Север // Ленинградская правда. – 1926. – № 43. – 21 февр. – С. 4.

ставляет общенаучный диалектический метод познания, включающий в себя принципы историзма, объективности и системности. Поставленные задачи решались на основе комплексного использования общенаучных методов (логического, исторического), а также специально-исторических (проблемно-хронологического, сравнительно-исторического) и науковедческих методов. Также был использован структурно-функциональный подход, позволяющий рассмотреть эволюцию научных структур. При проведении исследования автор исходил из идеи преемственности исторического опыта и традиций дореволюционной и советской науки, реализованных в деятельности научно-педагогических центров страны; государственной пользы как исторически сложившейся функции образования. Задачи, связанные с реконструкцией системы взаимоотношений научной корпорации и власти, решались на основе нового прочтения достижений историографической традиции, разнообразного комплекса источников.

Результаты исследования и их обсуждение. В 1925 г. на рабфаке Ленинградского университета стала учиться первая группа студентов из коренного населения Севера. В следующем году их перевели на созданное при рабфаке Ленинградского института живых восточных языков (с 1927 г. – Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе) Северное отделение, которое в 1927 г. было преобразовано в факультет, существовавший до преобразования в институт в 1930 г. В его организации приняли участие известный этнограф и писатель В. Г. Тан-Богораз, учёные С. Н. Стебницкий, Л. Я. Штернберг, Д. К. Зеленин, К. Я. Лукс. Изучение Севера планировалось соединить с практическим производственным подходом: студенты из Сибири, представители коренных народов, должны были не только выучить русский язык, но и быть способными нести социалистические идеалы своим соплеменникам.

История данного учреждения не раз привлекала внимание исследователей. В советской историографии доминировали не критичные оценки его деятельности и обход острых моментов, оказывавших негативное влияние на его развитие [2; 3; 7]. Отчасти это сохранилось и в современной литературе [4, с. 44–47; 9]. Активное привлечение архивных данных позволило скорректировать взгляд на его историю, показать, что, несмотря на уникальную роль в истории отечественного североведения, те задачи, которые провозглашались его создателями, во многом оста-

лись невыполненными [1; 6]. Зарубежные исследования в основном довольствуются краткой информацией об институте из советских работ [11, с. 6], либо могут содержать фактические ошибки, например, указание на то, что «Институт Севера» был создан в 1926 г. [10, с. 346]. При этом стоит выделить работы Ю. Слезкина, монография которого «Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера» переведена на русский язык [8; 13; 14]. Настоящая статья посвящена истории Северного факультета Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе. Работа написана на основании материалов фонда института, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) (ф. 7222), и Первичной организации ВКП(б) Ленинградского восточного института, хранящихся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) (ф. 1156). Данные источники позволили дополнить существующую историографическую картину, сфокусироваться на раскрытии целей создания данного научно-образовательного центра и существенно дополнить оценку результатов его деятельности на начальном этапе существования.

Данный научно-педагогический центр был призван стать важнейшим звеном в подготовке туземного актива и культурном строительстве на Севере. В частности, высоко его значение оценил А. В. Луначарский: «Рабфак северных народностей – своего рода чудо, потому что, если совершенная правда то, что о нём рассказывают, то тут достигаются два чуда. С одной стороны, с очень большой быстротой, свидетельствующей о естественной природной талантливости людей, происходит соприкосновение северных туземцев с культурой. С другой стороны, в молодых людях, детях Севера, проявляется чрезвычайный интерес, в смысле служения своей народности. Если мы привлечём теперь к работе среди туземцев молодую туземную интеллигенцию, если мы сосредоточим свои силы для достижения этой цели, мы добьёмся больших и серьёзных успехов»¹. Данное начинание получило широкую огласку, в частности, удостоилось развёрнутой положительной статьи в кадетской эмигрантской газете «Руль»².

¹ Луначарский А.В. Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере (Речь, произнесённая на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК 1 марта 1927 г.) // Северная Азия. – 1927. – № 3. – С. 20.

² Рабфак северо-восточных народностей // Руль. – 1926. – № 1799. – 31 окт.

Согласно положению о Северном факультете, он имел своей целью: «а) подготовку культурного актива для северных окраин Союза ССР и дружественных с СССР восточных стран, исключительно из среды коренного населения; б) подготовку лиц из той же среды к занятиям на основных разрядах и семинариях Л. В. И.»¹. Обучение составляло 4 года. К учёбе допускались лица не моложе 16 лет (встречается цифра и 17 лет)² и не старше 25 лет обою пола, хотя в отдельных случаях возрастная норма могла быть изменена, как в случае с 13-летним ненцем Вануйто [3, с. 150]. Факультет делился на три отделения: советского строительства, кооперативное и педагогическое³. Лицам, поступающим на Севфак, никаких требований в отношении общеобразовательной подготовки и знания русского языка не предъявлялось. Отдельно в правилах приёма отмечалось, что не принимаются лица, больные заразными болезнями, опасными для окружающих. Лица, зачисленные слушателями Севфака, обеспечивались общежитием, питанием, одеждой, бельём, постельными принадлежностями, учебными пособиями и стипендией⁴. Отличительной чертой набора на факультет было то, что важен был не столько образовательный уровень претендента, а его здоровье и понимание задач советской власти [6, с. 159]. Всего в 1928 учебном году на Севфаке учился 131 человек, больше всего тунгусов (49), гольдов (нанайцы) (19), самоедов (ненцы) (15) и остяков (ханты) (13), всего представители 20 национальностей⁵. Преподавать на Севфаке могли преподаватели высших учебных заведений, а также лица, «обладающие достаточным педагогическим или научным стажем и в достаточной степени знакомые с географическими и этнографическими особенностями Севера Союза ССР и сопредельных стран Центральной Азии»⁶.

У идеи создания факультета было достаточное число противников. Дискуссионным является вопрос, была ли их критика искренней, или причины стоит искать во внутринаучной и административной борьбе. В частности, речь может идти о конфликтах по поводу путей осуществления культурной революции на Севере и соперничестве между «северниками», стремившимся к административной автономии, и противодействовавшими им «вос-

точниками» [8, с. 222–223]. Тем не менее, ряд обстоятельств, способных дискредитировать факультет, действительно имел место быть. Таким образом, даже если противниками факультета двигали сугубо личные мотивы, у них в распоряжении оказывалось существенное число аргументов.

Географ и астроном, профессор М. П. Каменщиков (Каменьщиков) в письме от 15 марта 1928 г. помощнику ректора по Севфаку А. Е. Смыку, перечисляя недостатки факультета, отмечал, что студент «сравнительно надолго (на 4–5 лет) вырывается из родной ему обстановки, отрывается от среды, отвыкает от местных условий жизни и быта и деклассируется. Всё это, конечно, нельзя сказать, чтобы было полезно с государственной точки зрения». Несмотря на существенные затраты на содержание студентов, профессор констатировал полное отсутствие учебников: «Нет даже букварей и книг для обучения начальному счёту, имеющиеся учебники на русском языке, рассчитанные на взрослую рабочую или крестьянскую аудиторию, для нашего студенчества совершенно не годятся. Написать же такие учебники для нашего студенчества здесь, в Ленинграде или в Москве, находясь далеко от местных условий жизни и быта, невозможно». К незнанию многими студентами русского языка добавлялось то, что в группах часто находились студенты нескольких национальностей, не имеющих ни одного общего языка. В условиях, когда преподаватели также не знали их родного языка, преподавание становилось «очень абстрактным»⁷. Недовольство М. П. Каменщикова вызывали и более комфортные условия жизни северных студентов, что грозило Севфаку превращением в привилегированное заведение, а студентам – моральным разложением: «Наряду с чрезмерно тяжёлой трудовой жизнью рабочей молодёжи в наших рабфаках и вузах, – в Севфаке молодёжь, в результате ухода, услуг и условий жизни, изнеживается, отвыкает от трудовой дисциплины и приобретает вредные навыки»⁸.

Заведующий Политпросветом факультета, студент Е. Т. Потапов в своей записке от 14 марта 1928 г. также акцентировал внимание на чрезмерных расходах при отсутствии значимого результата: «...мы тратим колоссальные суммы денег и неизбежно должны задуматься, правильно ли это, или нет»⁹. По его мнению, в результате чрезвычайно низкой

¹ ЦГА СПб. – Ф. 7222. – Оп. 9. – Д. 44. – Л. 13.

² Там же. – Л. 6–6 об.

³ Там же. – Л. 6.

⁴ Там же. – Л. 6 об.

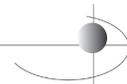
⁵ Там же. – Л. 11.

⁶ Там же. – Л. 18.

⁷ Там же. – Л. 1.

⁸ Там же. – Л. 2.

⁹ Там же. – Л. 3.

общеобразовательной подготовки учащихся программы факультета «почти ничем не отличаются от программ тузшкол-интернатов или 1-й ступени», «факультет даёт знания книжные, мало связанные с жизнью туземца, и отрыв получается колоссальный от своих родных мест». Таким образом, «Северный факультет дублирует школы-интернаты со значительными минусами. Спрашивается: кому же и для чего необходимо плохое дублирование с расходом денежных сумм в 3–4 раза больше, чем туземные школы» (если туземная школа-интернат расходовала в год на содержание студента от 350–450 рублей, то Северный факультет – до 1300 рублей)¹. Подход идейного вдохновителя факультета В. Г. Тан-Богораза в связи с этим Е. Т. Потопов называет «грубо меценатским»².

К аналогичным выводам пришла предметная комиссия института на заседании 17 марта 1928 г., на котором слушался вопрос об определении уровня знаний учащихся Севфака и характер его работ. Было постановлено, что знания студентов первого курса не превышают знаний выпускников туземных школ. При этом в последних программа легче усваивается, так как учащиеся находятся ближе к привычной обстановке. Должная работа Севфака поэтому возможна «лишь при использовании туземных школ для подготовки требуемого контингента учащихся»³.

Существенные препятствия нормальной работе факультета чинили и сами учащиеся. Как заметил один из участников собрания партячейки Севфака от 24 ноября 1927 г., товарищ Азнаметов, «здесь учатся самые некультурные и отсталые народности. Придётся много работать по воспитанию их»⁴. В советской историографии данный вопрос обычно обходился стороной, заменяясь трогательными историями про юных туземцев, подобно М. В. Ломоносову всеми правдами и неправдами стремившихся к знаниям, ради чего преодолевались десятки тысяч километров. Чего только стоит история чукчи Тэвлянто, который приехал в Ленинград и, абсолютно не говоря по-русски, отказывался вылезать из пролётки и платить извозчику, пока ему не отыщут «бородатого Богораза». Последний, узнав о приезде юноши с Чукотки и вспомнив о своей ссыльной жизни в том крае, от радости «смахивал платком слёзы» [3, с. 150].

На практике чрезвычайно сильные культурные различия создавали массу трудно-

стей, начиная от национальной розни среди студентов до нежелания «самообслуживать себя, убирать комнаты и топить печи в общежитии»⁵. На собрании ячейки ВКП(б) при Севфаке один из докладчиков, тов. Касаткин, отмечал, что «учебное заведение является почти закрытым интернатом, все обеспечены общежитием, питанием и обмундированием, условия здесь безусловно лучше, чем в других учебных заведениях», но при этом «имеется недостаточная учебная нагрузка, иногда доходит до 24 часов в неделю, настроение у ребят – отсутствует совершенно чувство товарищества, наблюдается даже мелкое воровство, как-то: бумаги, книжек, имеются тенденции к выпивке»⁶.

Были случаи, когда туземцы после получения образования не желали возвращаться на родину, отдавая предпочтение крупным городам. Имели место и обратные примеры, когда после года обучения в Ленинграде они стремились вернуться домой. В Ленинграде многие заболели, особенно туберкулёзом и неврастенией. По сообщению представителя Сибирского краевого комитета Севера, товарища Лыткина, туземцы отказывались давать свою молодёжь для отправки в Ленинград, мотивируя тем, что все побывавшие в Ленинграде приехали на родину и заболели, либо вернулись больными⁷. Сторонники не сгущать краски традиционно сваливали вину на исторические пережитки, заявляя, что «все отрицательные моменты можно подвести под то воспитание, которое унаследовали от старой царской нац. политики»⁸.

Сами студенты жаловались на тюремный режим, невозможность под угрозой репрессий, вплоть до исключения, высказывать критику⁹. Якобы именно письма студентов с подобными жалобами стали поводом для скандала на пленуме Комитета содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР (Комитет Севера) в Москве, где слушался вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания Севфака в Ленинграде. Докладу директора Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе, «восточника» П. И. Воробьева, было предпослано 12-минутное выступление председателя Комитета Севера П. Г. Смидовича. В нём он, опираясь на информацию от студентов Севфака, раскритиковал факультет, сведя на нет всю его работу. Обсуждение перешло на личности,

⁵ Там же. – Л. 3 об.–4.

⁶ Там же. – Л. 3.

⁷ ЦГА СПб. – Ф. 7222. – Оп. 9. – Д. 44. – Л. 22.

⁸ ЦГАИПД СПб. – Ф. 1156. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 3.

⁹ Там же. – Л. 9.

¹ ЦГА СПб. – Ф. 7222. – Оп. 9. – Д. 44. – Л. 3 об.

² Там же. – Л. 4.

³ Там же. – Л. 5.

⁴ ЦГАИПД СПб. – Ф. 1156. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 4.

оставив в стороне решение важных вопросов учебного и воспитательного порядка. Присутствовавшие на пленуме В. Г. Тан-Богораз и его ученик Я. П. Кошкин (Алькор), на которых «восточники» сваливали вину за неудачи, не отмежевались от выступления П. Г. Смиловича, хотя доклад предварительно обсуждался Правлением института и, по утверждению институтской партячейки, в тот раз со стороны «северников» по нему не было сделано ни одного отрицательного замечания¹. Таким образом, критика была взаимной, и обе стороны в качестве веских аргументов против своих оппонентов приводили сообщения о недостатках в работе заведения. Например, в записке сотрудника факультета, отправленной в Комитет Севера, указывалось, что «исключительная двуличность» одного из критиков главных преподавателей-североведов Е. Т. Потапова привела к тому, что «значительно пала как общая, так и учебная дисциплина» [Цит. по: 6, с. 160].

Борьба в институте пришлась на начало «великого перелома», когда от доказательств учёным истинности своих научных подходов могла зависеть не только карьера, но и свобода. Редукционизм молодых учёных-марксистов в сочетании с начавшейся коллективизацией требовал от обеих противоборствующих сторон адаптации под новые условия. Ещё с первых постреволюционных лет основным критерием поддержки властью научных проектов являлся их прикладной и практический характер, «нацеленность на решение актуальных задач “государственного строительства”» [5, с. 415]. К таким же перспективным проектам относился и Институт народов Севера. По замечанию Ю. Слезкина, «северники» «выиграли сражение за административную автономию, но проиграли войну за дух института» [8, с. 257]. Введение принципов политехнического образования, подготовка к «общественно полезной работе» в промышленности и сельском хозяйстве, резкое увеличение внимания к идеологической подготовке – всё это не соответствовало амбициозным и, в условиях 1930-х гг., утопичным мечтам В. Г. Тан-Богораз и его единомышленников превратить Институт в «чудесный чум», где будут делать «красных шаманов» [3, с. 153]. Провозглашённые цели Института были схожи с целями его предшественника: а) подготовка «из среды трудящегося населения, управляющегося на основании временного положения об управлении туземных народностей и племён северных

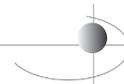
окраин РСФСР, работников по советскому и культурному строительству, по кооперативно-хозяйственному и индустриально-промысловому делу для севера»; б) организация «научно-исследовательской разработки социально-экономических и культурных проблем советского севера»². Но на практике это совпало с резким ухудшением жизни коренных народов из-за коллективизации, сопровождавшейся жестокими репрессиями в отношении вымышленных «кулаков», изъятием оленей и зачастую полным игнорированием администрацией местных обычаев.

Северный факультет в Ленинграде был не единственным центром, о котором можно сказать, что он не оправдал возложенных на него ожиданий. В частности, М. С. Ковлягин, проанализировав деятельность Северного отделения при Томском рабфаке, приходит к выводу, что и там «поставленные цели достигнуты не были» [6, с. 158]. Причины неудач стоит искать в заранее обречённых на провал планах власти конца 1920-х гг., стремившейся создавать «советского человека» из аборигенов Севера таким же образом, что и из крестьян Центральной России. Декларируемое освобождение и культурное развитие, чего искренне хотели для туземцев создатели Северного факультета, обернулось ещё большим их закабалением, превращением в жертв коллективизации и сталинской «культурной революции».

Заключение. Обращение к ряду архивных источников показывает, что, несмотря на поддержку властью заявленных создателями факультета целей и значительные выделенные средства, практическая реализация вызывала массу критики. Ряд высказывавшихся замечаний мог быть связан с внутринститутским соперничеством и даже личными конфликтами, попытками утвердить своё мнение о работе с представителями коренных народностей, но при этом к ним стоит отнестись с должным вниманием. Так, не было учебников на национальных языках, сообщалось о низком уровне программ и знаний, слишком дорогом обучении и содержании слушателей, отсутствии обучения техническим и промышленным предметам из-за нехватки соответствующих средств и инструкторов. Встречались случаи, когда туземцы не желали возвращаться в свои родные места, предпочитая жить в крупных городах. Были претензии к трудовой дисциплине. В связи с

² Положение об Институте народов Севера при Центральном исполнительном комитете Союза ССР // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1930. – № 19. – С. 354.

¹ ЦГАИПД СПб. – Ф. 1156. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 9–9 об.

этим высказывалось мнение о том, что с педагогической точки зрения полезнее устраивать туземные школы для каждой национальности в отдельности, а преподавателями должны быть люди, знающие местный быт и язык. При том, что создание подобного центра было важным и во многом символическим

шагом, свидетельствующим о стремлении власти цивилизовать северные народы, итоги его работы нельзя оценить положительно. Об успехе проекта воспитания в кратчайшие сроки кадров «национальной интеллигенции» применительно к 1920–1930-м гг. говорить не приходится.

Список литературы

1. Алексеева Л. В. Подготовка национальной интеллигенции в Институте народов Севера в 30-е гг. XX в.: (на примере национальных округов севера Западной Сибири) // Культура и интеллигенция меняющихся регионов России: XX век. Интеллектуальные диалоги: XXI век. Россия – Сибирь – Казахстан: материалы VI Всерос. науч. и науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Омск, 3–5 окт. 2006 г.). Омск: Изд-во Международ. ин-та стратегического проектирования, 2006. С. 275–280.
2. Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920–1930 гг.) // Советская этнография. 1972. № 6. С. 19–27.
3. Воскобойников М. Дыхание Севера (к 50-летию Ленинградского института народов Севера) // Сибирские огни. 1976. № 5. С. 148–158.
4. Гончаров С. А., Набок И. Л., Петров А. А. Североведение в Герценовском университете. Институт народов Севера / науч. ред. Г. А. Бордовский. СПб.: Астерион, 2003. 195 с.
5. Долгова Е. А. «Проектная наука»: учёные и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 405–416.
6. Ковлягин М. С. Формирование национальной интеллигенции у аборигенов Нарымского края в 1920–1930-е годы // Исторический ежегодник. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 155–168.
7. Омельчук А. Институт народов Севера // Дальний Восток. 1981. № 1. С. 127–132.
8. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 509 с.
9. Смирнова Т. М. Институт народов Севера в Ленинграде – учебное заведение нового типа // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 2, т. 4. С. 51–65.
10. Bartels D., Bartels A. L. Soviet hegemony among northern people // *Dialectical Anthropology*. 1998. Vol. 23, No. 4. Pp. 337–359.
11. Dunn E. Educating the Small Peoples of the Soviet North: The Limits of Culture Change // *Arctic Anthropology*. 1968. Vol. 5, No. 1. Pp. 1–31.
12. Shnirelman V. A. Hostages of an authoritarian regime: The fate of the “numerically-small peoples” of the Russian North under Soviet rule // *Études/Inuit/Studies*. 1994. Vol. 18, No. 1/2. Pp. 201–223.
13. Slezkine Y. From Savages to Citizens: The Cultural Revolution in the Soviet Far North, 1928–1938 // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51, No. 1. Pp. 52–76.
14. Slezkine Y. The fall of Soviet Ethnography, 1928–1938 // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32, No. 4. Pp. 476–484.
15. Smith J. The Education of National Minorities: The Early Soviet Experience // *The Slavonic and East European Review*. 1997. Vol. 75, No. 2. Pp. 281–307.

Статья поступила в редакцию 23.04.2018; принята к публикации 15.05.2018

Библиографическое описание статьи

Сидорчук И. В. Основные проблемы реализации государственной стратегии подготовки кадров для северных окраин СССР в 1920-х гг. (на примере Северного факультета Ленинградского восточного института им. А. С. Енукидзе) // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13, № 6. С. 22–29. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-22-29.

Ilya V. Sidorchuk,
Candidate of History, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(29 Polytekhnicheskaya st., St. Petersburg, 195251, Russia),
e-mail: chubber@yandex.ru

The Main Problems of Implementation of the State Strategy of Training Specialists for the Northern Suburbs of the USSR in the 1920s (on the Example of the Northern Faculty of A. S. Enukidze Oriental Institute)¹

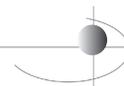
The article is devoted to the history of the Northern faculty of A. S. Enukidze Oriental Institute in Leningrad in the context of the state strategy of training of specialists for the Soviet Far North in the post-revolutionary period. With a significant attention of researchers to this topic, a number of archival materials were not introduced into scientific circulation, allowing supplementing the picture of the first years of the history of one of the most important centers of the state policy on cultural and political integration of the peoples of the North. The methodological basis of the study was the general scientific dialectical method of cognition, which includes the principles of historicism, objectivity and consistency. The tasks related to the reconstruction of the system of relations between the scientific corporation and the government were solved based on a new reading of the achievements of historiographic tradition, a diverse set of sources. The study concluded that the creation of such a center was an important and largely symbolic step, indicating the desire of the authorities to civilize the Northern peoples, but the results of its work cannot be evaluated unambiguously. Practical implementation caused a lot of criticism, which was a consequence of both intra-institutional rivalry and reaction to real failures and problems. Thus, we cannot speak about the success of the project of education of the personnel of the “national intelligentsia” in Northern faculty in the shortest possible time in relation to the 1920s–1930s.

Keywords: Northern faculty of A. S. Enukidze Oriental Institute, Institute of Northern peoples, history of science in Russia, V. G. Tan-Bogoraz, the Soviet Far North

References

1. Alekseeva, L. V. Preparation of national intelligentsia at the Institute of the peoples of the North in the 1930s: (on the example of national districts of the North of Western Siberia). In Culture and intelligentsia of changing regions of Russia: the XX century. Intelligent dialogue: the XXI century. Russia-Siberia-Kazakhstan: proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation. Omsk: 3–5 October 2006): 275–280. (In Rus.)
2. Antropova, V. V. Participation of ethnographers in the practical implementation of Lenin's national policy in the Far North (1920–1930). *Sovetskaya etnografiya*, no. 6, pp.19–27, 1972. (In Rus.)
3. Voskoboynikov, M. Breath of the North (to the 50th anniversary of the Leningrad Institute of the peoples of the North). *Sibirskie ogni*, no. 5, pp. 148–158, 1976. (In Rus.)
4. Goncharov, S. A., Nabok, I. L., Petrov, A. A., Taksami, Ch. M. Northern Studies at Herzen University. Institute of the peoples of the North. SPb: Asterion, 2003. (In Rus.)
5. Dolgova, E. A. “Project science”: scientists and the mechanism of state support of scientific initiatives in the post-revolutionary years. In The Era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations: collection of scientific works. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017: 405–416. (In Rus.)
6. Kovlyagin, M. S. Formation of the national intelligentsia among the natives of the Narym region in the 1920s – 1930s. In *Istoricheskii ezhegodnik. Novosibirsk: Parallel'*, 2012: 155–168. (In Rus.)
7. Omel'chuk, A. Institute of Northern peoples. *Dal'nii vostok*, no. 1, pp. 127–132, 1981. (In Rus.)
8. Slezkin, Yu. The Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. (In Rus.)
9. Smirnova, T. M. Institute of Northern peoples in Leningrad – a new type of educational institution. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*. vol. 4, no. 2, pp. 51–65, 2012. (In Rus.)
10. Bartels, D., Bartels, A. L. Soviet hegemony among northern people. *Dialectical Anthropology*, vol. 23, no. 4, pp. 337–359, 1998. (In Eng.)
11. Dunn, E. Educating the Small Peoples of the Soviet North: The Limits of Culture Change. *Arctic Anthropology*, vol. 5, no. 1, pp.1–31, 1968. (In Eng.)
12. Shnirelman, V. A. Hostages of an authoritarian regime: The fate of the “numerically-small peoples” of the Russian North under Soviet rule. *Études/Inuit/Studies*, vol. 18, no. 1/2, pp. 201–223, 1994. (In Eng.)
13. Slezkine, Y. From Savages to Citizens: The Cultural Revolution in the Soviet Far North, 1928–1938. *Slavic Review*, vol. 51, no. 1, pp. 52–76, 1992. (In Eng.)
14. Slezkine, Y. The fall of Soviet Ethnography, 1928–1938. *Current Anthropology*, vol. 32, no. 4, pp. 476–484, 1991. (In Eng.)

¹ The article was prepared with the support of President of Russian Federation Grant for young candidates of science (project MK-4102.2018.6).

15. Smith, J. The Education of National Minorities: The Early Soviet Experience. *The Slavonic and East European Review*, vol. 75, no. 2, pp. 281–307, 1997. (In Eng.)

Received: 23 April 2018; accepted for publication May 15, 2018

Reference to the article

Sidorchuk I. V. The Main Problems of Implementation of the State Strategy of Training Specialists for the Northern Suburbs of the USSR in the 1920s (on the Example of the Northern Faculty of A. S. Enukidze Oriental Institute) // *Humanitarian Vector*. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 22–29. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-22-29.

Региональная история

Regional history

УДК 329(571.53)(091)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-30-38

Лариса Викторовна Занданова¹,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: zandanova@mail.ru

Константин Александрович Айдаров²,
соискатель кафедры истории и методики,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: aidarov.69@mail.ru

Игорь Петрович Серебренников³,
кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: ipser73@yandex.ru

Расстановка общественно-политических сил в г. Иркутске в период мирного развития Революции весной 1917 года

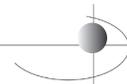
Статья посвящена изучению расстановки общественно-политических сил в г. Иркутске на начальном этапе развития Революции 1917 г. Город Иркутск на протяжении нескольких веков являлся военно-административным центром Восточной Сибири, он сосредоточил в себе значительное число служащих государственных органов власти, армейских структур, торгово-промышленные слои населения, постоянно пополнялся различными категориями мигрантов, в том числе политическими ссыльными, что обусловило неоднородность его населения и социально-политическую специфику. Показано, что в г. Иркутске, одном из крупнейших городов Сибири, присутствовали представители российских социалистических, а также либеральных партий, активизировавших свою деятельность на фоне происходящих в стране событий. Изучение истории «снизу» позволило выяснить, как складывалась жизнь обычных людей, какая связь была между ними и властными структурами, какие существовали формы общественного бытия и т. д. Предпринят анализ политической ситуации в г. Иркутске в начальный период революционных потрясений 1917 г. как объективной предпосылки последовавшей затем трансформации ментальных форм сознания, взглядов и привычек, а также материально-бытовой сферы, влиявшей на повседневную жизнь городского населения. Исследование показало, что политическая среда формировалась спонтанно, под влиянием революционных событий в стране, независимо от мнения большинства людей. Политические перипетии на раннем этапе революционного процесса 1917 г. не касались широких масс населения города, которые в большей степени стремились не к участию в политической борьбе, а к преодолению социальных и экономических трудностей, вызванных общественно-политической ситуацией в стране.

Ключевые слова: общественно-политическая обстановка, общественно-политические организации, политические партии, революция, Восточная Сибирь, Иркутск, повседневная жизнь населения

¹ Л. В. Занданова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает результаты исследования.

² К. А. Айдаров выявляет архивные материалы, проводит обработку и обобщение материалов, готовит статью к публикации.

³ И. П. Серебренников выявляет архивные материалы, проводит обработку и обобщение материалов, готовит статью к публикации.

Введение. Восточная Сибирь – огромная часть России, регион пионерного освоения. На сегодняшний день сибирскими учёными проделана большая работа по воссозданию конкретно-исторической картины развития этой территории, однако происходящие трансформации в историческом знании приводят к появлению новых тем, теоретических подходов, методов источниковедческого анализа, что требует дальнейшего изучения источников и расширения проблематики исследований по истории региона.

Выделение в качестве объекта исторических исследований одного из крупнейших городов Сибири – Иркутска – обусловлено спецификой этого города, той ролью, которую он играл в её развитии. Будучи на протяжении нескольких веков военно-административным центром восточной части Сибири, он сосредоточил в себе значительное число служащих государственных органов власти, армейских структур, торгово-промышленные слои населения и др. Городское сообщество формировалось под влиянием постоянных миграционных потоков, как добровольных, так и принудительных. Среди прибывших было весьма существенное количество политических ссыльных, оказавших большое влияние на различные сферы городской жизни и расклад политических сил в канун революции. В связи с отсутствием в городе крупных промышленных предприятий здесь не сложилась сплочённая масса пролетариата, в основном трудящиеся были представлены рабочими-ремесленниками. Такая неоднородность иркутского общества повлияла на расстановку общественно-политических сил в городе на начальном этапе развития Революции 1917 г.

Одной из проблем в исследовании истории Восточной Сибири является жизнь её населения как в городах, так и в сельской местности, в ракурсе истории повседневности, которая развивается в рамках «новой социальной истории», интерпретирующей историческое прошлое с позиций социальности, раскрывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними. Изучение истории «снизу» позволяет изменить традиционное представление о том, как должно строиться историческое исследование, т. е. рассматривать историю не через официальный дискурс – восприятие «сильных мира сего», как это было в рамках марксистской методологии, а как бы «изнутри», выясняя, как складывалась жизнь обычных людей, какая связь была между ними и

властными структурами, какие существовали формы общественного бытия и т. д.

Понимание поведения людей, их политических пристрастий, выработки новых практик выживания в сложнейших условиях ломки привычного традиционного уклада невозможно без понимания социально-политической ситуации в регионе, определяющейся концентрацией всех политических организаций и общественных структур непосредственно в губернском городе. В связи с этим нами предпринят анализ расстановки политических сил в г. Иркутске в начальный период революционных потрясений 1917 г. как объективная предпосылка последовавшей затем трансформации ментальных форм сознания, взглядов и привычек, а также материально-бытовой сферы, влиявшей на повседневную жизнь городского населения.

Методология и методы исследования.

В 1960–1970-х гг. центральным предметом исследования «Новой социальной истории» стал «человек в обществе», 1980-е гг. стали периодом поиска новых теоретических моделей и концепций, которые были бы способны обеспечить практическое применение в конкретно-исторических исследованиях. Именно тогда главной задачей социальной истории была провозглашена реконструкция человеческого опыта переживания крупных структурных изменений, которая виделась в исследовании самих крупных структурных изменений, в описании жизни простых людей в ходе этих изменений и связи между тем и другим, в результате чего происходила «инкорпорация повседневной жизни в бурные воды исторического процесса»¹. Как кратко сформулировал А. К. Соколов, социальная история сегодня призывает «во-первых, полностью отказаться от политики и идеологии, во-вторых, заменить историю “сверху” историей “снизу”, в-третьих, осуществлять своеобразный исторический синтез на микроуровне общества...» [10, с. 77].

Ситуация методологического выбора, сложившаяся в нашей стране в конце 1980-х – 1990-е гг., заставила историков пристально взглянуть на зарубежную историографию и методологию, среди множества направлений и течений которых особенной известностью пользовались «история ментальностей» и «историческая антропология». Историческая антропология много внимания уделяет ма-

¹ Репина Л. П. Социальная история в современной историографии (методические материалы к спецкурсу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vunivere.ru/work.535774?sereenschots=1 (дата обращения: 15.09.2018).

трицам поведения, восприятия и мышления определённой социальной группы людей, их стратегии поведения в сложившихся жизненных обстоятельствах, что позволяет отойти от макроистории и обратить повышенное внимание на микроисторические процессы и явления.

В наше время рамки антропологического подхода всё более расширяются, в них все больше места отводится истории повседневности, под которой, по мнению М. М. Крома, «современный, антропологизированный вариант истории повседневной жизни исходит из того, что люди активно участвуют в постоянном процессе создания и переустройства структур повседневности, они пытаются “присвоить” и приспособить к себе тот жизненный мир, который их окружает»¹.

Рассматривая структуры повседневности, Н. Л. Пушкарева в статье «“История повседневности” и “история частной жизни”: содержание и соотношение понятий», в частности, пишет: «“Историка повседневности” – в отличие от историков в чистом виде и этнографов – интересует всё: и история быта, и событийная история (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), и история казусов, и история ментальностей и ментальных стереотипов, то есть историческая психология, а вместе с ней – история личных переживаний человека. Иными словами, подходы историка повседневности интегративны...» [11, с. 96].

Современное состояние историографии истории повседневной жизни свидетельствует о том, что тема нашего исследования сегодня как никогда актуальна, поскольку человек как бы изначально обречён жить в том социальном и политическом пространстве, которое, зачастую без его ведома и желания, становится той средой, в которой он вынужден выживать, искать свои модели существования. Говоря словами Ю. А. Полякова: «История повседневности – сумма миллиардов судеб людей, живущих в далёком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача – обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями» [8, с. 125].

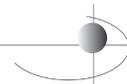
Результаты исследования и их обсуждение. Демократические преобразования в

стране весной 1917 г., в период мирного развития революции, связаны с активной ролью в них политических партий и общественных организаций. В Сибири самыми активными из них были партии кадетов, социал-демократов (объединённых), эсеров и анархистов. Что касается её восточной части, то в ней после падения монархии власть перешла, по сути дела, к демократическим структурам – к общественным формированиям, представленным, главным образом, различными комитетами и в значительно меньшей степени Советами депутатов, прежде всего рабочих и военных. Особенностью развития Революции весной 1917 г. в Восточной Сибири являлось то, что общественно-политическая ситуация как в городах, так и в деревне характеризовалась относительной стабильностью, отсутствием острого политического и классового противостояния. Наоборот, различные политические и общественные организации активно взаимодействовали между собой, стараясь привлечь к своей деятельности как можно более широкие слои населения, чаще всего не вникавшие в политический смысл происходивших событий, но понимавшие необходимость преодоления трудностей повседневной жизни, вызванных сначала затянувшейся войной, а затем и приблизившимися социальными взрывами. Однако в условиях малочисленности и неоднородности рабочего класса долгое время в общественном сознании сибиряков доминировали идеи революционного оборончества, классового мира и порядка.

Весна 1917 г. для жителей Иркутска, как и по всей стране, прошла под знаком новых, революционных событий. Такого размаха и активности событий город ещё не знал. Смена власти, создание новых органов власти, общественных организаций, работа политических партий разной направленности – всё это для города и его жителей было необъяснимо тяжело для восприятия, но возможность участия в них вызвала большой интерес.

Уже вечером 2 марта в здании Городской думы при активном участии политических ссыльных был создан временный Комитет общественных организаций (КООРГ). В него вошли представители Городской думы, кооперативных и профессиональных организаций, биржевого комитета, съезда углепромышленников Черемховского района, а также представители от рабочих, железнодорожников, священнослужителей и т. д. Меньшевик В. С. Войтинский, находившийся в ссылке в Иркутске и принимавший в начале марта 1917 г. активное участие в политической жиз-

¹ Кром М. М. Историческая антропология. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 131.

ни города, так вспоминал об этих событиях: «Множество учреждений предъявили ходатайства о допущении в Комитет их представителей: совет присяжных поверенных, родительские комитеты, банки, биржевой комитет, церковно-приходские советы, миссионерские братства, частные промышленные фирмы. Одни и те же элементы старались войти в Комитет под различными флагами, чтобы этим закрепить своё влияние. Особенно бесцеремонно действовали в этом направлении верхи местной буржуазии и ревнители церковного благочестия. Пустить их в Комитет было немислимо. Но, с другой стороны, не следовало создавать среди населения впечатления, что в Комитет объединились исключительно левые» [4, с. 26–27]. В итоге в КООРГ вошло около 200 человек, из них 38 были эсерами, 33 – меньшевиками, 27 – кадетами, 7 – большевиками [6, с. 74]. В состав Исполнительного комитета КООРГа, избранного 3 марта, вошли 10 эсеров, четыре меньшевика, один межрайонец, один большевик и только девять человек были представителями городских торгово-промышленных кругов, в большинстве своём входившими в партию кадетов. Первым председателем Комитета был избран находившийся в тот момент в ссылке в Иркутской губернии один из лидеров меньшевиков – И. Г. Церетели, а после его отъезда в столицу КООРГ возглавил эсер А. Н. Кругликов [5, с. 429].

Иркутский комитет общественных организаций направил главе Временного правительства князю Г. Е. Львову и председателю Исполкома Петроградского совета рабочих депутатов Н. С. Чхеидзе телеграмму, в которой говорилось, что «Комитет общественных организаций в Иркутске приветствует почин вновь образовавшегося Временного правительства в деле низвержения старой власти... Комитет твёрдо верит, что последовательное осуществление надежд демократии сплотит в разгоревшейся борьбе за новую Россию все живые силы страны» [4, с. 28–29]. Тем самым, не имея чёткого представления о событиях в столице и той роли, которую играли в них люди, вошедшие в состав Временного правительства, члены КООРГа, пусть и очень сдержанно, выразили своё доверие новому органу государственной власти.

Демократические свободы, предоставленные народным массам, и эйфория от случившихся событий привели к тому, что наряду с органами власти, представлявшими Временное правительство, в Иркутске параллельно с ними повсеместно стали формиро-

ваться новые органы власти – Советы. Так, 3 марта был образован Совет рабочих депутатов, 5 марта – Совет военных депутатов местного гарнизона. Первый возглавил меньшевик Л. И. Гольдман, в состав исполкома вошли меньшевики, большевики и эсеры. Во втором на первых порах видную роль играл один из лидеров социалистов-революционеров А. Р. Гоц, а исполком возглавил человек сугубо военный – поручик А. А. Краковецкий. Иркутские советы, в деятельности которых решающую роль играли представители меньшевиков и эсеров, вслед за КООРГом, выразили полное доверие Временному правительству. Политических требований поначалу они не выдвигали, сосредоточившись на защите экономических прав рабочих, особенно важным из которых был вопрос об установлении 8-часового рабочего дня. Советы активно сотрудничали с Комитетом общественных организаций, и на первых порах между этими органами особых разногласий не наблюдалось, что создавало в обществе некую иллюзию полного доверия и равноправия между ними [5, с. 433–434].

После февральских событий в стране в целом и в регионах, в частности, активно шёл процесс организационного оформления многих политических партий в стране. Как пишет М. В. Шиловский, «в течение всего 1917 г. происходили активное создание первичных организаций, их объединение на губернском и региональном уровне, внутреннее размежевание и интеграция. Видную роль в этом процессе сыграли политические ссыльные» [15, с. 43]. В частности, в Иркутске в возрождении деятельности местных организаций принимали участие ссыльные: большевик В. И. Вельман и меньшевик И. Г. Церетели, эсеры В. Г. Архангельский, А. А. Брудерер, И. А. Якушев, А. Н. Кругликов и Е. М. Тимофеев.

Одной из особенностей политической жизни Иркутска было то, что, вопреки решению Пражской конференции РСДРП (1912 г.) о размежевании с меньшевиками, иркутская организация социал-демократов вплоть до осени 1917 г. была объединённой, 5 марта в клубе приказчиков её члены провели первое легальное общее собрание, на котором присутствовало, по различным данным, от 150 до 400 человек¹. Собрание, которое проходило под председательством И. Г. Церетели, обсудило вопросы об отношении к Времен-

¹ За социалистическую революцию. Летопись важнейших революционных событий Иркутской губернии с ноября 1895 по март 1920 гг. / сост. А. А. Мухин, В. Г. Артемьев. – Иркутск, 1968. – С. 64.

ному Правительству и о выборах организационного комитета. В результате большинством голосов была принята резолюция меньшевиков, в которой говорилось: «Революционный пролетариат и его представительница социал-демократия поддерживает Временное революционное Правительство, поскольку оно гарантирует полную свободу, берёт на себя созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Во имя общегосударственной цели иркутская социал-демократия продолжает поддерживать своих делегатов в местном органе революционной власти – исполнительном комитете Иркутских общественных организаций»¹. Общее собрание выбрало Организационный комитет из 10 человек, в который вошли, приблизительно, в одинаковом количестве большевики, примиренцы и меньшевики².

В. Вельман в своих воспоминаниях отмечал, что подпольное сплочение большевиков в Иркутске в период 1914–1917 гг. было очень сильно, однако на первом же легальном собрании большевики проиграли. Так, в Иркутске с 7 по 13 апреля проходил I Восточносибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором из 169 человек было всего 15 делегатов из числа большевиков [3, с. 167]. Данный факт наглядно показывает слабость положения большевиков в губернии. Это объясняется тем, что в первые месяцы революции большевики заняли выжидательную позицию, не проявляли особой политической активности, а стремились завоевать влияние в рабочей среде через участие в работе профсоюзов.

Иркутские социалисты-революционеры, лидером которых был А. Р. Гоц, заняли к началу Февральской революции влиятельное положение в кооперативном движении города и его окрестностей, играли руководящую роль в редакции журнала «Иркутский кооператор», а в ежедневной газете «Сибирь» видные иркутские социалисты-революционеры, часто под псевдонимами, публиковали статьи, в которых пытались донести до иркутской общественности свои идеи. Иркутская еженедельная газета «Народная Сибирь» до событий февраля также в популярной форме освещала наиболее острые вопросы внутренней жизни страны с точки зрения эсеров, в связи с чем была закрыта распоряжением

¹ Сибирь. – 1917. – № 53. – 7 марта.

² За социалистическую революцию. Летопись важнейших революционных событий Иркутской губернии с ноября 1895 по март 1920 гг. / сост. А. А. Мухин, В. Г. Артемьев. – Иркутск, 1968. – С. 64.

Иркутского генерал-губернатора, как газета революционного толка [2, с. 46–47].

Иркутские социалисты-революционеры так же, как и другие политические партии, стремились укрепить своё влияние в городе. 6 марта 1917 г. они провели собрание под председательством члена 2-й Государственной Думы В. Г. Архангельского, на котором были обсуждены вопросы: об отношении к Временному правительству, об участии в КООРГе и Советах, о блоке с меньшевиками и, конечно, о решении в ходе революции крестьянского вопроса. После бурных дебатов были приняты решения поддержать Временное правительство, активно участвовать в общественно-политической жизни города, а также внести изменения в программу партии³.

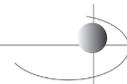
Для членов эсеровской организации было важным укрепиться в военных и других организациях, за которыми была вооружённая сила, и фактически к середине лета все командные посты, по воспоминаниям И. Малозёмова, находились в их руках: «Командующий войсками – Краковецкий, комиссар Временного правительства – Кругликов, председатель Исполкома КООРГа – Тимофеев, в военной комиссии в качестве руководителей работали Брудерер, Калашников – все с.-р. В земельной комиссии, которая вершила политику деревни, работал с.-р. Яковлев...»⁴.

Активное участие иркутских эсеров в формировании и работе новых органов власти, в первую очередь, в составе КООРГа, где они образовали большинство, руководство рядом Советов на начальном этапе революции предопределило расстановку политических сил в городе и губернии в их пользу.

Весной 1917 г. в Иркутске прошли организационные собрания и других партий социалистической ориентации: бундовцев, латышских социал-демократов, польских социалистов. Ориентируясь в своей деятельности на меньшевиков, они, хотя и с оговорками, выразили поддержку Временному правительству. В это же время стали легально действовать ранее существовавшие в городе подпольные анархистские группы. Организации пополнялись за счёт ссыльных Сибири, оседавших в сибирских городах, а также из эмигрантов, возвращавшихся в Россию через Сибирь из США, Австралии и других стран. Так, в городах Черемхово и Иркутске осела большая группа анархистов-эмигрантов, оказавших су-

³ Романов Н. С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. – Иркутск, 1994. – С. 233.

⁴ РЦХИДНИ. – Ф. 70. – ОП. 3. – Д. 67; Малозёмский И. Воспоминания. Революционное движение в Иркутске. 1912–1920 гг. – С. 13.

щественное влияние на формирование своих организаций. Члены активной, авторитетной и многочисленной Иркутской федерации анархистов провели в помещении Общества приказчиков своё закрытое собрание, на котором присутствовало до 40 человек, обсудив уже ставшие традиционными вопросы об отношении к Временному правительству и к войне. Победили сторонники «соглашательской» линии. В мае–июне анархисты проводили на городских улицах митинги, в которых участвовали жители города.

Весной 1917 г. иркутские анархисты поставили вопрос об объединении их движения в Сибири и провели в Иркутске свой съезд. На съезде произошёл идейный раскол на несколько течений: анархистов-коммунистов, синдикалистов, индивидуалистов, толстовцев и т. д., что предопределило их дальнейшую деятельность: они проигнорировали участие в формировании и работе органов новой власти на местах, поскольку не связывали будущее общества с этими органами. Важнейшим из направлений своей работы весной 1917 г. они считали работу в пролетарской и солдатской среде.

Накануне Февральской революции в Сибири осталось три из 17 организаций партии кадетов, существовавших в годы первой российской революции, которые находились в Томске, Красноярске и Иркутске [6, с. 36]. До февраля 1917 г. кадетские круги в Восточной Сибири не имели налаженной системы партийной работы, основная их деятельность проявлялась во внепартийной сфере. «Однако, – как пишут авторы исследования о партии кадетов, – объединение на почве внепартийной деятельности (ВСГ, Сибиртет, ВПК)¹, поддерживаемое сплочённым буржуазно-интеллигентским активом, в котором кадеты занимали ведущую роль, способствовало дальнейшей политической организации кадетов и во многом усилило процесс воссоздания кадетских организаций в Восточной Сибири в период Февраля» [12, с. 18]. К моменту Февральской революции в Восточной Сибири кадетских отделов как таковых не было, лишь в Иркутске существовал небольшой партийный комитет. Однако уже в первых числах марта в крупных городах процесс объединения кадетов в политическую организацию стал постепенно усиливаться. 14 марта в Иркутске состоялись первые собрания их партии.

¹ ВСГ – Всероссийский Союз городов, образованный в августе 1914 г. В 1915 г. в него вступили 163 города. Сибиртет – Сибирское общество помощи больным и раненым войнам и пострадавшим от войны, образовался в 1915 г. ВПК – Военно-промышленный комитет.

Иркутский кадетский комитет был образован 17 марта, имел сложную структуру: в нём были созданы организационная, литературная, лекционная и агитационная секции, поднимался также вопрос об организации партийного бюро и собственной газеты.

Следует отметить, что в начале 1917 г. кадеты в Восточной Сибири продолжали оставаться одной из активных общественно-политических сил. Так, например, Иркутский комитет ПНС создал и направил в уезды губернии и в Забайкальскую область специальную лекторскую группу с заданием создать на местах новые организации ПНС. В составе этой группы находился председатель Иркутского комитета ПНС Д. А. Кочнев, объехавший с лекциями о политике и тактике кадетской партии ряд восточносибирских городов и принявший активное участие в создании троицкосавской организации кадетской партии².

С первых дней революции сибирские кадеты делали всё возможное для ликвидации Советов как органов государственной власти, характеризуя их как профессиональные организации, и установления единовластия буржуазии. Иркутские кадеты направили в КООРГ 15 представителей от партии и ещё 22 человека провели от других различных общественных организаций. В общем составе Исполнительного комитета КООРГа кадеты занимали 25 процентов мест (11 из 45), в то время как в самом КООРГе их было только 12 процентов (37 из почти 300 членов) [7, с. 81].

Несмотря на то, что до 1917 г. в Иркутске существовал отдел консервативно-монархической партии «Союз русского народа», после февраля, как отмечает В. С. Войтинский, «совершенно не заметно было в Иркутске монархических элементов» [4, с. 35].

Революционные события весны 1917 года вновь поставили на повестку дня лозунги областников об автономии Сибири в рамках единого демократического Российского государства, о созыве Сибирской областной думы, наделённой законодательными правами [15, с. 60]. В течение апреля–мая инициативная группа иркутских областников начала вести пропаганду областнических идей в местной периодической печати. 21 мая члены областнической организации заслушали и одобрили доклад И. И. Серебренникова «Об автономии Сибири», в котором он заявлял, «что возникающая лига или союз областников должны быть организациями внепартийными, объединяющими собою различные демократиче-

² Народная свобода. – 1917. – 2 июля.

ские элементы общества» [15, с. 60–61]. Однако весной 1917 г. основная часть областников-автономистов занимала выжидательную позицию, из чего следует, что Февральская революция застала их врасплох.

Таким образом, исследование показало, что в г. Иркутске весной 1917 г. сложилось двоевластие, осуществляемое Комитетом общественных организаций и Советами рабочих и военных депутатов. Ведущую роль во всех этих органах играли представители социалистических партий: эсеры и социал-демократы (меньшевики). На первых порах КООРГ и Советы выражали полное доверие Временному правительству. Все эти политические перипетии на раннем этапе революционного процесса 1917 г. не касались широких масс населения города, которые в большей степени стремились не к участию в политической борьбе, а к преодолению социальных и экономических трудностей, вызванных общественно-политической ситуацией в стране.

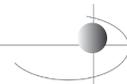
Заключение. Изучение истории повседневной жизни осуществляется, как правило, на уровне региональных исследований, это обусловлено, в первую очередь, тем, что формы бытия и их трансформация под влиянием

тех или иных факторов, в том числе и общественно-политических событий, в разных регионах и в разные времена различны. В этой связи обращение к истории Восточной Сибири, являющейся феноменальной моделью социально-экономического и социокультурного развития, достаточно репрезентативное пространство для исследования. Город Иркутск, с точки зрения понятия исторического, – объект длительного периода заселения и формирования социокультурных традиций, вобравших в себя опыт предшествующих поколений, с особыми политическими приоритетами и социальными отношениями, формами административного устройства. Здесь гораздо чётче, чем в иных местах, прослеживается зависимость стратегий выживания, мироощущения и мирозерцания людей от имевших место политических процессов. Сегодня нельзя понять и объяснить многие явления в отечественной истории, в том числе и повседневные практики, без учёта изменений окружающей их политической среды, в которой протекала их жизнь, особенно в период таких социальных катаклизмов, каким был 1917 год, что требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л.: Лениздат, 1973. 460 с.
2. Архангельский В. Г. Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь. 1927. № 1. С. 45–50.
3. Вельман В. Февральская революция в Сибири // Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 167–200.
4. Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. 320 с.
5. Иркутск накануне и в 1917 году: очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. Иркутск: Оттиск, 2017. 544 с.
6. Иркутская городская дума в 1917 году / А. В. Петров, М. М. Плотникова, В. П. Шахеров, А. В. Ильина. Иркутск: Оттиск, 2018. 292 с.
7. Коломыцева Л. М. Конституционные демократы в Сибири: Февраль 1917 – начало 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Томск, 1993. 270 с.
8. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125–132.
9. Пушкарёва Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–53.
10. Соколов А. К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии: материалы II Науч. чтений памяти академ. И. Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 75–92.
11. Социальная история. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.
12. Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997, 240 с.
13. Тяжельникова В. С. Повседневность и революционные преобразования советской власти // Россия в XX веке. Реформы и революции. М.: Наука, 2002. Т. 2. С. 84–101.
14. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в I четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1 (1900–1918 гг.). Омск: Изд-во Омского пед. ун-та, 1996. 203 с.
15. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.

Статья поступила в редакцию 17.09.2018; принята к публикации 20.10.2018

Библиографическое описание статьи

Занданова Л. В., Айдаров К. А., Серебренников И. П. Расстановка общественно-политических сил в г. Иркутске в период мирного развития Революции весной 1917 г. // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 30–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-30-38

Larisa V. Zandanova¹,

Doctor of History, Professor,

Irkutsk State University

(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),

e-mail: zandanova@mail.ru

Konstantin A. Aidarov²,

Senior Lecture, Department of History and Methods,

Irkutsk State University

(1 Karla Marksa st, Irkutsk, 664003, Russia),

e-mail: aidarov.69@mail.ru

Igor P. Serebrennikov³,

Candidate of History, Associate Professor,

Irkutsk State University

(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),

e-mail: ipser73@yandex.ru

The Arrangement of Socio-Political Forces in Irkutsk in the Period of Peaceful Development of the Revolution in Spring of 1917

The article is devoted to the study of the disposition of social and political forces in the city of Irkutsk at the initial stage of the development of the revolution in 1917. For several centuries the city of Irkutsk was the military-administrative center of Eastern Siberia, it concentrated in itself a significant number of employees of state authorities, military structures, industrial groups of the population, constantly replenished with various categories of migrants, including political exiles, which led to the heterogeneity of its population and socio-political specifics. It is shown that in the city of Irkutsk, one of the largest cities of Siberia, there were representatives of Russian socialist as well as liberal parties that activated their activities on the background of events taking place in the country. Studying the history "from below" made it possible to find out how the life of ordinary people was shaped, what was the connection between them and the authorities, what forms of social existence existed, etc. An analysis of the political situation in Irkutsk in the initial period of the revolutionary upheavals of 1917 was undertaken as an objective prerequisite for the subsequent transformation of mental forms of consciousness, attitudes and habits, as well as the material and domestic sphere that influenced the daily life of the urban population. It is shown that the political environment was formed spontaneously, under the influence of the revolutionary events in the country, regardless of the opinion of most people. The political vicissitudes in the early stage of the revolutionary process of 1917 did not concern the broad masses of the city's population, who were more eager not to participate in the political struggle, but to overcome the social and economic difficulties caused by the socio-political situation in the country.

Keywords: socio-political situation, socio-political organizations, political parties, revolution, Eastern Siberia, Irkutsk, daily life of the population

References

1. Astrakhan, Kh. M. Bolsheviks and their political opponents in 1917. L: Lenizdat, 1973. (In Rus.)
2. Arkhangelsky, V. G. The First Month of the February Revolution in Irkutsk. *Volnaya Sibir*, no. 1, pp. 45–50, 1927. (In Rus.)
3. Velman, V. The February Revolution in Siberia. *Proletarian Revolution*, no. 3, pp. 167–200, 1925. (In Rus.)
4. Voytinsky, V. S. 1917. Year of victories and defeats. M.: TERRA – Knizhnyj klub, 1999. (In Rus.)
5. Irkutsk on the eve and in 1917: essays on the political history of the provincial center. Editor Dameshek, L. M. Irkutsk: Ottisk, 2017. (In Rus.)
6. City Council of Irkutsk in 1917. Petrov, A. V., Plotnikova, M. M., Shakherov, V. P., Il'ina, A. V. Irkutsk: Ottisk, 2018. (In Rus.)

¹ L. V. Zandanova: the main author, the organizer of the study, formulates the conclusions and summarizes the results of the study.

² K. A. Aidarov: identification of archival materials, processing and summary of the materials, preparation of the article for publication.

³ I. P. Serebrennikov: identification of archival materials, processing and summary of the materials, preparation of the article for publication.

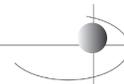

7. Kolomytseva, L. M. Constitutional Democrats in Siberia: February 1917 – early 1918. Cand. sci. diss. hist. sciences. Tomsk, 1993. (In Rus.)
8. Polyakov, Yu. A. Man in everyday life (historical aspects). Domestic history, no. 3, pp. 125–132, 2000. (In Rus.)
9. Pushkareva, N. L. History of everyday life: subject and methods Social history. Yearbook, 2007. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. Pp. 9–53. (In Rus.)
10. Sokolov, A. K. Social history: problems of methodology and source study. Problems of source study and historiography. Materials of II Scientific Readings in Memory of Academician I. D. Kovalchenko. M., 2000: 75–92. (In Rus.)
11. Social history. Yearbook. 2004. M: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2005. (In Rus.)
12. Tretyakov, V. V., Tretyakov, V. G. Cadets of Eastern Siberia in 1905–1917. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1997. (In Rus.)
13. Tyazhel'nikova, V. S. Everyday life and revolutionary transformation of Soviet power. In: Russia in the XXth century. Reforms and revolutions. V. 2. M.: Nauka, 2002: 84–101. (In Rus.)
14. Shtyrgul, A. A. Anarchist movement in Siberia in the first quarter of the XXth century. Part 1 (1900–1918). Omsk: Omsk Pedagogical University, 1996. (In Rus.)
15. Shilovsky, M. V. Political processes in Siberia in the period of social cataclysms of 1917–1920. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2003. (In Rus.)

Received: 17 September 2018; accepted for publication October 20, 2018

Reference to the article

Zadanova L. V., Aidarov K. A., Serebrennikov I. P. The Arrangement of Socio-Political Forces in Irkutsk in the Period of Peaceful Development of the Revolution in Spring of 1917 // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 30–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-30-38.

УДК 93

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-39-47

Сергей Николаевич Ляпустин,
кандидат исторических наук, доцент,
Владивостокский филиал
Российской таможенной академии
(690034, Россия, г. Владивосток, ул. Стрелковая, 16в),
e-mail: fpk_vf_rta@mail.ru

**Опыт взаимодействия таможенных учреждений с пограничным ведомством
в охране границы и борьбе с контрабандой в Забайкалье,
Приамурье и Приморье (1910–1923 гг.)**

Статья посвящена истории взаимодействия российских таможенных учреждений и пограничной стражи в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России в первой четверти XX века в борьбе с контрабандой и охране границы. Актуальность темы обусловлена возросшим в последние годы интересом к истории создания и формирования отечественных таможенной и пограничной служб, что позволяет учитывать накопленный этими ведомствами опыт при решении задач по охране государственной границы и борьбе с контрабандой в настоящее время. В процессе исследования вопросов истории взаимодействия российских таможенных учреждений и пограничной стражи в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России в определенных хронологических рамках первой четверти XX века применялись специальные методы исторических исследований: историко-генетический, историко-типологический, историко-системный, сравнительно-исторический. В статье раскрываются правовое регулирование совместных действий пограничной и таможенной стражи, описываются порядок и формы взаимодействия, устанавливается преемственность взаимодействия дореволюционных и послереволюционных учреждений пограничников и таможенников. Автор впервые вводит в научный оборот новые архивные материалы из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В результате проведенного исследования установлены основные этапы становления взаимодействия таможенных учреждений и пограничной службы в период с 1910 по 1923 гг., правовые основы, виды и формы взаимодействия; выявлены особенности взаимодействия при охране границы и борьбе с контрабандой в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, Забайкальская область, Амурская область, Приморская область, Дальневосточная республика, история охраны государственной границы, борьба с контрабандой

Введение. В последние годы уделяется значительное внимание вопросам изучения истории становления системы охраны государственной границы и борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России. Деятельности пограничного и таможенного ведомств в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке посвящено немало исторических трудов. Историки М. С. Хитин, А. В. Попенко, М. В. Полянский, А. П. Костюченко, А. В. Высотенко и др. [2; 5; 9; 11; 13], исследуя вопросы организации охраны государственной границы, роль и место пограничной службы затрагивали вопросы взаимоотношения и взаимодействия пограничных войск с таможенными учреждениями, однако основное внимание было уделено вопросам становления и формирования пограничной системы и пограничной политики. Заслуживает внимание исследование опыта организации и поддержания взаимодействия, привлекаемых к защите государственной границы Российской империи ведомств и органов местной власти историком С. А. Юховым [14]. Немало трудов посвящено истории таможенного дела и таможенной

службы. Среди них труды Н. А. Беляевой, И. В. Переслегиной, В. Ф. Печерицы и др. [1; 7; 8].

Возросший интерес к истории создания и формирования отечественных таможенной и пограничной служб, способствовал тому, что появилась возможность при решении задач по охране государственной границы и борьбе с контрабандой в настоящее время учитывать и применять накопленный этими ведомствами исторический опыт. Указанное обуславливает актуальность предложенной темы. Вместе с тем, историографический анализ свидетельствует, о том, что непосредственно особенность взаимодействия таможенных учреждений и пограничной службы в процессе охраны границы и борьбе с контрабандой в конце XIX – начале XX в. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке не была объектом самостоятельного научного исследования и соответственно в трудах историков оказалась нераскрытой.

Методология и методы исследования. При исследовании активно применялись эмпирические методы и, в первую очередь, ана-

лиз исторических документов. В процессе работы над статьёй применялись специальные методы исторических исследований: историко-генетический, историко-типологический, сравнительно-исторический, историко-системный.

Применение историко-генетического метода позволило провести анализ деятельности таможенных и пограничных ведомств Российского государства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в конце XIX – первой четверти XX в., последовательно исследовать процесс становления взаимодействия этих служб.

Применение историко-типологического метода позволило установить и выделить определённые этапы становления взаимодействия таможенных учреждений и пограничной службы в период с 1910 по 1923 г., выявить характерные признаки, установить особенность, присущую совместной деятельности двух ведомств по охране границы и борьбе с контрабандой.

Применение сравнительно-исторического метода позволило установить тесную взаимосвязь процессов формирования и становления взаимодействия двух государственных структур в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в исследуемый период с процессами формирования и становления таможенного и пограничного дела в стране.

Изучение исторического опыта взаимодействия таможенных учреждений и пограничной службы стало возможным в рамках системного подхода, определяемого историко-системным методом. В исторической ретроспективе взаимодействие таможенных учреждений и пограничной службы рассматривается через изучение нормативной базы и её региональных особенностей; сложившегося механизма реализации возложенных на таможенные и пограничные органы функций и задач, форм и методов взаимодействия в вопросах охраны границы и борьбы с контрабандой.

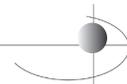
При обработке архивного материала были использованы структурно-типологический и аналитико-тематический методы.

Результаты исследования. В процессе исследования установлено, что начало взаимодействия таможенных учреждений и учреждений пограничной службы в борьбе с контрабандой в Забайкалье, Приамурье и Приморье приходится на 1910 г., после введения в действие Закона об организации таможенного надзора в Приамурском генерал-губернаторстве и в Забайкальской и

Якутской областях и Иркутской губернии Иркутского генерал-губернаторства от 2 мая 1909 г. и после того, как был принят новый Устав таможенный, в соответствии с которым в азиатской части, на российско-китайском и тихоокеанском направлении (за исключением КВЖД), пограничный надзор и, соответственно борьба с контрабандой, возлагались на таможенную стражу¹. Этому предшествовал сложный и длительный период формирования охраны границы на дальневосточных рубежах.

В начальный период формирования охраны границы на дальневосточном российско-китайском направлении (вторая половина XIX в.) охрана границы возлагалась на казачество. В 1869 г. для охраны границ Южно-Уссурийского края было принято решение сформировать Уссурийскую казачью конную сотню. Дислоцировалась Уссурийская казачья конная сотня в Камень-Рыболове. В 1898 г. для усиления охраны границы в Приморье была привлечена Забайкальская конная казачья сотня. Н. С. Свиягин, руководивший строительством железных дорог в разных уголках Российской империи, в том числе и участком КВЖД от ст. Никольской (ныне г. Уссурийск) до ст. Пограничная и далее на Муданьдзян, характеризуя охрану границы в районе станицы Полтавка, сообщал, что в Суйфунском карауле стоит Забайкальская конная казачья сотня и находится одна из трёх казачьих пограничных застав (Полтавская, Хуньчунская и Верхне-Монгугайская) Приморской области [12, с. 14, 20]. По состоянию на 1899 г. в Уссурийском крае нёс службу 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, входивший в состав Уссурийской конной бригады. Непосредственно на границе решали задачи: 4-я сотня 1-го Нерчинского полка в Камень-Рыболове, 5-я сотня в Никольск-Уссурийском, 6-я сотня в станице Полтавка [6, с. 2]. В 1905 г. на место забайкальцев, для решения задач охраны границы в Гродеково из Благовещенска был переведён Амурский казачий полк, который, в силу исторически сложившихся условий длительное время решал задачи по охране границы с Китаем в Приамурье. Можно по-разному относиться к роли казачества в деле охраны границы, но многочисленные документы, отложившиеся в отечественных архивах (РГИА ДВ, РГИА, ГИАО) свидетельствуют не только о слабой защите границы, но об активном потворстве и непосредственном участии казачества в контрабанде [3, с. 52]. По мнению

¹ Устав таможенный. – СПб., 1911. – Ст. 1, 2.

офицеров Генштаба, изучавших состояние дел на российско-китайской границе в начале XX в., роль казаков в деле охраны границы была весьма незначительной. Офицер Генштаба, старший адъютант штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии капитан М. Я. Росселевич отмечал, что «при малочисленности выставляемых Амурским и Уссурийским войсками строевых частей, не представляется возможность смотреть на них как надёжный оплот русской границы с Маньчжурией»¹.

После принятия в 1899 г. решения об учреждении таможенного надзора во Владивостоке и Николаевске, Кяхте и Сретенске к охране границы в таможенном отношении и борьбе с контрабандой приступают таможенные учреждения. Однако малочисленность созданных в указанных городах таможенных учреждений в сочетании со значительной протяжённостью границы не позволяли в тот период эффективно решать силами таможенников задачи по охране границы и борьбе с контрабандой. Так, например, по данным, подготовленным Хабаровским таможенным инспектором, расстояние между таможенными заставами и постами на Амуре в начале века достигало 59 вёрст. Несомненно, при такой ситуации сократить объёмы контрабанды только силами таможенных досмотрщиков, без помощи пограничной охраны, было весьма затруднительно, а порой практически невозможно [1, с. 117, 118]. Региональные власти, учитывая ситуацию на границе, искали пути решения проблем охраны границы и борьбы с контрабандой. В 1903 г. чинами Отдельного корпуса пограничной стражи был предложен проект организации охраны границы. Данный проект разрабатывался при непосредственном участии военного губернатора Забайкальской области И. П. Надарова. Данным проектом предлагалось создать в Забайкальской, Амурской и Приморской областях особые бригады пограничной стражи в составе специального округа пограничной стражи. Проект не был утверждён центральными властями по причине отсутствия финансовых возможностей, так как на реализацию разработанного проекта и создания специального округа пограничной стражи требовалось более 3 млн р. единовременно и 1 млн р. ежегодно [10, с. 26].

В 1908 г. для усиления погранично-таможенной охраны границы на российско-китай-

ском направлении, было принято решение привлечь Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи, для чего в Забайкальскую область, Южно-Уссурийский край и Приморскую область для оказания содействия таможенному ведомству были направлены три сотни Заамурского округа ОКПС. Непосредственно в Забайкальскую область была откомандирована 11-я сотня Заамурского округа ОКПС.

В 1910 г. пограничная стража Заамурского округа ОКПС, решая задачи по охране границы в указанных областях, помимо «Правил об Отдельном корпусе пограничной стражи», руководствовалась «Инструкцией для несения службы пограничного надзора сотнями Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, командированными на усиление охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморской областях (в Южно-Уссурийском крае)». Данная Инструкция устанавливала порядок взаимодействия с таможенными властями и определяла формы несения пограничного дозора, а именно соответственно полученным сведениям или, говоря современным языком, исходя из оперативной обстановки, на границу высылались разъезды и выставлялись секреты. Собранные пограничной стражей сведения о лицах, занимающихся контрабандным промыслом, а также о движении контрабанды должны были ежеквартально передаваться начальнику Приамурского таможенного округа. Инструкция устанавливала порядок несения пограничной службы чинами пограничной стражи, организацию координации совместных действий с чинами таможенного ведомства, а также оказание содействия друг другу при решении задач охраны границы².

Порядок охраны границы совместными силами подробно описывается в донесениях управляющих таможенных застав того времени. 29 июля 1911 г. управляющий Полтавской таможенной заставы, направляя Начальнику Приамурского таможенного округа донесение о ходе контрабанды, сообщал, что охрана границы осуществляется чинами Полтавской заставы с привлечением пограничников. В донесении он отмечал что в заставе по штату положено 13 досмотрщиков и десять лошадей. Однако из этого числа четыре досмотрщика находятся на учреждённом с сентября 1910 г. посту «Ушагоу», в 20 вёрстах от заставы. В помощь таможенным чинам, сообщал он, прикомандировываются погранични-

¹ Краткое описание Дальнего Востока и прилегающих к нему областей Северной Маньчжурии и Северной Кореи. Военно-географический и статистический обзор. – Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1912. – С. 16.

² Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. – СПб., 1912. – С. 32–38.

ки 3-й сотни 2-го Заамурского конного полка, которых в Полтавке числится до 30, фактически же бывает 24–25 человек. Описывая порядок охраны границы, управляющий Полтавской таможенной заставы сообщает: «На основании предписания от 27 сентября 1910 г. № 1253 берётся ежедневно в наряд их 4–5 человек, которые посылаются в обход или разъезд с досмотрщиками заставы и независимо от сего, в помощь досмотрщикам на таможенном посту посылаются посменно на две недели три пограничника. В общем можно сказать, что в сутки отправляется для поимки контрабанды из Заставы и поста 6–8 человек, а иногда и более, смотря по тому, сколько оставалось от предшествующей службы свободных людей»¹.

Подобная практика привлечения пограничников Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи к охране границы и борьбе с контрабандой длилась до 1917 г. После Революции 1917 г., первые пограничные подразделения стали формироваться в составе Народно-революционной армии осенью 1920 г., и уже 15 сентября 1920 г. утверждённая командованием Амурского фронта «Инструкция пограничной страже Амурской области в таможенном отношении» обязывала пограничников беспрекословно выполнять все указания таможенных чинов в деле выявления и пресечения перехода границы в неустановленных местах и контрабандного перемещения товаров. Требования к пограничникам по неукоснительному выполнению указаний таможенников были вызваны тем, что в отличие от западных регионов России, на Дальнем Востоке пограничная стража, в части решения задач экономической безопасности, замыкалась на таможенное ведомство до осени 1923 г. Выше отмечалось, что решение задач по охране границы возлагалось на таможенников Уставом таможенным от 1910 г., который имел юридическую силу в ДВР вплоть до вхождения республики в состав РСФСР.

Опыт привлечения и взаимодействия в охране границы и борьбы с контрабандой пограничной стражи в период существования Дальневосточной республики оказался более успешным. После объявления о создании ДВР государственные силовые структуры республики, в т. ч. и таможенные учреждения, оказались вовлечены в процесс реорганизации, что сказывалось на результативности их работы. В подобных условиях эффективная и результативная работа стала возможной

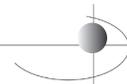
только в процессе взаимодействия этих структур, в том числе в процессе тесного взаимодействия таможенной службы с пограничной службой.

При создании государственных структур в виде таможенных и пограничных учреждений, нацеленных на выявление и пресечение контрабанды, правительство ДВР учитывало опыт дореволюционной России. В это время чёткую систему управления и достаточно отлаженный механизм имело только таможенное ведомство Дальневосточной республики². Оно сохранило дореволюционную структуру, оставив прежние основные таможенные участки – Читинский, Благовещенский, Хабаровский (впоследствии упразднённый) и Владивостокский. В 1920 г., к моменту образования ДВР, сеть таможенных учреждений Сибири и Дальнего Востока состояла из 4 инспекторских участков, 8 таможен 1-го класса, 10 таможен 11-го класса, 35 таможенных застав и 95 постов с общим штатом 477 служащих, 255 канцелярских служащих, 1924 таможенных досмотрщиков и 177 стражников [8, с. 89].

Формирование пограничных структур ДВР несколько затянулось. В конце 1920 г. на базе частей Народно-революционной армии ДВР стали формироваться первые пограничные подразделения. 19 декабря 1920 г. были сформированы Троицкосавский и Акшинский пограничные округа. 17 марта 1921 г. были образованы ещё три пограничных района – Нерчинско-Заводской, Благовещенский и Хабаровский. С марта 1921 г. охрана границы была организована в пяти пограничных районах. В этих районах охрана границы осуществлялась совместными силами таможенников и пограничников. В Приморском крае к охране государственной границы пограничники приступили гораздо позже. В соответствии с требованиями «Положения о взаимоотношениях органов охраны границы ГПУ с органами НКВД (таможней)», принятого Совнаркомом 18 января 1923 г., таможенные учреждения должны были прекратить охрану границы. 11 марта 1923 г. на заседании Приморской губернской комиссии по борьбе с контрабандой была заслушана информация Председателя губернской комиссии – Владивостокского таможенного инспектора Ларина о передаче охраны границы от таможенных учреждений частям погранохраны ГПУ. Сообщение Председателя губернской комиссии о произошед-

¹ РГИА ДВ. – Ф. 472. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 79.

² Беляева Н. А. Таможенная политика России на Дальнем Востоке: учеб. пособие. – Владивосток, 2012. – С. 120.

шей задержке в принятии органами ГПУ охраны границы было принято к сведению¹.

В декабре 1920 г. Военным министром и Министром торговли республики был разработан первый нормативный акт, определявший основы организации охраны границы ДВР «Инструкция войсковым частям, призываемым к охране границы». Этот документ чётко устанавливал порядок взаимодействия войск, призываемых к охране границы, с таможенными учреждениями республики по вопросам борьбы с контрабандой [10, с. 58].

9 февраля 1921 г. состоялось совещание с участием министра продовольствия и торговли Шеина, начальника Управления пограничных районов Ушакова, начальника Управления таможенных сборов Волынцевича, помощника инспектора Читинского таможенного участка Милашевича и комиссара Управления таможенных сборов Безкоровайного. На этом совещании была одобрена «Инструкция войсковым частям, призываемым к охране государственной границы ДВР», впоследствии утверждённая Главкомом республики. Участники совещания приняли решение выйти с ходатайством через Минпродторг в Правительство республики о подчинении Министру продовольствия и торговли пограничных частей в количестве, достаточном для экономической охраны границы [13, с. 5–15]. 17 марта 1921 г. главнокомандующий вооружёнными силами ДВР Г. Х. Эйхе издал приказ об организации охраны границы. Непосредственно борьба с контрабандой была возложена на пограничную стражу и таможенные учреждения, при ведущей роли последней. Основная причина решения главнокомандующего вооружёнными силами ДВР Г. Х. Эйхе о подчинённости погранслужбы таможене объяснялась, во-первых, наличием полномочий и опыта у сотрудников сохранившихся таможенных учреждений Забайкалья и Приамурья; во-вторых, массовостью контрабанды и необходимостью её обуздания; в-третьих, малочисленностью таможенного аппарата ДВР и необходимостью увеличения сил в борьбе с контрабандой за счёт пограничной стражи; в-четвёртых, существующим в те годы у ряда руководителей РСФСР убеждения, что пограничная служба должна быть передана в подчинение таможенному управлению НКВД. Вместе с тем охрана государственной границы ДВР в военном, политическом и экономическом отношении требовала принятия более решительных мер.

¹ РГИА ДВ. – Ф. Р-2470. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 162.

В июне 1921 г. военным министром было утверждено «Положение о пограничных войсках ДВР», ставшее нормативным актом деятельности непосредственно пограничных войск в борьбе с контрабандой. Специфика деятельности пограничных войск ДВР заключалась в следующем: в оперативном отношении в охране границы и борьбе с бандитизмом пограничные войска подчинялись Военному министерству, а в охране границы в экономическом отношении и борьбе с контрабандой они входили в состав сил таможенного ведомства, подчиняясь первоначально Министерству финансов (до 1921 г.), затем Министерству продовольствия и торговли, и с начала 1922 г. – вновь Министерству финансов. Положение фактически устанавливало двойное подчинение пограничного ведомства, что, несомненно, влияло на результативность успешного решения поставленных задач по охране границы.

В последующем участие пограничников в работе таможни было юридически закреплено законом ДВР № 194 от 31 мая 1922 г. «Об усилении охраны границы Дальне-Восточной Республики в таможенном отношении». В соответствии с этим законом к таможенному ведомству прикомандировывались кавалерийские части пограничных войск республики. Закон ДВР об усилении охраны границы в таможенном отношении гласил: «В порядке ст. 43-й основного закона, правительство Дальне-Восточной Республики постановило: 1. В целях усиления охраны границы Дальне-Восточной Республики в таможенном отношении прикомандировать потребное число конных бойцов из кавалерийских частей пограничных войск к таможенному ведомству. 2. Предоставить Министру финансов право, по соглашению с военным советом Н. Р. А. и Флота ДВР определять число бойцов, подлежащих прикомандированию к таможенному ведомству. 3. Подчинить таможенному ведомству в оперативном отношении отряды бойцов, прикомандированных в порядке ст. 1 и 2 сего закона. 4. Учредить при управлении таможенных сборов должность Заведывающего Отделом пограничной охраны, а при Инспекторских таможенных участках должности помощника инспектора по пограничной охране и потребное число сотрудников согласно штатам»². Необходимо заметить, что действие данного закона длилось до ноября 1922 г., т. к. 15 ноября 1922 г. ДВР вошла в состав РСФСР в качестве Дальневосточной области.

² Там же. – Ф. Р-1484. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 78.

Об особенностях взаимодействия пограничников и таможенников в ДВР в борьбе с контрабандой можно понять, ознакомившись с уведомлением Благовещенского таможенного инспектора, направленного 26 августа 1922 г. Управляющему Константиновским постом о прикомандировании бойцов. В уведомлении отмечалось: «Законом от 31 мая сего года об усилении охраны границы ДВР в таможенном отношении установлено прикомандирование к таможенному ведомству потребного числа конных бойцов из кавалерийских частей пограничных войск, причём распределение командированных бойцов по отдельным там. учреждениям предоставлено таможенному ведомству»¹. В письме обращалось внимание на то, что бойцам из кавалерийских частей пограничных войск не представляется право самостоятельных действий. Разъезды, секреты и т. п., составляемые из пограничников, должны были находиться под руководством таможенных служащих. Распоряжения таможенного служащего, руководящего разъездом, передаваемые через старшего в разъезде военнослужащего, бойцом должны исполняться беспрекословно. Далее в уведомлении говорится: «Бойцы и старшина наряда не должны без вашего наряда самостоятельно производить разъезды и предпринимать другого рода действия для преследования контрабанды, а о всяких сведениях, полученных ими о появлении транспортов контрабанды, о нахождении контрабанды в торговых помещениях или частных жилищах, должны доносить вам через старшину. При назначении разъезда, в котором вы не принимаете личного участия, имеете давать письменное предписание назначенному вами руководителю разъезда о задачах последнего и о пунктах, подлежащих обследованию»².

Опыт взаимодействия таможенников и пограничников в борьбе с контрабандой в ДВР успешно применялся и после её вхождения в состав РСФСР. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, в т. ч. отложившиеся в РГИА ДВ. Несмотря на то, что 27 сентября 1922 г. охрана государственной границы и борьба с контрабандой постановлением Совета Труда и Оборона европейской части РСФСР была возложена на пограничное ведомство, переданное в подчинение ГПУ, на Дальнем Востоке охрана границы осуществлялась совместно силами таможенных учреждений и пограничниками фактически до

¹ Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке. Документы и материалы (1899–1925 гг.). – Владивосток, 1999. – С. 114.

² Там же.

марта 1923 г. Так, например, Управляющий Благовещенской таможни в феврале 1923 г. информировал Амурскую губернскую районную комиссию по борьбе с контрабандой об организации охраны границы в районе от Казачьих лагерей до Зейской брандвахты совместными силами сотрудников таможни и пограничной охраны³.

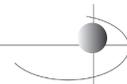
В этот период таможенники уже руководствовались декретом СНК РСФСР «О таможенной охране» от 1 сентября 1922 г., который закрепил порядок задержания контрабандных товаров, определение ответственности за контрабанду и производство дел о контрабанде [4, с. 105]. Пограничники при самостоятельном выполнении задач по охране границы руководствовались «Инструкцией войсковым частям, призываемым к охране границы»⁴. Инструкция закрепляла порядок делопроизводства пограничной службы при задержании контрабандного товара во взаимодействии с таможенным ведомством. Данной инструкцией устанавливалось, что при пресечении попытки контрабандного перемещения товаров пограничники составляли на нарушителя протокол, который для последующей регистрации и проведения соответствующих процессуальных действий направлялся в ближайшее таможенное учреждение. Регистрация протокола в таможне сопровождалась выдачей представителям погранохраны соответствующей таможенной квитанции. Особенность порядка делопроизводства по охране границы и при пресечении контрабанды заключалась в том, что протоколы о контрабанде (черновики и подлинники) препровождались в таможню, а копия протокола передавалась командиру пограничной части (роты) с представлением таможенной квитанции. В случае, если пограничная часть снималась с участка границы в связи с окончанием выполнения возложенных на неё задач, то делопроизводство по охране границы передавалось ближайшему таможенному учреждению⁵.

Справедливым будет отметить, что не всегда вопросы взаимодействия пограничников и таможенников находили понимание у обеих сторон. Отсутствие единой политики и единых подходов к организации борьбы с контрабандой нередко приводило к конфликтным ситуациям между таможенниками и пограничниками. В начальный период становления пограничной службы на Дальнем Вос-

³ РГИА ДВ. – Ф. Р-1842. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 66, 66 об.

⁴ Там же. – Ф. Р-2470. – Д. 34. – Л. 106.

⁵ Там же.

токе, отмечалось в циркуляре Управления Благовещенского таможенного инспектора о взаимоотношениях таможенных учреждений с пограничной стражей, привлекаемые к охране границы воинские части не смогли зарекомендовать себя с лучшей стороны: «действуя совершенно самостоятельно и независимо от таможенных учреждений как обособленная организация, эти воинские части не оправдали надежд, прав, и целесообразность назначения их в помощь таможенному ведомству уже в достаточной мер опровергнута опытом»¹. Нередкими были случаи, когда выделенные для охраны границы пограничники после некоторого времени пребывания на границе вступали в контакт с местными жителями и вовлекались в контрабандный промысел. Как отмечают исследователи, имелись случаи, когда пограничники не только принимали участие непосредственно в контрабанде, но и разрешали её перемещать за определённую плату. Имелись случаи и вооружённого прикрытия контрабандистов от таможенников, пытавшихся задержать контрабандные товары [10, с. 64–65].

После окончательного решения вопроса по снятию функции охраны границы с таможенников и усиления роли пограничной службы на данном направлении, появились случаи, когда пограничные органы стали вмешиваться в работу таможенных органов и даже подменять их, что послужило основанием издания приказа ВЧК от 27 февраля 1923 г. за № 252, в котором говорилось: «Несмотря на неоднократные изданные приказы и разъяснения, некоторые погран. органы вмешиваются в работу таможенных учреждений на границе, тем самым парализуя их аппараты. Придавая таможенным органам на границе крупное экономическое значение, ВЧК разъясняет и приказывает прекратить аресты, обыски и вмешательство в работу таможенных органов по необоснованным причинам. Виновные, нарушившие приказ и начальники Особых отделов, отвечающие полностью за действия своих сотрудников, будут привлекаться к ответственности»². Приказ был подписан заместителем председателя ВЧК И. С. Уншлихтом и начальником Административно-организационного Управления ВЧК Г. Г. Ягодой.

Заключение. В завершение необходимо отметить, что рассматриваемый период истории взаимодействия таможенных учрежде-

ний и пограничной службы (1910–1923 гг.) условно можно разделить на три этапа.

Первый этап приходится на 1910–1917 гг. Этап характеризуется становлением таможенной и пограничной службы в Забайкалье, Приамурье и Приморье на российско-китайском направлении, поиском и юридическим закреплением форм и методов взаимодействия.

Второй этап приходится на 1917–1920 гг. Данный этап характеризуется сложностью решения задач, а порой и невозможностью решения задач охраны границы и борьбы с контрабандой в условиях политической нестабильности и Гражданской войны после Революции 1917 г.

Третий этап приходится на 1920–1923 гг. Это период создания, функционирования ДВР и вхождения ДВР в состав РСФСР с окончательной передачей функции охраны границы таможенными учреждениями пограничной службе. Этап характеризуется применением опыта взаимодействия дореволюционной России, решением возникающих проблем и противоречий при совместном решении задач, поиском, юридическим закреплением и использованием новых форм взаимодействия.

Взаимодействие таможенников и пограничников юридически закреплялось и осуществлялось в соответствии с разрабатываемыми совместно и вводимыми в действие в значительном количестве нормативными актами: узаконениями, положениями, распоряжениями, правилами и инструкциями, издаваемыми в Российской империи для таможенных учреждений, расположенных в Забайкальской области, Южно-Уссурийском крае и Приморской области, и частей Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, а впоследствии декретами, законами, положениями, приказами, правилами и инструкциями принимаемыми и утверждаемыми в Дальневосточной республике.

Анализ документов, отложившихся в РГИА ДВ и РГАЭ, показывает, что взаимодействие таможенной и пограничной службы в исследуемый период осуществлялось в виде: охраны границы путём несения службы в совместных обходах или в разъездах, в пикетах и секретах; проведения совместных оперативных мероприятий по пресечению контрабанды в пунктах пропуска, на участках границы, в приграничной зоне; совместном делопроизводстве при выявлении контрабанды, составлении протоколов, регистрации, осуществления дальнейших процессуальных

¹ Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке. Документы и материалы (1899–1925 гг.). – Владивосток, 1999. – С. 117.

² РГАЭ. – Ф. 413. – Оп. 11. – Д. 211. – Л. 5.

действий; обмена оперативной информацией об особенностях контрабанды, взаимного предоставления сведений о контрабандистах, сведений о способах контрабанды, каналах контрабанды.

Особенность взаимодействия двух ведомств заключалась в том, что при решении задач по охране границы и проведении мероприятий по борьбе с контрабандой руководя-

щая роль отводилась таможенному ведомству.

В целом опыт взаимодействия в деле охраны государственной границы на российско-китайском направлении и борьбе с контрабандой таможенной и пограничной службы в период 1910–1923 гг., несмотря на имевшие место недоразумения и противоречия, оказался успешным и заслуживает внимания.

Список литературы

1. Беляева Н. А. Таможенная служба на Амуре в начале XX века: первые шаги таможенного надзора // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 109–118.
2. Высотенко А. В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской империи отдельным корпусом пограничной стражи: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2004. 284 с.
3. Дальневосточная контрабанда как историческое явление / Н. А. Беляева [и др.]. Владивосток: РИО ВФ РТА, 2010. 293 с.
4. Колдаев В. М. Из истории организации борьбы с контрабандой в СССР. 1917–1930 гг. // Правоведение. 1970. № 6. С. 101–107.
5. Костюченко А. П. Демаркация российско-китайской границы на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI в. и участие в ней пограничных органов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2018. 237 с.
6. Маковкин А. Е. 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк. СПб.: Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильюорг, 1907. 231 с.
7. Переслегина И. В. История формирования и деятельности Кяхтинской таможни: 20-е гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2004. 221 с.
8. Печерица В. Ф. Очерки истории дальневосточной таможни. Ч. 1. 1899–1945 гг. Владивосток: ВФ РТА, 2002. 68 с.
9. Полянский М. В. Организация и деятельность пограничной охраны Советского государства в 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владивосток, 2016. 236 с.
10. Попенко А. В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 – конец 1920-х гг.). Хабаровск: Хабар. погран. ин-т ФСБ России, 2009. 150 с.
11. Попенко А. В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 – конец 20-х годов XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2008. 235 с.
12. Свягин Н. С. По русской и китайской Маньчжурии. От Хабаровска до Нингуты. Впечатления и наблюдения. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлиха, 1897. 94 с.
13. Хитин М. С. Пограничная охрана Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 5–15.
14. Юхов С. А. Взаимодействие ведомств в защите государственной границы Российской империи: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2001. 215 с.

Статья поступила в редакцию 10.10.2018; принята к публикации 30.10.2018

Библиографическое описание статьи

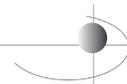
Ляпустин С. Н. Опыт взаимодействия таможенных учреждений с пограничным ведомством в охране границы и борьбе с контрабандой в Забайкалье, Приамурье и Приморье (1910–1923 гг.) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 39–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-39-47.

Sergey N. Lyapustin,

*Candidate of History, Associate Professor,
Vladivostok Branch, Russian Customs Academy
(16 v Strelkovaya st., Vladivostok, 690034, Russia),
e-mail: fpk_vf_rta@mail.ru*

Experience of Interaction of Customs Agencies with the Border Agency in Border Protection and Combating Smuggling in Transbaikalia, Amur Region and Primorye (1910–1923)

The article is devoted to the history of interaction of the Russian customs offices and boundary guards in Eastern Siberia and in the Far East of Russia in the first quarter of the 20th century in fight against smuggling and protection of border. The relevance of a subject is caused by interest in history of creation and formation of domestic customs and boundary services which increased in recent years that allows us to consider the experience accumulated by these departments at the solution of tasks of protection of frontier and fight against smuggling now.

In the course of the research of history of the Russian customs offices and boundary guards interaction in Eastern Siberia and in the Far East of Russia in a certain chronological framework of the first quarter of the 20th century, special methods of historical studies were applied: historical and genetic, historical and typological, historical and system, comparative-historical. The article reveals legal regulation of joint actions of boundary and customs guards, the order and forms of interaction are described, continuity of interaction of pre-revolutionary and post-revolutionary institutions of frontier guards and customs officers is established. For the first time, the author introduces new archival materials from the Russian state historical archive of the Far East. As a result of the conducted research, the main stages of formation of interaction of customs offices and the border service during the period from 1910 to 1923, legal bases, types and forms of interaction are established; features of interaction at protection of border and fight against smuggling in Eastern Siberia and in the Far East are revealed.

Keywords: Russian Far East, Trans-Baikal region, Amur region, Primorsk region, Far Eastern Republic, history of customs, the fight against smuggling

References

1. Belyaeva, N. A. Customs service on the Amur at the beginning of the 20th century: the first steps of customs surveillance. Customs policy of Russia in the far East, no. 2, vol. 59, pp. 109–118, 2012. (In Rus.)
2. Vysotenko, A. V. The historical experience of ensuring the security of the State border of the Russian Empire, a separate corps of border guards: Cand. historical sciences. diss. M., 2004. (In Rus.)
3. Far Eastern smuggling as a historical phenomenon. Vladivostok, RIOVF RTA. 2010. (In Rus.)
4. Koldaev, M. From the history of the organization to combat smuggling in the USSR. 1917–1930. Jurisprudence, no. 6, pp. 101–107, 1970. (In Rus.)
5. Kostyuchenko, A. P. Demarcation of the Russian-Chinese border in the Far East in the late twentieth and early twenty-first centuries and participation in the border guard authorities: Cand. historical sciences. diss. Khabarovsk, 2018. (In Rus.)
6. Makovkin, A. E. First Nerchinsk Regiment of Transbaikalian troops. 1898–1906. Historical sketch. SPb: Printing house, R. Golike and A. Vil'burg, 1907. (In Rus.)
7. Pereslegina, I. V. History of formation and activities of the Kyakhta Customs: 1720s – early 1860s. Cand. historical sciences. diss. Ulan-Ude, 2004. (In Rus.)
8. Pecheritsa, V. F. Essays on the history of the far eastern customs. Part 1. 1899–1945, Vladivostok: VF RTA, 2002. (In Rus.)
9. Polyansky, M. V. Organization and activities of the border guard of the Soviet State in 1917–1922: Cand. historical sciences. diss. Vladivostok, 2016. (In Rus.)
10. Popenko, A. V. Experience in combating smuggling in the Far East of Russia (1884- late 20s): Khabarovsk. Khabarovsk border Russian FSB Institute, 2009. (In Rus.)
11. Popenko, A. V. Experience in combating smuggling in the Far East of Russia (1884 – the end of the 20th century. Cand. historical sciences. diss. Khabarovsk, 2008. (In Rus.)
12. Sviyagin, N. S. On Russian and Chinese Manchuria. From Khabarovsk to Ninguta. Impressions and observations. SPb: Printing house of Yu. N. Erlikh, 1897. (In Rus.)
13. Khitin, M. S. Border guards of the Far Eastern Republic. Russia and the Asia-Pacific region, no. 4, pp. 5–15, 2006. (In Rus.)
14. Yukhov, S. A. Interaction agencies in the protection of the State border of the Russian Empire. Cand. historical sciences. diss. M., 2001. (In Rus.)

Received: 10 October 2018; accepted for publication October 30, 2018

Reference to the article

Lyapustin S. N. Experience of Interaction of Customs Agencies with the Border Agency in Border Protection and Combating Smuggling in Transbaikalia, Amur Region and Primorye (1910–1923) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 39–47. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-39-47.

УДК 93(94)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55

Зоя Вениаминовна Мошкина,
доктор исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: MoshkinaZV@yandex.ru

Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века

В статье исследуются условия содержания государственных преступников России на Нерчинской каторге во второй половине XIX века. К государственным преступникам относились участники политической оппозиции страны, вступившие в политическую борьбу с самодержавием. Это движение получило название «народничество». Самодержавная монархия, борясь с оппозицией, использовала различные способы борьбы. Одним из них была ссылка в Сибирь. Наиболее тяжкой была ссылка в каторжные работы на Нерчинскую каторгу, которая располагалась на территории Забайкалья. Автор, опираясь на Свод законов Российской империи, а также историю применения к политическим заключённым каторги порядка содержания вне тюрьмы, выясняет порядок и масштабы применения этой льготы, устанавливает, насколько сами политкаторжане оказались склонны получить её, какая часть заключённых для того, чтобы получить облегчение жизни, подавала для этого прошение. Прошение предусматривало обязательное раскаяние преступника в своём преступлении и обращение к милости самодержца за облегчением участи или прощением. В результате исследования установлено, что к государственным преступникам содержание вне тюрьмы применяли нерегулярно, допускался административный произвол. Выяснено, что нарушался порядок исчисления срока пребывания в разряде испытуемых, по истечении которого заключённый получал право выйти на жительство вне тюрьмы, создавались формальные препятствия для получения льготы. За незначительным исключением основная масса политкаторжан проявляла стойкость духа и за милостью к царю не обращались. Автор допускает, что наказание политической оппозиции в России носило репрессивный характер.

Ключевые слова: государственные преступники, ссылка, каторга, режим содержания, изоляция, льгота, прошение, репрессивный режим, Нерчинская каторга, вторая половина XIX в.

Введение. Основным местом ссылки в каторжные работы государственных преступников в России являлась Нерчинская каторга. Сюда отправляли тех, кто отличался особой политической неблагонадёжностью, прежде всего, за тяжкие государственные преступления и вне зависимости от того, к какому виду каторжных работ они приговаривались.

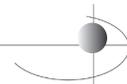
В общем порядке содержания ссыльнокаторжных всех родов и разрядов предусматривались некоторые льготы, которые, по мнению законодателя, должны были стимулировать заключённых к исправлению. Такой льготой являлось содержание вне тюрьмы. В начале срока исполнения наказания все заключённые причислялись к отряду испытуемых. Их содержали в закрытых помещениях, без свободного доступа посторонних людей. В соответствии со сроками заключения заковывали в ножные и ручные оковы. Имеющие длительные сроки приговоров носили ножные и ручные оковы, краткие – только ручные. В обязательном порядке заключённые использовались на тяжёлых работах. По истечении установленного срока содержания в отряде испытуемых ссыльнокаторжные примерного поведения, не нарушавшие режима,

а также не получавшие серьёзных взысканий и наказаний, переводились на содержание вне тюрьмы, что значительно облегчало их дальнейшее существование. Этот порядок являлся нормой общеуголовного права, следовательно, должен был неукоснительно применяться к заключённым всех категорий без исключений¹.

Целью работы является изучение условий содержания государственных преступников России на Нерчинской каторге во второй половине XIX в.

Методология и методы исследования. В статье рассматривается порядок применения к политкаторжанам одной из льгот каторжного режима, который существенно облегчал условия жизни, то есть содержание вне тюрьмы. Автор использует метод проблемно-хронологического анализа архивных документов и мемуаров бывших политкаторжан. Концептуальным является утверждение, что человеческая жизнь есть главная ценность. Исходя из данного утверждения, методологической основой исследования явля-

¹ Свод Учреждений и Уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи. – СПб., 1857. – Т. 14. – Ст. 555–575.

ется естественно-правовой подход к определению прав и свобод человека. Работа носит междисциплинарный характер.

Результаты исследования и их обсуждение. Как известно, российская карательная политика знала деление преступников на уголовных и государственных. Относительно последних сложилась практика обозначения двумя терминами – «государственные» и «политические» преступники. По официальному законодательству государственными преступниками являлись те, кто вёл политическую борьбу против самодержавия. К таковым относилось народничество, которое во второй половине XIX в. представляло собой главный и довольно многочисленный антиправительственный лагерь. В стране сложился ещё один антиправительственный лагерь – польское национально-освободительное движение. В суде участники его тоже проходили как государственные преступники. Представители всех этих движений одновременно отбывали ссылку в каторжные работы на Нерчинской каторге. Слияние этих двух лагерей для совместного содержания в общих тюремных помещениях в планы карательной политики правительства не входило. Наоборот, требовалась организовать для них раздельное содержание. Вот почему в делопроизводстве участников польского национально-освободительного движения для того, чтобы отличать их от российских политических оппонентов, стали именовать политическими преступниками. В XX в. в обиходе это выражение распространится на всех политических протестантов страны.

В статье, исследуя порядок и механизм применения обозначенной льготы к государственным преступникам, то есть к народничеству, автор установил, что власти не удалось соблазнить их этой мерой и мотивировать заключённых на ожидаемое в правительственном лагере исправление. Оказывается, что большинство заключённых игнорировали такой способ облегчения своей участи. Политкаторжане, чтобы облегчить свою жизнь на каторге, прибегали к различным формам протеста. Более того, выяснено, что применение льготы осуществлялось с нарушениями, которые приобрели масштабный характер, а наказание ссылкой в каторжные работы превратилось в репрессивную меру борьбы самодержавия с политическими оппонентами.

В истории пребывания государственных преступников на Нерчинской каторге устанавливались довольно длительные промежутки времени, когда содержание вне тюрьмы от-

существовало. Происходило это потому, что порядок содержания политической оппозиции мотивировался целями карательной политики правительства. На протяжении второй половины XIX в. в тюрьмах Нерчинской каторги по настоянию высших органов власти для государственных преступников устанавливался режим изоляции, их старались содержать, во-первых, отдельно от всех остальных преступников, во-вторых, – а это было самым главным, – от внешнего мира. Смысл ссылки политической оппозиции в отдалённый и глухой регион заключался в том, чтобы лишить её всяческих контактов с волей, лишить возможности повлиять на окружение, в том числе и на среду уголовную. Однако по объективным причинам местная тюремная администрация это требование в полном объёме исполнить была не в состоянии. Кроме того, власти важно было устроить для своих политических противников более жёсткий надзор и тяжёлые условия жизни для того, чтобы сломить их волю, заставить признать поражение и просить помилования. В случае же неудачи – похоронить память об этих людях в сибирской глуши.

Проживание ссылкаторжного вне тюрьмы значительно облегчало его положение. Он освобождался от ношения оков, жил не в тюрьме, а на вольной квартире. За ним сохранялась только одна обязанность – ежедневное выполнение работ. За свои средства или по ссуде мог приобрести жильё. Эти условия давали заключённому небольшую свободу, не было необходимости круглые сутки находиться в камере, где отсутствовала возможность уединения. Контроль со стороны тюремных надзирателей состоял в утренней и вечерней проверке. Если заключённого не водили на работы, то фактически он всё время был свободен, более того, даже отлучался из дома, но для этого надо было постараться этот факт скрыть от начальства. В камере же человек постоянно находился в окружении сокамерников, зачастую не очень ему симпатичных. Такая перспектива представляла большой соблазн для поиска выхода, то есть приобрести послабление в режиме содержания. Но льготу заключённые могли получить только после отбытия срока в разряде испытуемых и, главным образом, за примерное поведение, которым государственные преступники не отличались. Существовало ещё одно условие, которое затрудняло приобретение льготы, оно было невыполнимым. Требовалось особое мнение непосредственного тюремного начальства. То есть человек

зависел от субъективного мнения чиновника, надзирающего за ним, а не от нормативного положения.

Бытовые условия в тюрьмах Нерчинской каторги, холодный климат, скудная пища, изоляция, ограниченная связь с родными – всё это усугубляло и без того тяжкие условия содержания. Самым трудно переносимым обстоятельством для политзаключённых являлось принудительное общежитие в большом коллективе людей. Тяжелее всего его переносили узники с длительными сроками заключения и бессрочники. Об этом свидетельствуют в своих воспоминаниях почти все бывшие узники политической каторги. М. Д. Муравский отмечал, что в 1860-е гг. занятий у них было достаточно много. Они занимались ремёслами, читали, исполняли хозяйственные работы по уборке территорий, сами себя обслуживали, убрали камеры, готовили по очереди пищу, топили баню, а для улучшения питания завели домашних животных и попытались организовать коммерческую деятельность. Но тяготило их то, что приходилось постоянно видеть лица одни и те же [7, с. 65]. И. Г. Жуков, описывая тюремное общежитие, товарищей, которые «сновали ежедневно и мозолили глаза», завидовал улитке, которая по надобности могла закупориться в своей раковине, чего он сам был лишён. Несмотря на то, что в тюрьме существовала доброжелательная атмосфера, он делал вывод, что в таких условиях одиночное заключение предпочтительнее, чем содержание в тюремном коллективе [3, с. 264].

В истории Нерчинской каторги 60-х гг. XIX в. известно, что на содержание вне тюрьмы были переведены только два человека, Н. Г. Чернышевский и А. А. Красовский¹. Следует заметить, что до всех заключённых каторжан, в том числе и до государственных преступников, сведения о порядке их содержания не доводились. Эту информацию они добывали сами. Подозревали о нарушениях своих прав со стороны властей. Имея представление об общем порядке управления в стране, они предполагали, что произвол со стороны тюремной администрации обязательно будет, и его не избежать. Одним из нарушений, с которым столкнулись политкаторжане, – это лишение их права жить вне тюрьмы, лишение льготы, существенно меняющей качество жизни заключённых на каторге. Тюремная власть всех уровней проводила политику по ограничению льгот, предусмотренных Уставом о ссыльных. Поэтому заключённым

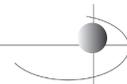
60-х гг. XIX в. содержание вне тюрьмы не разрешили. Сами заключённые из-за отсутствия у них полных сведений о режиме содержания на каторге вопрос перед начальством не поднимали, хотя требования по другим условиям высказывали.

Исполнение режима являлось непосредственной обязанностью местной администрации. Она должна была в соответствии с действующим законодательством выполнять все имеющиеся регламенты режима каторги. Но из самых высших властных вершин поступали особые пожелания, которые требовали серьёзной корректировки режима. В них присутствовали предписания по ужесточению режима через ликвидацию льгот и отмену применения к государственным преступникам царских манифестов, которые, как известно, также предусматривали облегчение участи. В администрацию каторги периодически поступали инструктивные рекомендации содержать политкаторжан только в тюремных помещениях, как надлежащих особому надзору, и в то же время поступали подтверждения о том, что на политических заключённых распространяется правило содержания их вне тюрьмы. То есть, с одной стороны, требовали политкаторжан запереть в тюрьмах и не выпускать до окончания срока, а с другой – внетюремное содержание не отменялось. Более того, в мае 1866 г. даже был составлен список всех политкаторжан, у которых истек или уже истёк срок пребывания в разряде исправляющихся². То есть, готовилась акция по освобождению группы заключённых на содержание вне тюрьмы. В результате выпустили только двоих, уже названных, остальные ссыльнокаторжные государственные преступники Нерчинской каторги 1860-х гг. эту льготу так и не получили. А те, кому представилась такая возможность, в полном объёме ею не воспользовались. А. А. Красовский 20 мая 1868 г. совершил с вольной квартиры побег, который оказался неудачным и закончился гибелью беглеца. Власти, опасаясь, что Н. Г. Чернышевскому с воли готовы организовать побег, 5 июля 1868 г. вернули его обратно в тюрьму. Генерал-губернатор Восточной Сибири К. Шелашников по этому поводу распорядился, чтобы произошло это под любым предлогом, а можно и совсем без предлога. «Не обнаруживая повода к заключению его, перевести в одно из тюремных помещений, поместив его отдельно так, чтобы ему преграждены были все пути к побегу»³.

¹ ГАРФ. – Ф. 29. – Оп. 6. – Д. 25. – Л. 14–15.

² ГАЗК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 3372. – Л. 385–508.

³ Там же. – Ф. 1п. – Оп. 2. – Д. 127. – Л. 1а.

Хотели ли получить такую льготу другие политкаторжане в 1860-е гг., не установлено. Прошений в архивах не обнаружено, в воспоминаниях такие намерения не упоминаются, в коллективе политкаторжан они даже не обсуждались. Достоинство и честь борца с режимом этого не позволяли. Следует учесть, что предоставление льготы, по мнению власти, должно было сопровождаться со стороны заключённого покаянием. Так как узники политической каторги 1860-х гг. сожалели по поводу того, за что их наказали, не демонстрировали, им режим каторги менялся на режим тюремного содержания. То есть сущность наказания, которое устраивала власть, заключалась не в точном исполнении имеющегося закона, а в желании устроить им в отместку репрессии.

В 1870-е гг., возможно благодаря личным качествам Заведующего Нерчинскими ссыльнокаторжными В. О. Кононовича, его постоянным ходатайствам и обоснованиям законности применения к политкаторжанам содержания вне тюрьмы, условия содержания ссыльнокаторжных государственных преступников стали более соответствовать Уставу о ссыльных. По признаниям заключённых, режим на каторге оказался не таким ужасным, как это представлялось им на воле. Н. А. Чарушин выразил общее мнение, оценив его как сносный, сложившийся по чистой случайности благодаря В. О. Кононовичу [11, с. 29]. Близкую оценку условиям содержания дал С. С. Синегуб: «Наша жизнь на гауптвахте, хотя была монотонна и однообразна, но особой тягостности не заключала» [9, с. 103].

Отличало режим содержания государственных преступников в 1870-е гг. то, что Заведующий Нерчинскими ссыльнокаторжными В. О. Кононович постарался применить к заключённым по закону положенную им льготу, то есть выпускал их на содержание вне тюрьмы. На такой поступок его, как он писал в отчётах, вынуждало то, что для содержания особых преступников не хватало специально оборудованных помещений, охраны и конвоя, а также отсутствовала возможность организации для них, как это требовали распоряжения, поступающие сверху, рудничных работ отдельно от общей массы ссыльнокаторжных. Но это было всего лишь поводом для оправданий перед начальством. С. С. Синегуб в воспоминаниях отметил тот факт, что государственные преступники однажды, чтобы побороть монотонность и однообразие жизни, даже попросили для себя работу. Просьба была удовлетворена, им предложили колку

дров [9, с. 103–105]. В. О. Кононович строил режим не путём его ужесточения, а старался не отступать от основного кодекса, регламентирующего режим каторги, Устава о ссыльных. Однако вышестоящие властные структуры, преимущественно подзаконными актами, по-прежнему настаивали на содержании политкаторжан в закрытых камерах. Такая политика затрудняла исполнение законодательно установленного режима каторги, порождала в исполнении режима каторги разногласия. Этот недостаток заметил флигель-адъютант Норд, который был командирован Министром внутренних дел на Кару в октябре 1883 г. В своём докладе он обратил внимание на главный недостаток в содержании инструкций, которые поступали непосредственным исполнителям режима каторги. Этот недостаток состоял в том, что они не согласовались друг с другом. Оказалось, что содержание одной инструкции отменяло другую, а в процессе реализации эти расхождения вообще могли привести к нарушениям¹. Вероятно, Норд имел в виду то, что для политкаторжан отменили содержание вне тюрьмы, а в основном нормативном акте, регулирующем режим каторги Уставе о ссыльном, это решение не было отражено². В. О. Кононович это тоже понимал, поэтому для него главным ориентиром оставался Устав о ссыльных.

Н. А. Чарушин на момент своего прибытия на Кару, а поступил он 28 ноября 1878 г., при В. О. Кононовиче, перечислил тех, кто на момент его прибытия находились уже на содержании вне тюрьмы. Таковых было немного, всего 3 человека, П. Г. Успенский, А. К. Кузнецов, Е. К. Брешко-Брешковская [11, с. 31]. Сами заключённые называли такое проживание вольной командой. К весне 1879 г. в вольную команду, по свидетельству С. С. Синегуба, В. О. Кононович выпустил всех политкаторжан Кары. Но с условием, чтобы при появлении начальства, с которым его мнение не совпадало, все они должны были лечь в лазарет как больные [10, с. 29]. С. Ястремский, прибывший на каторгу 16 октября 1880 г., перечислил имена довольно многочисленной группы политкаторжан, живущих в вольной команде. Она состояла из 20 чел. [14, с. 9]. Общее же число ссыльнокаторжных государственных преступников к этому времени на Каре уже составляло 71 чел., для содержания которых всё ещё не хватало специальных тюремных помещений. Возможно, что это стало поводом, из-за ко-

¹ ГАРФ. – Ф. 533. – Оп. 1. – Д. 732. – Л. 48–49.

² Там же. – Л. 49.

того В. О. Кононович вынужден был всех предыдущих узников выпустить в вольную команду и таким образом решить возникшую проблему с помещениями.

Надзирающий за всем в стране орган, каковым являлось Третье отделение Его Императорского Величества канцелярия, как только до него дошли известия о допускаемых на Каре «вольностях», активизировал процедуру разбирательства в деятельности В. О. Кононовича, идущую вразрез с целями карательной политики самодержавного государства. Действия В. О. Кононовича были расценены как нарушение режима в политической тюрьме. С этой целью в ноябре 1879 г. на Кару командировается штабс-капитан Иркутского Губернского жандармского управления Бурлей. Одновременно ему поручается сопровождение трёх политических заключённых-женщин, С. Лешерн, Н. Армфельд, Е. Сарандович. Вернувшись в Иркутск, он донёс, что в тюрьме для государственных преступников он обнаружил ряд серьёзных нарушений режима. Началось разбирательство. В. О. Кононович давал письменное объяснение. Но его доводы не убедили начальство. Жандармское управление пошло в наступление, пользуясь моментом, перехватило надзорные функции на политической каторге в свои руки. В. О. Кононовича с Кары отправляют заведовать Сахалинской каторгой, а жандармского офицера Бурлея назначают на его место. Вскоре на Каре будет учреждён уже целый жандармский пункт, состоящий из нескольких жандармов, которые займутся контролем исполнения режима на политической каторге¹. Переход политической тюрьмы под надзор жандармов был вызван ещё и ростом протестного движения в стране и увеличением числа ссылаемых на Нерчинскую каторгу государственных преступников. Более того, изменился состав заключённых. С 1880 г. на Кару стали поступать сторонники террора. Власть не случайно обеспокоилась положением на политической каторге.

Весной 1882 г. политкаторжане организовали и совершили массовый побег, способ которого следствие так и не смогло установить, заключённые его не выдали. Лишь значительно позднее в своих воспоминаниях они описали план побега, его подготовку и назвали автора плана. Им оказался И. Мышкин [2, с. 126–137]. После поимки 8 беглецов в политической тюрьме отменяется ряд льгот, происходит значительное ухудшение жизни заключённых. Им ограничили переписку с

¹ ГАЗК. – Ф. 1п. – Оп. 2. – Д. 212. – Л. 1–60.

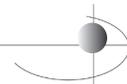
родственниками, запретили распоряжаться личными финансами, которые раньше шли на улучшение питания, читать прессу. В конце концов, их лишили ряда завоеваний, которые они добились в результате длительной и постепенной борьбы с тюремной властью. Самым тягостным наказанием оказалось ограничение выхода в вольную команду, в котором в тот период заключённые особенно нуждались. Очевидной и распространённой причиной желать выхода из тюрьмы у заключённых была чрезмерная скученность обитателей в камерах. Подтверждение этому находятся в воспоминаниях бывших политкаторжан. О воздействии тюремного общежития на психику людей писал А. В. Прибылев². Тюремное общежитие он представлял как «подневольное сожительство людей, неподходящих друг другу ни по характеру, ни по темпераменту, ни по развитию, ни по пониманию не только сложных, но и простых жизненных положений, ни по привычкам» [8, с. 56]. Естественно, что большинство заключённых мучилось совместным проживанием в тюрьме, и «жаждало отдыха» от принудительного общежития. Н. Геккер также отмечал негативное влияние совместного проживания под замком на личностные качества людей. Общежитие, по его мнению, «убивало творчество и вдохновение людей» [1, с. 81]. Ситуация усугублялась тем, что политкаторжан на регулярные работы в рудники по-прежнему не привлекали. Они весь день находились в тюремном помещении взаперти. В очередной раз власть отступала от Устава о ссыльных и изменяла государственным преступникам режим содержания.

В 1880-е гг. для политкаторжан вольная команда фактически могла стать спасением от губительного режима и многим сохранить здоровье и жизнь. В декабре 1880 г. пришло на Кару распоряжение Генерал-губернатора Восточной Сибири, по которому требовалось всех, кого В. О. Кононович успел выпустить из тюрьмы на содержание в вольную команду, вернуть обратно. Первого января 1881 г. девять человек вернулись. Десятый, Е. Семяновский, чтобы не переживать того, что уже испытал в заключении, покончил жизнь самоубийством³. Основанием этого распоряжения стала резолюция Министерства внутренних дел от 20 сентября 1880 г.⁴ С этого момента

² Патронова А. Г. «Государственные преступники» на Нерчинской каторге (1861–1895): библиогр. справ. Ч. III (П–Я). Материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита: ЗабГПУ, 1999. – Вып. 3. – С. 36.

³ ГАЗК. – Ф. 1п. – Оп. 1. – Д. 501. – Л. 37.

⁴ ГАРФ. – Ф. 109. – 3 эксп. 1880. – Д. 701. – Л. 2 об.

на политической каторге стали действовать новые правила применения льгот к государственным преступникам.

Тюремная администрация по-прежнему продолжала вести документацию на каждого заключённого. На каждого узника заводился статейный список, в котором фиксировались все происходившие в его судьбе изменения, в том числе производились расчёты по срокам приговоров. Тех, у кого срок испытания заканчивался, переводили в разряд исправляющихся, с них снимали оковы, но на содержание вне тюрьмы выпускали не всех. После побега порядок выхода в вольную команду установился следующий. Выпускали значительно меньше, чем имели право. Устанавливалась норма, она не превышала 15–16 чел. С 1886 г. в течение 2 лет в вольную команду никого не выпустили [6, с. 236]. Право выхода получали только те, кто демонстрировал примерное поведение или подавал прошение, просил о помиловании и раскаивался. При таких правилах от тюремной администрации не требовалось добросовестного и скрупулезного подсчёта изменений в сроках приговора. Как следствие документы оформлялись небрежно, с нарушениями. Заключённые безрезультативно ожидали изменений в своей жизни, обращались в тюремную администрацию с прошением освободить от оков, выпустить на содержание вне тюрьмы. По статейным спискам заключённых можно утверждать, что оформлялись они с нарушениями, которые творились по причине безалаберности и безответственности исполнителей. Были случаи, когда человеку подходил срок поселения, а он ещё в разряд исправляющихся ссыльнокаторжных не переведён¹.

Суровые требования, установленные для получения льготы, не дали ожидаемых результатов. Чиновники, посещавшие каторгу с намерением склонить к раскаянию политкаторжан, воспринимались заключёнными с юмором. Общее отношение к подаче прошений выразил в своих мемуарах Ф. Кон: «Господа из департамента полиции не понимали даже того, что раскаяние в расчёте на помилование даже в глазах тех, которых сломила или согнула тюрьма, является позором» [5, с. 32–34]. Как видно из этих слов, для основного числа борцов с российской властью обращение к милости царя с просьбой о смягчении участи считалось недостойным поведением, даже преступлением. Однако в рядах ссыльнокаторжных государственных

преступников оказались и подававшие прошение. Ф. Кон назвал число этих людей, 25 чел. [6, с. 244]. Среди них не было ни одной женщины, хотя внутри женского коллектива личностные отношения складывались непросто. Среди женщин чаще возникали конфликты, приобретающие острые формы. Из-за идейных разногласий дело доходило до разрыва отношений, прекращения общения друг с другом. Но это не приводило их к предательству общих целей [4, с. 22–26].

В 1890 г. началась реализация программы по слиянию политической каторги с уголовной. Для этого выбрали тюремное помещение, тюрьму в Акатуе. Обитателей карийской тюрьмы поделили на несколько групп. Одну, состоявшую из 13 чел., осуждённых на долгосрочную и бессрочную каторгу, отправили в Акатуй. Там их распределили по камерам к уголовным преступникам [12, с. 78–79]. Тех, кто подал прошение, определили на поселение. Мужчин с краткими сроками заключения и всех женщин оставили на Каре в вольной команде [13, с. 103]. Завершилось слияние политической каторги с уголовной, на государственных преступников распространили в полном объёме действие Устава о ссыльных. Это означало, что политкаторжан отныне будут, как и уголовных преступников, выпускать в вольную команду и привлекать к тяжёлым рудничным работам наравне с ними, не только приговаривать, но и применять физическое наказание. Улучшение питания они будут вынуждены осуществлять в общем котле с уголовниками, то есть будут делиться с ними своими средствами. Уголовников для совместного проживания им подобрали из рецидивистов и так называемых «иванов», то есть лидеров преступного мира.

Выводы. На протяжении всего периода содержания на каторге народников самодержавная власть применяло к ним наказание репрессивного характера. Усилия власти не дали ожидаемых результатов, не заставили политкаторжан измениться, покориться. Тогда она привлекла на помощь уголовный мир, для того, чтобы те сломали сопротивляемость политических оппонентов власти, подмяли под себя, сделали послушными. С этой целью политкаторжан влили в среду уголовников. Обладая монополией на власть, самодержавное государство не исполняло режим содержания на политической каторге в полном соответствии с Уставом о ссыльных, а изменяло и приспособляло его к своим карательным целям.

¹ ГАЗК. – Ф. 1по. – Оп. 1. – Д. 638. – Л. 1-2; ГАРФ. – Ф. 29. – Оп. 7. – Д. 698. – Л. 9-10; ГАЗК. – Ф. 1п. – Оп. 1. – Д. 634. – Л. 20–23.

Источники

1. Геккер Н. Политическая каторга на Каре // Былое. 1906. № 9. С. 69–88.
2. Виташевский Н. А. На Каре // Голос минувшего. 1914. № 8. С. 110–147.
3. Жуков И. Г. Воспоминания шестидесятника // Литературный Саратов. 1947. № 8. С. 247–274.
4. Ковальская Е. Н. Женская каторга. Из воспоминаний Е. Н. Ковальской // Карийская трагедия. Петроград: Госиздат, 1920. С. 5–29.
5. Кон Ф. В каторге на Каре. М.: Новая Москва, 1926. 120 с.
6. Кон Ф. За пятьдесят лет: в 2 т. Т. 2. М.: Сов. писатель, 1936. 517 с.
7. Муравский М. Д. Ссылка и каторга в 60-х годах (отрывок из письма Муравского) // Былое. 1903. Кн. 4. С. 58–65.
8. Прибылев А. В. В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. М.: Госиздат, 1924. 77 с.
9. Синегуб С. С. Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. № 9. С. 85–108.
10. Синегуб С. С. Воспоминания чайковца // Русская мысль. 1907. № 10. С. 29–49.
11. Чарушин Н. А. О далёком прошлом на Каре. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1929. 112 с.
12. Фрейфельд Л. Из прошлого // Каторга и ссылка. 1928. № 41. С. 66–81.
13. Чуйко В. Год в Акатуе // Нерчинская каторга. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 101.
14. Ястремский С. Кара // Кандальный звон. 1925. № 1. С. 5–20.

Статья поступила в редакцию 20.08.2018; принята к публикации 25.09.2018

Библиографическое описание статьи

Можкина З. В. Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55.

Zoya V. Moshkina,

*Doctor of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: MoshkinaZV@yandex.ru*

Application of Penal Servitude Rules of Living Outside the Prison to State Criminals Sentenced to Hard Labour in Nerchinsk in the Second Half of the 19th Century

The article discusses the detention conditions of Russian state criminals during Nerchinsk hard labor in the second half of the XIX century. Members of the national political opposition who engaged in political struggle against the autocracy were considered state criminals. This movement has been called narodnichestvo (populism). Autocratic monarchy in the struggle with the opposition used different means of struggle. One of them was a reference to Siberia. It was carried out in three ways. The most serious kind was a reference to Nerchinsk hard labor, which was located on the territory of Trans-Baikal region. The relevance of the topic is determined by the fact that it allows us to reveal the shape and nature of the punishment, which was applied by the autocracy for his political opponents. The author considers the procedure and scope of application of the exemptions based on the Code of Laws of the Russian Empire, on the example of application to political prisoners at hard labor such norms as the living outside the prison. The author clarifies the number of political prisoners who were prone to relief life and filed a petition for this. The request provides for compulsory criminal remorse for his crime and appeal to the mercy of the monarch for ameliorating the plight of forgiveness. The study found that the state criminals were occasionally allowed to live outside the of prison, while administrative arbitrariness was allowed. It turns out that the procedure for calculating the period of stay in the discharge test after which the prisoners receive the right to enter the residence outside the prison was violated. Formal obstacles were established for obtaining benefits. With the minor exception, bulk of political prisoners remained steadfast spirit and did not address to grace of the Tsar. The author admits that the punishment of political opposition in Russia was of a repressive nature.

Keywords: state criminals, link, hard labor, detention regime, Nerchinsk penal servitude, the second half of XIX century

Sources

1. Gekker, N. The political prison at Kara. *Byloe*, no. 9, pp. 69–88, 1906. (In Rus.)
2. Vitashevsky, N. A. On a Kara. *Golos minuvshogo*, no. 8, pp. 110–147, 1914. (In Rus.)
3. Zhukov, I. G. Memories of the sixties. *Literaturnyi Saratov*, no. 8, pp. 247. (In Rus.)
4. Koval'skaya, E. N. Women's hard labor. From memories E. N. Kowalski. *Kariiskaya tragediya*. Pg: Gosizdat. 1920: 5–29. (In Rus.)
5. Kon, F. In penal servitude on Kare. M: Novaya Moskva. 1926. (In Rus.)
6. Kon, F. For fifty years. M: Sovetskii pisatel'. 1936. In 2 vol. Vol. 2. (In Rus.)
7. Muravsky, M. D. Exile and hard labor in the 60s (an excerpt from Muravsky's letter). *Byloe. Zagran. izd.* 1903. Kn. 4: 58–65. (In Rus.)
8. Pribylev, A. V. The dynamite workshop and the Kara political prison. From the memories of the people. M: Gosizdat. 1924. (In Rus.)
9. Sinegub, S. S. Memories Tchaikovsky. *Russkaya mysl'*, no. 9, pp. 85–108, 1907. (In Rus.)
10. Sinegub, S. S. Memories Tchaikovsky. *Russkaya mysl'*, no. 10, pp. 29–49, 1907. (In Rus.)
11. Charushin, N. A. About the distant past on the Kara. M: Izd. Vsesoyuz. obshch. politkat. i ssyl'nopos. 1929. (In Rus.)
12. Freifel'd, L. From the past. *Katorga i ssylka*, no. 41, pp. 66–81, 1928. (In Rus.)
13. Chuiko, V. A year in Akatuy. Nerchinsk penal servitude. M: Izd. Vsesoyuz. obshch. politkat. i ssyl'nopos. 1933: 101. (In Rus.)
14. Yastremsky, S. Kara. *Kandal'nyi zvon*, no. 1, pp. 5–20, 1925. (In Rus.)

Received: 20 August 2018; accepted for publication September 25, 2018

Reference to the article

Moshkina Z. V. Application of Penal Servitude Rules of Living Outside the Prison to State Criminals Sentenced to Hard Labour in Nerchinsk in the Second Half of the 19th Century // *Humanitarian Vector*. 2018. Vol. 13, No. 6. Pp. 48–55. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-48-55.

Археология

Archaeology

УДК 903.316321

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-56-68

Александр Васильевич Константинов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: konstant1956@mail.ru

Палеолитические жилища поселений Косая Шивера-1, 2 (Западное Забайкалье)

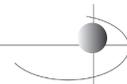
В статье поднимается проблема палеолитических жилищ, которые являются одним из важнейших достижений человечества и служат своеобразным показателем развития «палеолитической цивилизации». Вместе с тем данная тема является крайне дискуссионной. В решение давних споров по жилищной проблеме может внести ясность материал, полученный на забайкальских памятниках. В Забайкалье в течение многих лет ведётся целенаправленный поиск палеолитических жилищ и их изучение. Забайкальский палеолитический «жилищный фонд» значителен и имеет высокие качественные показатели. Яркие образцы возможностей палеолитического домостроения получены в результате изучения жилищ различных типов (одноочажных и многоочажных) на многослойных поселениях Косая Шивера-1, 2 (Забайкальский край, Красночуйский район). В статье подробно анализируется положение жилищ в стратиграфическом разрезе поселений, обосновывается инситуальность комплексов, их возраст. Приводятся весомые доказательства возможностей археологического выделения жилищ на основе анализа элементов сохранившейся конструкции (очага, предметный материал, внешняя обкладка). Сохранность и выразительность выявленных жилищ такова, что они могут служить своеобразными эталонами для выделения жилищ на других памятниках, также имеются возможности для их моделирования и реконструкции.

Ключевые слова: многослойные поселения, речные террасы, аллювиальные отложения, палеолитические жилища, одноочажные жилища, многоочажные жилища, предметный материал

Введение. Жилище является одним из феноменов человеческой культуры и интерес к их изучению вполне объясним. Особый интерес представляют палеолитические жилища, сохранившееся в толще геологических отложений. Появление жилищ наряду с использованием огня и одежды стали важнейшим показателем развития человека.

В настоящее время факт существования жилищ уже на начальных этапах верхнего палеолита ни у кого не вызывает сомнений. Ряд из них музеефицированы на археологических памятниках или находятся в музеях, символизируя достижения развития «палеолитической цивилизации». Широкую известность получили жилища поселений Костенки, Межиричи, Пушкари. Среди сибирских памятников следует прежде всего назвать Мальту

и Буреть. Вместе с тем споры о выделении палеолитических жилищ всё продолжают. Особенно это касается жилищ, выявленных в Восточной Европе, при строительстве которых широко использовались кости плейстоценовых животных, а также их бивни и рога. Предметом споров является как сама возможность археологического выделения жилищ в культурном слое поселений, так и разногласия по поводу их конкретных размеров, элементов конструкции, количеству очагов и т. д. Значительное количество жилищ выявлено в Сибири. Наиболее хорошо палеолитические жилища изучены по обе стороны Байкала. Уже упомянутые жилища поселений Мальта и Буреть в Прибайкалье, изученные М. М. Герасимовым и А. П. Окладниковым ещё в 1930–1950-е гг., получили мировую из-

вестность [1; 2; 3; 12]. В Забайкалье первое палеолитическое жилище также было выявлено А. П. Окладниковым в 1968 г. на поселении Санный Мыс [13]. С тех пор они обнаружены на многих забайкальских памятниках. Среди них особую группу представляют жилища, выявленные на многослойных поселениях в толще аллювиальных отложений на Сухотино-4 (р. Ингода), Студеное-1, 2 (р. Чикой), Усть-Менза-1–3 и Косая Шивера-1, 2 (р. Менза). При этом забайкальский палеолитический «жилищный фонд» явно преобладает по сравнению с другими сибирскими территориями. Материалы по многим жилищам опубликованы, сами жилища демонстрировались на ряде конференций различного уровня и до сих пор сохраняются в условиях консервации культурного слоя. Ряд жилищ находятся в процессе изучения [5; 11; 14]. В статье анализируются палеолитические жилища, выявленные на многослойных поселениях Косая Шивера-1 и Косая Шивера-2.

Методология и методы исследования. При изучении палеолитических жилищ нами использован опыт исследователей, полученный на других сибирских памятниках и адаптированный к забайкальским условиям. Полученный опыт основан на изучении жилищ на таких поселениях, как Студеное-1, 2, Усть-Менза-1–3. Эти поселения многослойные и связаны с первой и второй речными террасами. Здесь в толще аллювиальных отложений изучены десятки жилищ. Установлено, что изучение палеолитических жилищ в условиях многослойности памятников, маломощности культурных горизонтов (от 1 до 10 см) требует особой ориентации исследований. Большое внимание уделяется стратиграфии поселения, что позволяет датировать культурные горизонты геологическими методами, установить их характер и особенности. Постоянный контроль над стратиграфией позволяет не потерять культурный горизонт при условии их сближенности и маломощности. В изучении поселений Косая Шивера-1, 2 принимали участие геологи, специалисты по изучению четвертичного периода С. М. Цейтлин (Москва, Институт геологии) и Л. Д. Базарова (Улан-Удэ, Институт геологии). В процессе раскопок внимание уделялось в целом анализу планиграфии культурных горизонтов, выделению различных структур. Особое внимание было уделено анализу именно жилищных структур, отдельных составляющих их элементов и возможностям археологического выделения жилищ. Археологическим доказа-

тельством их выделения является наличие очага (очагов), тяготеющих к нему артефактов и внешней обкладки. Важнейшей частью раскопок стала фиксация положения находок (все они находились внутри жилища и тяготели к очагам).

Определение возраста жилищ основывалось на анализе положения культурного горизонта в разрезе поселения, радиоуглеродных датировках, типологическом анализе инвентаря. Также при изучении жилищ на Косой Шивере нами использован метод реконструкции. Он позволил провести реконструкцию древних жилищ (восстановить их объём) исходя из реально полученных данных по горизонтальной плоскости.

Результаты исследования. Поселения Косая Шивера-1, 2 находятся в 18 км выше устья р. Мензы на её правом берегу в пади Широкая (Красночикойский район, Забайкальский край). Поселения расположились на террасовидных мысках по обеим сторонам небольшого ручья Широкий, впадающего в Мензу. Несколько ниже Мензу под углом пересекает пережат, именуемый Косая Шивера с мощными каменными валунами, который и дал название поселениям (рис. 1).

До середины 1930-х гг. здесь располагалось поселение – Широкое, состоящее из двух усадеб, также расположенных по обе стороны ручья. Впервые археологический материал был здесь выявлен в 1981 г. в ходе разведки по р. Мензе археологического отряда Читинского государственного педагогического института под руководством М. В. Константинова. В последующем исследование поселений Косая Шивера-1, 2 проводились под руководством А. В. Константинова [4; 6; 7]. Далее даётся описание жилищ по указанным поселениям.

Косая Шивера-1

Изучение жилищ началось с поселения Косая Шивера-1. В 1987 г. на поселении, на месте неглубокого шурфа, был заложен раскоп размерами 5×5 м. Было установлено, что поселение является многослойным – 14 культурных горизонтов содержали материал от верхнего палеолита до эпохи бронзы. В верхней части отложений были сделаны находки, которые содержали, в том числе, и керамический материал. Нижележащие отложения были изучены шурфом 2×2 м. «Попадание» шурфа было удачным. На глубине 14-го культурного горизонта в него вписался очаг с тяготеющим к нему предметным материалом и дугообразный фрагмент кладки из речных валунчиков, уходящий в стенку раско-

па. В 1988 г. раскоп был расширен с учётом закругления дуги кладки и достиг размеров 6×7 м. В нижней части раскопа были остав-

лены ступеньки (из-за сыпучести грунта) и в результате весь интересующий нас комплекс вписался в поле раскопа размерами 5×6 м.

Рис. 1. Падь Широкая в районе переката Косая Шивера. Вид с севера

Fig. 1. Shirokaya Deep on Kosaya Shivera river bar. Northern view

Ниже приводится описание стратиграфии памятника (рис. 2).

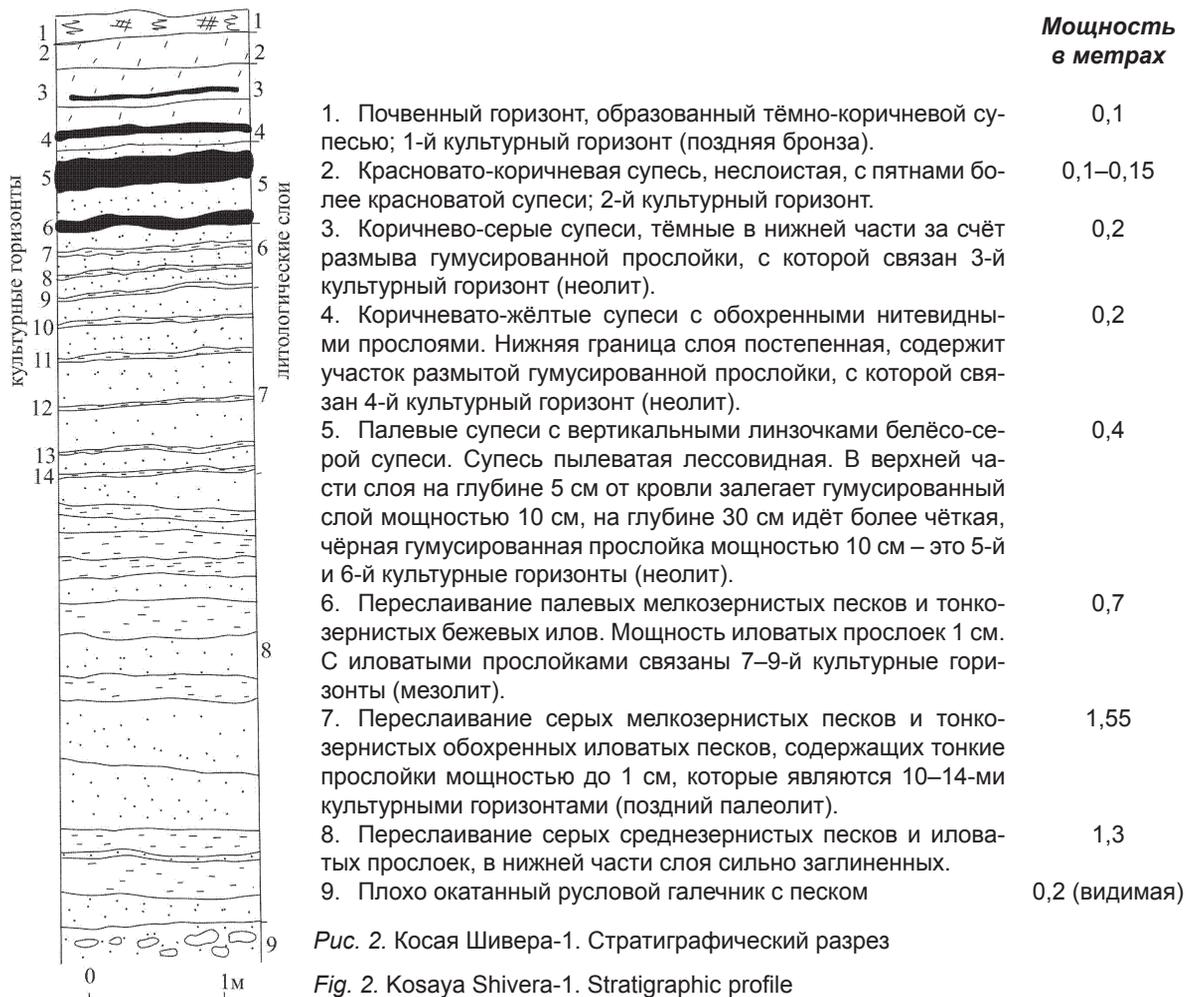
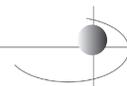

Рис. 2. Косая Шивера-1. Стратиграфический разрез

Fig. 2. Kosaya Shivera-1. Stratigraphic profile

Стратиграфия имеет решающее значение для оценки культуровмещающих отложений жилища. Стратиграфический разрез поселения изучался в 1988 г. кандидатом географических наук Л. Д. Базаровой и в 1992 г. доктором геолого-минералогических наук С. М. Цейтлиным и представляет собой следующее.

Генезис отложений представляется следующим: слой 9-й – русловой галечник, слои 1–5-й – покровные отложения, слои 6–9-й – аллювиальные отложения. Исходя из опыта изучения террас с подобным строением, можно уверенно считать, что слои 1–6-й имеют голоценовый возраст, а 7–9-й – позднеплейстоценовый (в пределах 10,3–13 тыс. л. н.). К финальному палеолиту отнесены культурные горизонты 10–14-й, к мезолиту – 7–9-й культурные горизонты.

Культурный горизонт 14-й относится к 7-му литологическому слою и связан с тонкой иловатой прослойкой мощностью 1 см, залегающей на глубине 2,3 м и имеющей слабый наклон в сторону реки. Горизонт вскрыт на площади 30 кв. м. Выявленный комплекс занимает кв. 31–35, И-Н. Он имеет овальную форму размерами 4,9×4,4 м. В него входит очаг, углисто-золистое пятно с большим содержанием находок, камни в обкладке очага и в отдалении от него. При этом чётко видно, что в последнем случае они располагаются как бы по периметру комплекса, образуя внешнюю обкладку (рис. 3).

Рис. 3. Косая Шивера-1. Общий вид жилища с востока

Fig. 3. Kosaya Shivera-1. General view from the East

В центре комплекса находится очаг овальной формы диаметром до 0,6 м, выложенный по периметру 10 гальками. Обкладка очага плотная, однорядовая. Размеры камней колеблются от 10×18 до 12×30 см. Из неё выпадает только камень № 1, расположенный внутри овала и примыкающий к камням № 2, 10. При сооружении очага, в основном, использованы плоские удлинённые гальки, уложенные на широкие плоскости. При этом отдельные камни перекрывают друг друга. Так, галька № 5 покоится на камнях № 3, 4. Одновременно камень № 4 частично перекрывает камень № 6. На камень № 6 частично налегает камень № 8. Таким образом, круговая обкладка очага местами становится как бы двухъярусной. Представляется, что она устраивалась так намеренно, чтобы несколько выровнять высотное положение камней. Так, камни № 5 и 9, противоположные друг другу по позиции в обкладке, имеют одинаковое гипсометрическое положение. Такое же положение занимают лежащие рядом камни № 6 и 7. Камень № 1, вероятно, первоначально находился на камнях № 2 и 10, а затем сместился внутрь очага.

Заполнение очага – чёрная углисто-сажистая масса мощностью до 2 см. В виде тонкой плёнки она встречается и под очажными камнями. Под ними встречены отдельные находки. Под камнями № 4, 6, 7, 9 – по одному отщепу, под № 5, 10 – по два. Вероятно, очажные камни были уложены уже после того, как на этом месте некоторое время горел огонь, а рядом происходила обработка камня. По углю, взятому из очага, получена дата 12070±300 (ГИН-6123).

Вокруг очага расположено углистое пятно овальной формы диаметром до 2 м. Мощность заполнения варьирует – от 1 см рядом с очагом, до тончайшей прослойки по краям. Центр пятна несколько смещён по отношению к очагу к северо-западу. На поверхности пятна расположено 9 камней – небольших скальных обломков, они тяготеют к краям зольного пятна.

Следующим элементом является внешняя обкладка. В неё входит 21 хорошо окатанный валунчик размерами от 8×17 до 20×42 см (№ 20–40). Обкладка однорядовая, фрагментарная. Только камень № 37 – небольшой скальный обломок размерами 6×10 см. Большинство камней уложено на широкие плоскости. Камни обкладки расположены неравномерно и их можно объединить в четыре группы. В 1,5 м к западу от очага группа из трех камней – № 20–22. Они находятся на расстоянии 18–36 см друг от друга, образуя треуголь-

ник. После разрыва в 0,5 м к северо-востоку от очага группа из семи камней на расстоянии 8–25 см друг от друга в виде слегка изогнутой линии. С северной стороны от очага в обкладке наблюдается разрыв в 1,35 м. С северо-восточной стороны от очага – группа из 9 камней. Это наиболее выразительная часть внешней обкладки, имеющая форму дуги. Несколько смещён к востоку и выпадает из нее камень № 34. Возможно, первоначально он занимал

место между камнями № 33 и 35. Расстояние между камнями данной группы от 14 до 52 см. С южной стороны от очага, в 1,5 м от вышеописанной группы, расположены ещё два камня. Распределение камней в 4 группах обкладки неравномерное и колеблется от 2 до 9. В обкладке имеется четыре разрыва от 1,25 до 2,2 м. Между внешней обкладкой и углистым пятном находится только один небольшой камень (рис. 4).

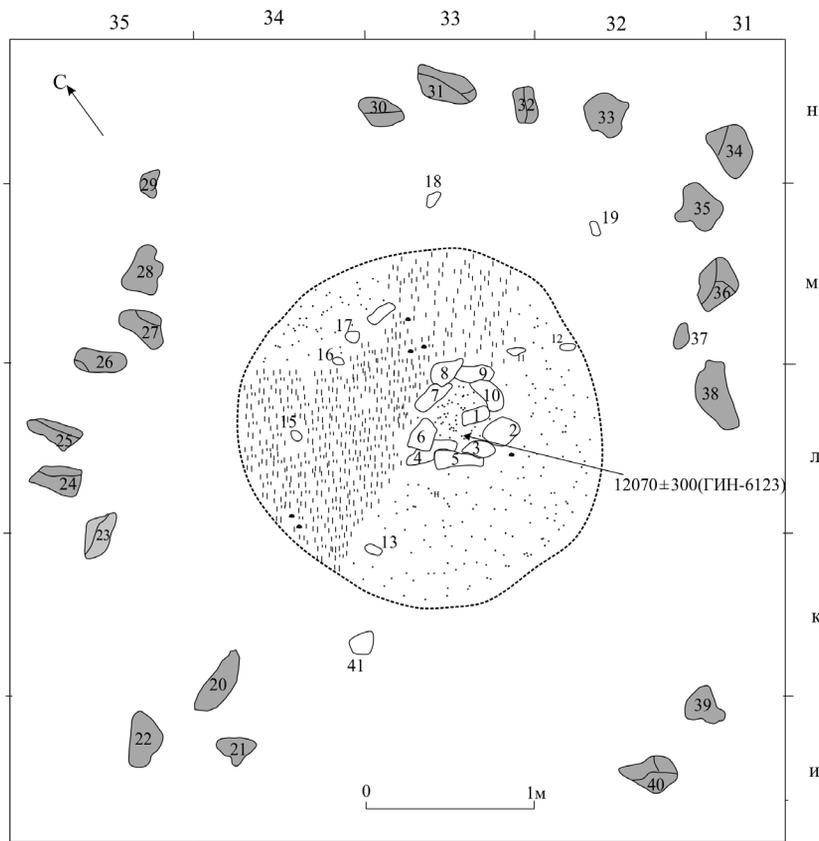

Рис. 4. Косая Шивера-1. План жилища

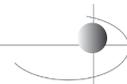
Fig. 4. Kosaya Shivera-1. Dwelling plan

Как уже отмечалось, с комплексом связаны довольно многочисленные находки – 764 экз., за его пределами находки отсутствуют. В данной статье мы не ставим цель анализа находок и ограничиваемся только их кратким перечислением. Основная масса находок сосредоточена вокруг очага в пределах углистого пятна к северо-западу и северо-востоку от очага. В самом очаге обнаружен только один отщеп. Несколько отщепов, как уже упоминалось, находилось под очажными камнями. В числе находок – 4 нуклеуса, 7 орудий, 348 отщепов, 398 чешуек, 7 микропластинок, косточка.

Косая Шивера-2

Поселение Косая Шивера-2 расположено на левом берегу ручья и связано с отло-

жениями 1-й надпойменной террасы высотой 6 м (N 50°08'40.63" E 108°46'14.77"). В 1992 г. здесь был заложен разведывательный шурф размерами 2×4 м. Шурфом было выявлено четыре культурных горизонта. При этом в 4-м культурном горизонте на глубине 1,3 м была обнаружена конструкция, состоящая из очага, тяготеющих к нему находок (132 экз.), а также внешней обкладки в виде дугообразной цепочки из 11 речных галек и валунчиков, уходящей в стенки шурфа. Ниже отложения террасы не вскрывались и вся конструкция была сохранена. Уже тогда было высказано предположение, что данная конструкция, как и на поселении Косая Шивера-1, является частью одноочажного палеолитического жилища [5, с. 25].

Вернуться к изучению жилища на поселении Косая Шивера-2 удалось только в 2015 г. На месте шурфа с учётом закругления дуги внешней обкладки был заложен раскоп размерами 5×6 м. В результате новых раскопок было установлено, что конструкция имеет, как и предполагалась, продолжение. Однако внешняя обкладка не замкнулась, оконтуривая од-

ноочажное жилище. Внутри внешней обкладки было выявлено ещё два очага, при этом очаг № 3 был вскрыт частично и с тяготеющими к нему находками уходил в юго-восточную стенку раскопа (рис. 5). Отдельные камни внешней обкладки также уходили в северо-восточную и юго-западные стенки. Общее количество находок (с учётом 1992 г.) достигло 622 экз. [6; 9].

Рис. 5. Косая Шивера-2 (2015 г.). Жилище. Вид с северо-востока

Fig. 5. Kosaya Shivera-2 (2015). Dwelling. North-Eastern view

В 2016 г. с целью полного изучения жилища к раскопу со всех сторон были сделаны прирезки от 0,5 до 3 м. Общая площадь вскрытия достигла 58,5 кв. м. В результате полностью был расчищен очаг № 3, появился новый очаг № 4 с тяготеющими к нему находками и вновь выявленные камни во внешней обкладке. При этом уже четырёхочажная конструкция длиной 9,5 м, как и прежде, имела продолжение и уходила в юго-восточную стенку раскопа [10]. К этому времени у нас уже был богатый опыт изучения многоочажных жилищ на поселении Студеное-2. Напомним, например, о выразительном шестиочажном жилище культурного горизонта 4/5. Оно имело внушительные размеры (5×17,5 м) и изучалось в течение ряда лет (1996–1999 гг.) [5; 14].

Очередная прирезка размерами 3×6,5 м, выполненная в 2017 г., позволила завершить изучение жилища [7]. В результате точно рассчитанных действий при закладке раскопа жилище размерами 6,5×11,8 м полностью вписалось в поле раскопа размерами 6,5×12,5 м (только отдельные камни внешней обкладки уходят в стенки). Камни внешней обкладки замкнулись за вновь выявленным очагом № 5. Только теперь появилась возможность

дать цельное описание жилища. Ниже даётся описание стратиграфии поселения (по стенке раскопа, обращённой к реке, линия 37, кв. К, Л, М) (рис. 6).

С кровли слоя 2-го до кровли слоя 3-го – трещина морозобойная (или усыхания). С кровли слоя 5-го вниз уходят два мерзлотных клина.

Генезис отложений: слой 5-й – аллювиальный; аллеред (таймырское время – 11,8–10,8 тыс. л. н.). Слой 4-й – аллювиальный, видоизменённый за счёт внешних процессов; норильский (10,8–10,3 тыс. л. н.). Слои 3-й и 2-й – сложного генезиса (полигенетического); нижняя песчаная прослойка – бореального времени (10,3–8 тыс. л. н.), а остальная часть – атлантический оптимум (8–4 тыс. л. н.). Слой 1-й – почвенно-пахотный; суббореал – субатлантика (4–2,3 тыс. л. н.).

Ещё раз отметим, что жилище относится к 5-му литологическому слою и связано с тонкой иловатой прослойкой мощностью 3 см, которая перекрывалась стерильным песчаным прослоем. Криогенные нарушения культурного горизонта минимальны и комплекс находится в состоянии "in situ". Для постройки жилища была выбрана ровная поверхность вдоль реки. С точки зрения микроположения

поверхности для сооружения жилища был выбран её «ребень» (по нему прошла линия очагов), от которого идёт незначительное по-

нижение к реке и в противоположную от неё сторону (речь идёт о перепадах в несколько сантиметров).

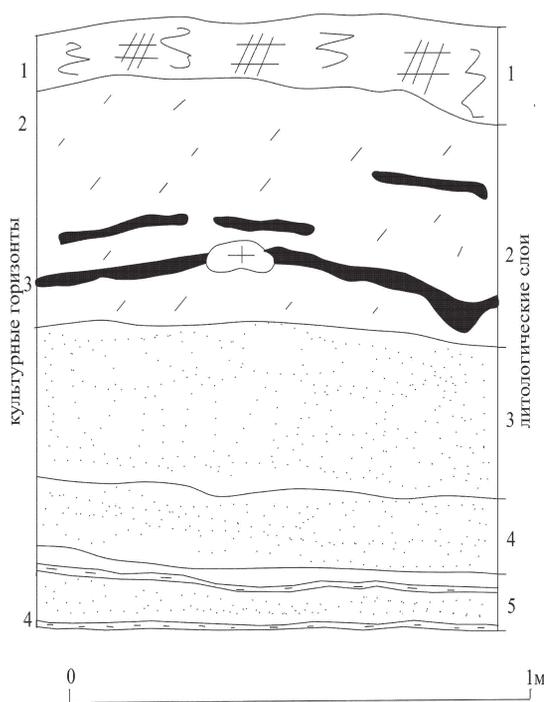

Рис. 6. Косая Шивера-2. Стратиграфический разрез

Fig. 6. Kosaya Shivera-2. Stratigraphic profile

Приведённая выше стратиграфия фиксируется и по другим профилям раскопа. Особо следует отметить, что сохранение конструктивных элементов жилища и его изучение с помощью прирезов позволили получить несколько продольных и поперечных профилей жилища, запечатлённых в чертежах и фотографиях.

Жилище в его археологическом выражении представлено очагами, внешней обкладкой и предметным материалом. Для сооружения жилища использованы хорошо окатанные речные гальки и валунчики (всего 160 камней), которые в изобилии находятся рядом вдоль берега и по руслу реки. Они использовались для сооружения очагов (28 камней), внешней обкладки (98 камней), а часть из них является, так сказать, «интерьерными» (34 камня). Ось жилища образуют пять вытянутых в линию очагов (расстояние между ними составляет от 0,5 до 1 м). Все они округлой формы, по периметру выложены камнями и имеют диаметр: очаг № 1 – 0,9 м, очаг № 2 – 1,1 м, очаг № 3 – 1,2 м, очаг № 4 – 0,8 м, очаг № 5 – 0,8 м. При сооружении обкладок очагов в четырёх

	Мощность в метрах
1. Почва чёрная с линзами коричневого суглинка из нижележащего слоя. Нижняя граница чёткая, резкая, пахотная.	0,1–0,2
2. Супесчано-суглинистые отложения коричневого цвета. С верхней частью отложений (ниже подошвы литологического слоя 1-го на 2–5 см) связан 2-й культурный горизонт. Слой включает в себя чёрные обрывистые гумусированные прослойки мощностью от 4 до 10 см. Местами прослойки размыты и едва заметны. На ряде участков приобретают серый цвет мощностью до 3 см, а также становятся едва заметными и имеют размытые границы. С нижней черной прослойкой связан 3-й культурный горизонт.	0,5
3. Супесь светло-коричневого цвета с серией песчаных прослоек мощностью 2–4 см и серией тонких чёрных гумусированных прослоек мощностью 1–2 см каждая.	0,3
4. Супесь серо-коричневая однородная.	0,15
5. Переслаивание прослоев песка мощностью до 10 см и тонких иловатых прослоек мощностью 3–4 см. Таких прослоек две, с нижней прослойкой связана жилая конструкция 4-го культурного горизонта	0,15 (видимая)

случаях использовано по пять камней (очаги № 1–3, 5), в очаге № 4 – шесть. Камни тщательно подобраны и уложены на широкие плоскости. На поверхности нескольких камней видны следы забитости, видимо, они использовались в качестве наковаленок (рис. 7, 8).

Оконтуривают жилище камни внешней обкладки, которые точно определяют его внешние границы. Всего в обкладке использовано 98 речных валунчиков. Заметим, что эти камни не являются фундаментом. Предназначались они для придавливания к земле края покрытия жилища. Обкладка имеет овальную форму и производит впечатление монументальности. Камни не образуют сплошную линию. Они занимают отдельную позицию, образуют группы, в которых от 2 до 30 камней. Камни в обкладке уложены в один, два, три, а порой и в четыре ряда. В группах камни в основном лежат вплотную друг к другу. Более разряжённая обкладка с юго-западной стороны, обращённой к реке. Здесь в обкладке имеется несколько разрывов. Возможно, с этой стороны в жилище было несколько входов.

Рис. 7. Косая Шивера-2 (2017 г.). Жилище. Вид с северо-запада
 Fig. 7. Kosaya Shivera-2 (2017). Dwelling. North-Western view

Рис. 8. Косая Шивера-2 (2017 г.). Жилище. Очаги № 4 и 5. Вид с северо-востока
 Fig. 8. Kosaya Shivera-2 (2017). Dwelling. Hearths № 4 and 5. North-Eastern view

Обращает на себя внимание отсутствие камней с юго-восточной стороны жилища. В процессе раскопок по линии 42-й мы встретили речные валунчики, расположенные значительно выше уровня жилища. Эти камни не лежали, как обычно, на широких плоскостях, а занимали вертикальное положение, порой один над другим. При этом невозможно было отнести их к определённому литологическому слою и культурному горизонту. Ситуация прояснилась после того, как по этой линии удалось выйти на уровень жилища и была защищена стенка раскопа.

Установлено, что по линиям 41-й, 42-й мы наблюдаем деформированную стратиграфию, которая возникла в результате более поздних

процессов криогенеза. По линии 41-й их следы фиксируются несколько выше конструкции жилища, а по линии 42-й достигли его поверхности. Крайние камни жилища расположенные по линии 42-й, в целом сохранив свою позицию, оказались лежащими под углом в 30°. Ещё четыре речных валунчика (на плане они не обозначены), расположенных ближе к стенке раскопа, оказались значительно выше и в вертикальном положении. Эти наблюдения, на наш взгляд, являются очень важными, поскольку позволяют достоверно восстановить первоначальное положение камней в этой части внешней обкладки. Подобную ситуацию – разрушение жилища столь явными процессами криогенеза мы наблюдаем впервые (рис. 9).

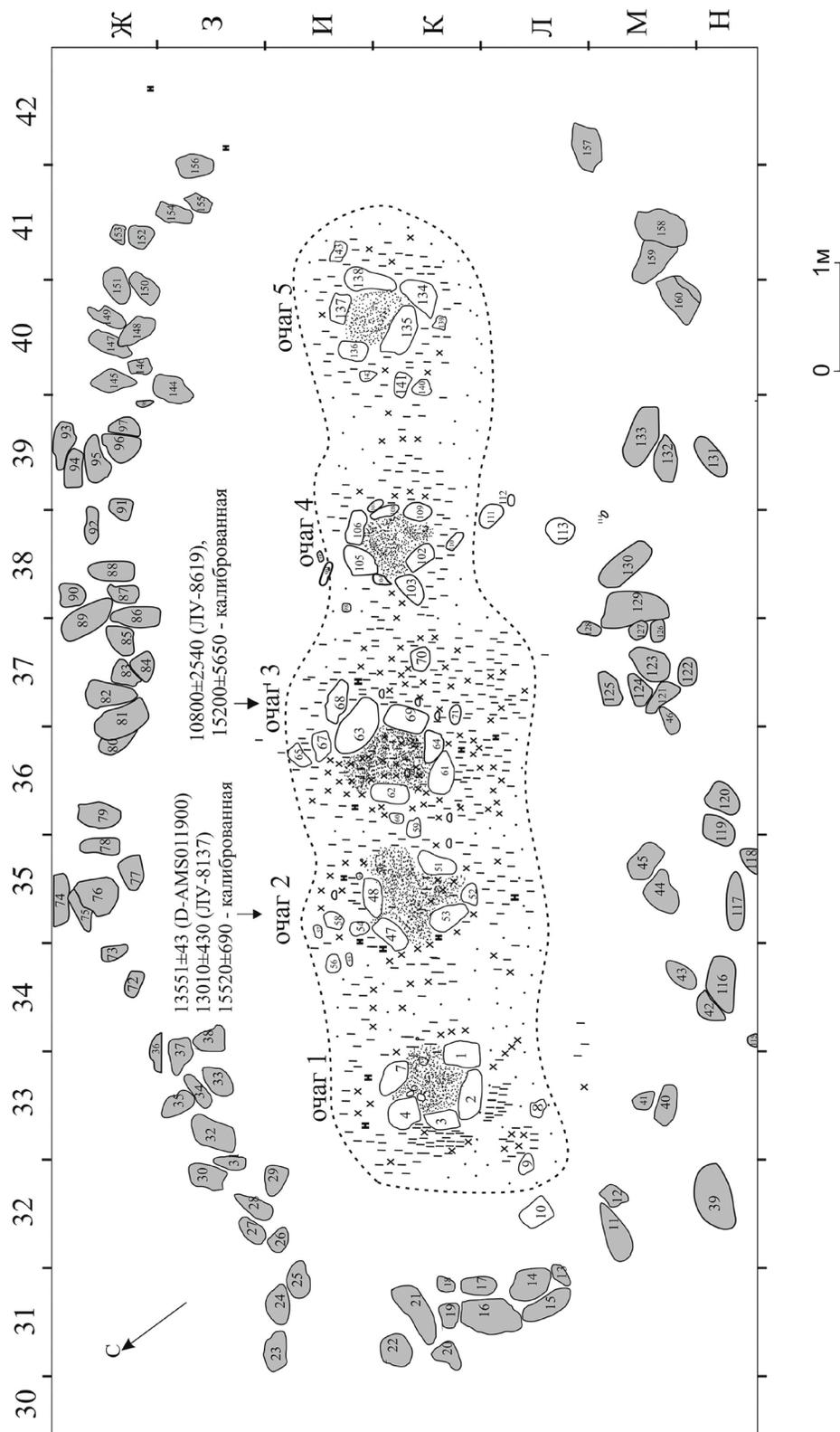
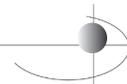

Рис. 9. Косая Шивера-2. План жилища

Fig. 9. Kosaya Shivera-2. Dwelling plan

Данный опыт представляется важным и в плане изучения тафономии жилищ. Обращает на себя внимание хорошая сохранность жилища. Оно не несёт ни криогенных разрушений, ни следов размывов. Последующие паводки надёжно сокрыли его остатки. Исключение составляет только вышеописанный случай, к счастью, он затронул только край жилища.

Все выявленные 1137 находок обнаружены в пределах жилища и, как правило, примыкают к очагам. Среди них 17 микро-нуклеусов и их фрагментов, 17 орудий, микропластинка с зубчатой ретушью, микропластинка с эпизодической ретушью, 605 чешуек, 314 отщепов, 118 микропластинок, 73 фрагмента микропластинок, 2 фрагмента пластин. Фаунистические остатки в жилище не выявлены. Видимо, причина тому – плохая их сохранность в песчаных отложениях террасы. Но их присутствие всё-таки фиксируется по мельчайшим пережжённым фрагментам в очагах, а также характерным следам в культурном слое.

Исходя из стратиграфического положения, жилище можно датировать концом верхнего палеолита. По образцу угля из очага № 2 в Сиэтле получена дата 13551 ± 43 (D-AMS011900), в Санкт-Петербурге – 13010 ± 430 (ЛУ-8137). Во втором случае отмечается малое количество образца, калиброванная дата показала возраст 15520 ± 690 . По образцу угля из очага № 3 при его малом количестве получена дата 10800 ± 2540 (ЛУ-8619), калиброванная дата – 15200 ± 5650 . Из других очагов также отобраны пробы.

Обсуждение результатов исследования. На наш взгляд, оба изученных комплекса дают блестящий материал для доказательности возможности археологического выделения жилищ без обращения к данным этнографии. Попытаемся ещё раз определить, что было выявлено нами в прямоугольных полях раскопов обеих поселений. Благодаря точно рассчитанным археологическим действиям оба комплекса вошли в пределы поля раскопов. Об этом свидетельствует то, что между камнями внешней обкладки и границами поля наблюдается свободная кольцевая полоса.

Комплексы несут следы явного «антропогенного присутствия». Это подтверждают: 1) большое число бесспорных артефактов; 2) очаг (очаги) чёткой конструкции, предназначенные для поддержания огня, от которого сохранилась углисто-золистая масса; 3) углисто-золистое пятно, расположенное

вокруг очага (очагов), как продолжение его заполнения; 4) речные гальки и валунчики – явно чужеродный материал для иловатой аллювиальной прослойки. Они могли быть принесены на береговую поверхность только человеком, а не какой-нибудь природной силой. Налицо и то, что эти камни отбирались рядом на бечевнике реки, переносились на древнюю поверхность террасы, а затем размещались и укладывались на заранее намеченные места «плашмя», т. е. на широкие поверхности, образуя обкладку очага (очагов) и внешнее кольцо.

Отдельные элементы структуры взаимосвязаны между собой. Так, очаг (очаги) и углисто-золистое пятно находятся, примерно, в центре комплексов или по длинной его оси. Предметный материал выявляется только в очаге (очагах) и углистом пятне, расположенном вокруг. Внешняя обкладка выполнена из тех же по характеру, но больших по размеру речных валунчиков, что и очаги. Из всего этого вытекает, что перед нами не просто скопление культурных остатков, а искусственно созданный комплекс. При характеристике данного комплекса возможно применение таких терминов, как «системность», «ритмичность», «компактность», «соразмерность».

Комплекс имеет горизонтальное простирание, отчётливо увязываясь с единой «опорной» поверхностью в виде указанной иловатой прослойки минимальной мощности. Вертикальные объёмы комплекса незначительны. Они передаются лишь высотой камней. Верхние поверхности и «точки» камней превышают низкие, опорные на 15–20 см. Отталкиваясь от доказательства, что перед нами искусственно созданный комплекс, можно предположить, что он является составной частью конструкции, сохранившейся лишь частично, а первоначально имевшей не только горизонтальную (плоскостную), но и полную вертикальную структуру. Вертикальная структура, как таковая, себя не проявляет, но она угадывается, поскольку внешнее кольцо из камней должно иметь смысл. Оно позволяет логически воссоздать вертикальные или наклонные плоскости или полусферические поверхности, опирающиеся на горизонтальную плоскость в зоне внешнего кольца. Сочетание горизонтальной (реально существующей) и вертикальной (воссоздаваемой) структуры позволяет продолжить логическую реконструкцию до полного или замкнутого внутреннего объёма. Такой объём в данном случае будет непременно жилищем. Об этом свидетельствует очаг и предметный материал, явные следы

активной жизнедеятельности человека в пределах указанного пространства. Таким образом, мы приходим к выводу, что перед нами не просто искусственная структура непонятого назначения, а достаточно узнаваемые остатки жилища человека.

В этом описании мы старались максимально отрешиться от этнографических и прочих данных и опираться только на археологический материал. Нам представляется, что чисто археологические доказательства выделения жилищ до сих пор нередко не находят отражения в публикациях. Они признаются как бы за аксиому (в случае интерпретации комплекса как жилища) или, напротив, остаются не востребуемыми. В последнем случае жилище не выделяется, и важнейшая часть информации о культурном слое оказывается утерянной.

В связи с этим ещё раз подчеркнём, что археологическими доказательствами существования жилищ являются определённые морфологические признаки, характеризующие его остатки. В нашем случае – это очаг (очаги) и внешняя обкладка из камней, дополняемая предметным материалом. С тем, чтобы подчеркнуть правомерность и чистоту археологических доказательств, следует отметить некоторые важные черты методики и техники исследования таких жилищ. В процессе раскопок необходимо тщательно контролировать стратиграфическую ситуацию, позицию культурного горизонта и его литологических образующих, а также связь культурных проявлений с конкретной прослойкой (или микрослоем). Только находясь внутри раскопа, непрерывно наблюдая визуально и буквально на ощупь, проверяя ситуацию, в том числе «поведение» расчищаемой поверхности и артефактов, можно быть уверенным, что выявляются составные части одного и того же комплекса. Особенно это важно в условиях многослойного поселения. Дело в том, что при условии сближенности культурных горизонтов, можно незаметно для себя «перепрыгнуть» с одного горизонта на другой.

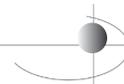
Напомним, что на поселении Косая Шивера-1 жилище выявлено в 14-м культурном горизонте. Выше него на 20 см в такой же тонкой иловатой прослойке залегает 13-й горизонт. В нём найдено небольшое углистое пятно, уходящее в стенку раскопа, отдельные находки. Отдельные находки встречены и в 10–12-м горизонтах. Всё это исключает возможность субъективной (методической) ошибки в данном случае. Ниже 14-го горизонта других горизонтов не выявлено. Здесь залегает стериль-

ная естественно-слоистая масса мощностью до 2,3 м, базирующаяся на русловом галечнике. Примерно та же ситуация и на Косой Шивере-2. Третий культурный горизонт выше 4-го на 0,6 м, а нижележащие отложения ещё не изучались. Заметим, что разрезы отложений контролировались и фиксировались не только по основным стенкам раскопа, но и по промежуточным (в ряде случаев они проходили по очагам и внешней обкладке).

В процессе исследования жилищ весьма важными являются морфометрические фиксации. Их суть заключается в максимально точных промерах всех элементов жилища – от строительного камня до артефакта и поверхности «пола». Сопоставление промеров позволяет создать основу для правильных пространственных построений. Главное в этих построениях – отражение позиции искусственно созданного объекта в объёме естественного геологического тела. Не менее результативна фиксация каждой находки и строительного элемента в горизонтальной сетке координат. Исследование древних жилищ на Косой Шивере показывает, что они обладают большой степенью информативности, требующей логически продуманного и точного исполнения методического действия, превращающего мёртвое материальное тело в реальный исторический факт.

Заключение. Таким образом, на каждом из поселений выявлено по одному палеолитическому жилищу, которые относятся к различным типам. На Косой Шивере-1 выявлено одноочажное жилище с диаметром овалов основания 4,9 м. На Косой Шивере-2 – многоочажное жилище с основанием овальной формы размерами 6,5 × 11,8 м. Оба жилища пока являются единственными структурами в культурных горизонтах. Возможно, при дальнейшем расширении раскопок будут выявлены и другие структуры, включая жилища. В каждом случае остатки жилищ отличаются хорошей сохранностью и выразительностью. Остатки конструкции жилищ поселений Косая Шивера-1, 2 могут служить своеобразными эталонами для выделения жилищ и на других памятниках. Выразительные остатки жилищ позволяют провести их реконструкцию, опираясь на логические построения и данные этнографии. Единственно возможная форма для жилища поселения Косая Шивера-1 – форма чума, а для поселения Косая Шивера-2 – форма шалаша. В обоих случаях каркасом жилищ служили жерди.

Опытное строительство чумов, их реальное использование в качестве экспеди-

ционных жилищ позволили установить значение различных элементов их конструкции. Так, установлено, что камни внешней обкладки не являлись фундаментом жилищ (как это иногда представляется), а служили для придавливания к земле покрытия жилища. Особенностью забайкальских жилищ является отсутствие в их конструкции костей плейстоценовых животных. Это принципиально отличает данные жилища от жилищ Восточной Европы, которые, как считают, сооружались из костей животных. Остатки

забайкальских жилищ убедительно доказывают, что их объём создавался за счёт деревянной конструкции – использования жердей, которые устанавливались в виде конуса. Опираясь на наш опыт изучения палеолитических жилищ, позволим предположить, что и европейские жилища сооружались таким же образом. Черепа крупных животных, кости, бивни использовались так же, как и в Забайкалье, для придавливания к земле покрытия жилищ, а рога, закреплённые на крыше, создавали своеобразный его антураж.

Список литературы

1. Герасимов М. М. Мальта – палеолитическая стоянка. Иркутск: Иркут. краевед. музей, 1931. 32 с.
2. Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956–1957 гг.) // Советская этнография. 1958. № 3. С. 28–52.
3. Герасимов М. М. Круглое жилище стоянки Мальта // Краткие сообщения Института археологии. 1961. Вып. 82. С. 28–53.
4. Константинов А. В. Исследования в пади Широкая на р. Менза в Читинской области: отчёт о полевых исследованиях в 1992 г. Чита, 1993.
5. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
6. Константинов А. В. Исследования поселения Косая Шивера-2 в Забайкалье в 2015 г.: отчёт о полевых исследованиях в 2015 г. Чита, 2016.
7. Константинов А. В. Археологические раскопки многослойного поселения Косая Шивера-2 в Забайкальском крае в 2017 году: отчёт о полевых исследованиях в 2017 г. Чита, 2018.
8. Константинов А. В., Клейнос С. А. Палеолитическое жилище на поселении Косая Шивера в Западном Забайкалье // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 36–47.
9. Константинов А. В., Филатов Е. А. Изучение палеолитического жилища на поселении Косая Шивера-2 (Западное Забайкалье) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 59–65.
10. Константинов А. В., Филатов Е. А. Изучение многоочажного палеолитического жилища на поселении Косая Шивера-2 в Забайкалье // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Чанчунь, 11–15 сент. 2017 г.). Чанчунь, 2017. С. 77–87.
11. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Чита; Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1994. 200 с.
12. Окладников А. П. 1940. Буреть – новая палеолитическая стоянка на Ангаре // Советская археология. 1940. № 5. С. 59–62.
13. Окладников А. П. Многослойное поселение Санный Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 7–86.
14. Разгильдеева И. И. Планиграфия и планиметрия жилищ Студеновского археологического комплекса: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Владивосток, 2003. 19 с.

Статья поступила в редакцию 15.09.2018; принята к публикации 20.10.2018

Библиографическое описание статьи

Константинов А. В. Палеолитические жилища поселений Косая Шивера-1, 2 (Западное Забайкалье) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 56–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-56-68.

Aleksandr V. Konstantinov,

Doctor of History, Professor,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: konstant1956@mail.ru

Paleolithic Dwellings of Kosaya Shivera-1, 2 Settlements (Western Transbaikalia)

The article raises the issue of Paleolithic dwellings which are one of the most important achievements of humankind and serve as a kind of indication of development of "Paleolithic civilization". The given topic brings up a lot of argument. Implements obtained at Transbaikalian sites can help resolve the long-existing arguments. The search for Paleolithic sites and their study has been ongoing for many years. Paleolithic "archive of dwellings" of Transbaikalia is vast and has high quality features. Excellent examples of Paleolithic dwelling construction were obtained during the investigation of dwelling of different types (single-hearth and multi-hearth) at multi-layer settlements Kosaya Shivera-1,2 (Transbaikalia, Krasniy Chikoi region). The article analyzes the location of the dwellings in settlement stratigraphic profile, gives grounds for the in situ location of the complexes, their age. The paper puts forward plausible proof for distinguishing of dwellings based on analyzing of preserved structural elements (hearths, implements, outer lining). The preserved state and distinctness of the identified dwellings is such that they can serve as a peculiar reference for identification of other dwellings at different sites. There also exist possibilities for their modeling and reconstructing.

Keywords: multi-layer settlements, river terraces, alluvial sediments, Paleolithic dwellings, single-hearth dwellings, multi-hearth dwellings, material implements

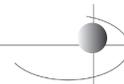
References

1. Gerasimov, M. M. Mal'ta Paleolithic site. Irkutsk: Irkutsk regional museum, 1931. (In Rus.)
2. Gerasimov, M. M. Mal'ta Paleolithic site (excavations in 1956–1957) Soviet ethnography, no. 3, pp. 28–52, 1958. (In Rus.)
3. Gerasimov, M. M. Round dwelling on Mal'ta site. Abstracts of Institute of Archaeology, no. 82, pp. 28–53, 1961. (In Rus.)
4. Konstantinov, A. V. Research in Shirokaya Deep on the Menza River in the Chita region: Report on field research in 1992, Chita, 1993. (In Rus.)
5. Konstantinov, A. V. Earliest dwellings in Transbaikalia: (Paleolithic, mezolithic). Novosibirsk: Nauka, 2001. (In Rus.)
6. Konstantinov, A. V. Research on Kosaya Shivera-2 settlement in Transbaikalia in 2015. In: Report on field research. Chita, 2016. (In Rus.)
7. Konstantinov, A. V. Archaeological research of a multilayer settlement Kosaya Shivera-2 in Transbaikal region in 2017. In: Report on field research Chita, 2018. (In Rus.)
8. Konstantinov, A. V., Kleinos, S. A. Paleolithic dwelling on Kosaya Shivera settlement in Western Transbaikalia. In: Cultures and monuments of the Stone Age and Early Iron Age of Transbaikal region. Novosibirsk: Nauka, Siberian Publishing House, 1993: 36–47. (In Rus.)
9. Konstantinov, A. V., Filatov, Ye. A. Study of the Paleolithic dwelling on Kosaya Shivera-2 settlement (Western Transbaikal). Earliest cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: materials of VII International scientific conference, 2 volumes, Volume 1. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2016: 59–65. (In Rus.)
10. Konstantinov, A. V., Filatov, Ye. A. Study of a multilayer paleolithic dwelling on Kosaya Shivera-2 settlement in Transbaikal). Earliest cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: materials of VII International scientific conference (Chanchun, China, September 11–15th, 2017), Chanchun, 2017: 77–87. (In Rus.)
11. Konstantinov, M. V. Stone Age of the Eastern part the Baikal Asia. Chita; Ulan-Ude: BION SD RAS, 1994.
12. Okladnikov, A. P. 1940. Buret – new Paleolithic site on the Angara River site. Soviet archaeology, no. 5, pp. 59–62, 1940. (In Rus.)
13. Okladnikov, A. P. Multilayer site Sanniy Mis on the Uda River, 35 km away from Khorinsk, Buryatsk ASSR (excavations of 1968). Materials of field research of the Far-Eastern archaeological expedition. Novosibirsk, no. 2, pp. 7–86, 1971. (In Rus.)
14. Razgildeyeva, I. I. Planigraphy and planimetry of Studenoye archaeological complex: abstract of the thesis. Cand. sci. diss. Vladivostok, 2003. (In Rus.)

Received: 15 September 2018; accepted for publication October 20, 2018

Reference to the article

Konstantinov A. V. Paleolithic Dwellings of Kosaya Shivera-1, 2 Settlements (Western Transbaikalia) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 56–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-56-68.

УДК 902.2 (571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-69-81

Павел Валерьевич Мороз,*кандидат исторических наук, доцент,**Забайкальский государственный университет**(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),**e-mail: frostius.81@mail.ru*

Среднепалеолитические местонахождения Восточного Забайкалья¹

Статья посвящена анализу археологических местонахождений Восточного Забайкалья, демонстрирующих каменную индустрию среднего палеолита. Рассматривается дислокация подобных памятников на карте Забайкальского края и их связь с бассейнами крупных рек региона. Проводится анализ применяемой технологии расщепления, технико-типологических характеристик морфологии орудийного набора на выявленных памятниках. На примере трёх выявленных объектов (Дальние Шивычи, Тарбальджей и Нагадан), проанализирован сырьевой состав и линейные размеры артефактов. Эти объекты расположены в долинах рек Онон и Аргунь и являются стоянками с поверхностным залеганием материала. Впервые выявлены общие черты, свойственные среднепалеолитическим комплексам Восточного Забайкалья. К таковым можно отнести связь с крупными речными системами, наличие в индустриях как плоскостного, так и объёмного расщепления, крупные размеры орудий и сколов, а также наличие дефляции, вызванной различными агентами влияния. Также существенным является то, что рассматриваемые индустрии являются смешанными. Они включают в себя как среднепалеолитические материалы, так и более молодые артефакты. Отдельно рассматривается вопрос об использованном сырье. Выяснено, что основным сырьем для рассматриваемых индустрий является окремнённый песчаник в виде плитчатых отдельностей и эффузивные горные породы, в основном среднего состава.

Ключевые слова: петроархеология, источники сырья, средний палеолит, Восточное Забайкалье, местонахождения Дальние Шивычи, Тарбальджей, Нагадан

Введение. Несмотря на более чем вековую историю изучения каменного века на территории Забайкалья [11], до настоящего времени существует явный дисбаланс в понимании и степени изученности разных этапов (периодов) палеолита. Наиболее изученным и хорошо документированным этапом является время поздней поры верхнего – финального палеолита. Причём существует явная тенденция, ранее отмеченная автором [12], которая заключается в неравномерном размещении памятников каменного века на карте Забайкальского края. И если для Западного Забайкалья характерно значительное количество многослойных стратифицированных объектов преимущественно финала плейстоцена – начала голоцена [4; 9; 19], то для Восточного Забайкалья они до сих пор единичны [13].

Ещё сложнее обстоят дела со стоянками среднего палеолита. Если на территории Бурятии найдены выразительные леваллуазские индустрии возрастом около 40 тыс. лет [17, с. 235], то для западных районов Забайкальского края памятники этого хронологического этапа не могут похвастаться большим количеством типологически выраженных артефактов. К сожалению, прекрасно стра-

тифицированные объекты Усть-Менза-5, 6 и 15 демонстрирует архаичные, но численно не представительные коллекции, не дающие возможность чётко представить технико-типологический облик индустрий. Существенно более представительна коллекция поселения Приисковое, насчитывающая порядка 6000 экз. с датой порядка 40 000 лет. Но эта индустрия специфична, и М. В. Константинов говорит о том, что «технология расщепления основана на использовании ортогонального нуклеуса» [5, с. 11]. Автор придерживается близкой точки зрения, а, учитывая своё общее знакомство с коллекцией Приискового, склонен считать технику расщепления, применяемую в индустрии этого памятника, скорее ситуационной, нежели ортогональной. Также показательно местонахождение Устье Гыршелунки, демонстрирующее протолеваллуазскую технику расщепления. В качестве сырьевого субстрата использована галька и валунник р. Гыршелунка. Главной проблемой является то, что Устье Гыршелунки – местонахождение с поверхностным залеганием материала, поэтому этот памятник в настоящее время невозможно датировать естественно-научными методами. Памятник Коврижка, расположенный в среднем течении р. Чикой,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 16-06-00003 «Источники минерального сырья в каменном веке Забайкалья: минералого-геохимические критерии и геолого-археологическое картирование».

не имеет абсолютного датирования, а коллекция артефактов малопредставительна.

В отличие от Западного Забайкалья, его восточная часть традиционно исследовалась на предмет поиска памятников железного и бронзового века, нежели объектов палеолита [1; 6]. Все работы по поиску памятников каменного века в Восточном Забайкалье реально были начаты только с конца XIX в. и связаны с именем А. К. Кузнецова. Подъёмные материалы, накопленные в фонде Читинского музея, были использованы Г. Ф. Дебецем, который охарактеризовал находки каменного века как неолитические [2], вопрос наличия среднего палеолита исследователями на тот момент не поднимался.

Значительно более интересны, но всё ещё слабо описаны памятники Титовской сопки, изучавшиеся А. П. Окладниковым, С. Н. Астаховым и И. И. Кирилловым с 1966 г. [16]. Фрагментарные работы последних лет в пределах сухотинского геoarхеологического комплекса позволили выявить новые объекты, в том числе и среднего палеолита. К таковым можно отнести памятник Сухотино-12, но, к огромному сожалению, эти материалы до сих пор не опубликованы, а общие сведения об объекте крайне скудны [5, с. 11].

Таким образом, памятники среднего палеолита на территории Центрального и Восточного Забайкалья не были выявлены до второй половины XX в. Более того, даже в настоящее время информации о находках среднепалеолитических артефактов, например, в Аксёново-Зиловском, крайне мало и она опубликована лишь в справочном виде¹. Большинство же находок артефактов, имеющих облик среднепалеолитических комплексов, представляют собой попутные сборы, как правило, выполненные не профессиональными археологами, а краеведами и энтузиастами, в связи с чем эти данные не публикуются и выпадают из поля зрения археологической науки. Поэтому в настоящее время системный поиск памятников каменного века на востоке Забайкальского края крайне важен для понимания древнейших этапов заселения региона.

Целенаправленный поиск памятников палеолита на территории Восточного Забайкалья проводится автором статьи, начиная с 2009 г., в результате выявлен ряд объектов каменного века, в том числе и среднепалеолитического облика, анализу которых и будет посвящена данная работа.

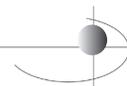
¹ Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 44.

Методология и методы исследования.

Поиск памятников каменного века в Забайкальском крае имеет свой давно разработанный алгоритм. Он основан на многолетнем опыте археологов, апробированном в различных регионах Сибири и Дальнего Востока. В самом общем виде он выглядит следующим образом. Традиционно поиск стоянок каменного века, в том числе и эпохи палеолита, связан с долинами рек, а учитывая то, что речная сеть Забайкалья окончательно сложилась ещё в середине мезозоя, ареалы обитания древнего населения, начиная с финала неоплейстоцена, чётко очерчены. Они связаны с источниками воды, которые, как правило, представлены речными бассейнами, озёрами и родниковыми воронками. Наиболее доступными уровнями обитания в пределах речных долин являются речные террасы, которые широко распространены и качественно изучены на территории Западного Забайкалья [3]. Именно с ними связаны десятки стратифицированных памятников в бассейне рек Чикой, Менза и Хилок, изучаемые уже на протяжении 40 лет Чикойским археологическим отрядом ЗабГУ под руководством М. В. и А. В. Константиновых.

В настоящее время подавляющее большинство стратифицированных памятников финального плейстоцена – начала голоцена на территории Забайкалья, связаны именно с Западным Забайкальем, а территория восточней Титовской сопки в этом отношении представляет практически неизведанную территорию. Одной из причин подобной ситуации, на наш взгляд, является то, что хорошо зарекомендовавшая себя методика поиска стратифицированных объектов палеолита для Западного Забайкалья в виде шурфовки надпойменных террас, не работает в его центральной и восточной части из-за иного режима осадконакопления, не позволяющего формировать значительное количество аккумулятивных террас. На наш взгляд, это связано с тем, что Восточное Забайкалье, в отличие от Западного, в значительно большей мере подвержено аридизации. Поэтому мощность и количество водотоков на этой территории существенно меньше [13].

Подобные выводы вполне подтверждаются естественно-научными исследованиями. Так, в одной из работ [7] сделан детальный комплексный анализ стока рек Забайкальского края на основании данных за 33 года, в результате которого проведено районирование региона. На основе анализа физико-географических условий территория Забайкальско-

го края разделена на шесть гидрологических районов [7, с. 13]. Каждый район охарактеризован с точки зрения орографии и высотных отметок, выявлена площадь водосборов основных рек и на основании анализа высоты водосбора и его площади установлена одна из важнейших характеристик – модуль стока [7, с. 16, табл. 2]. В нашем случае наибольший интерес представляют следующие районы: № 1 – связанный с западной частью края и объединяющий бассейны верхнего и среднего течения рек Хилок, Чикой и Ингода; № 2 – представляющий собой левобережную часть бассейна р. Онон и правобережье нижнего течения р. Ингода; № 5 – включающий водосборы рек Борзя, Турга, Урулюнгуй, верховье р. Газимур; район № 6 – включающий притоки правобережья нижнего течения р. Онон, нижнего течения р. Шилка и левобережные притоки нижнего течения р. Аргунь. Авторами приводятся модули стока (л/с·км²), где максимумы (1,32...10,1 и 0,42...9,09) связаны с первым и вторым районом, в то время как минимумы значений (0,40...1,49 и 1,47...4,38) наблюдаются в пятом и шестом районах. Близкое соотношение наблюдается и в средней высоте водосбора. Так, если для первого и второго районов средняя высота водосборов имеет значение 992...1620 м и 761...1576 м соответственно, то для пятого и шестого районов эти значения составляют 773...965 м и 773...988 м.

Таким образом, рассматриваемые районы охватывают как западные и центральные территории Забайкальского края, так и восточную его оконечность, вплоть до границы с Монголией, Китаем и Амурской областью. Во-первых, максимальные значения как модуля стока, так и средней высоты водосбора связаны с районом № 1, как правило, относимым к Западному Забайкалью. Кроме того, именно с этой территорией связаны 95 % ныне известных стратифицированных стоянок каменного века в регионе. Во-вторых, районы № 5 и 6 представляют собой территории Восточного Забайкалья и резко контрастируют с Западным как в высотных отметках, так и в значении модуля стока. В-третьих, согласно представлениям авторов схемы, граница между вторым и четвёртым районами проходит по левому берегу р. Онон, включая его притоки.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что слабая живая сила рек Восточного Забайкалья не позволяла создать выраженные аккумулятивные террасы. В долине р. Онон, на протяжении всего его верхнего

течения по левому берегу от государственной границы РФ до с. Акша, в настоящее время аккумулятивные террасы практически полностью отсутствуют. В то время как скульптурные и эрозионные формы представлены в значительном количестве. Подобное утверждение можно сделать на основании 8 лет полевых исследований в Кыринском и Акшинском районе в долине р. Онон и его притоков Кыра, Тарбальджей и Акша. Но возникает справедливый вопрос: а верно ли это утверждение для финала неоплейстоцена? Нам видится схожая динамика, но осложнённая неотектоническими процессами, что и приводило к образованию эрозионных форм. В условиях Восточного Забайкалья господствуют долины забайкальского типа, имеющие ширину до 20 км при перепаде высот в первые десятки метров. Мощности водных потоков не хватало для переработки такого количества рыхлого материала, а паводки не успевали откладывать достаточное количество аллювия для образования надпойменных террас, в отличие от районов Западного Забайкалья. В подобных условиях поздние террасовые уровни не сохраняются, а шурфовка имеющихся пойм, как правило, позднеголоценового возраста, неэффективна и вполне резонен поиск иного маркера для выявления стратифицированных объектов каменного века. Также следует сказать о слабой изученности надпойменных террас в Восточном Забайкалье. Несмотря на то, что они известны на р. Ононе и Шилке, детальной информации об их строении, а тем более биоистратиграфии и абсолютном датировании пока нет.

На наш взгляд, в условиях описанной выше ситуации, маркером для поисков памятников каменного века, в том числе и среднего палеолита, могут служить выходы минерального сырья [14]. На территории Восточного Забайкалья в значительной мере сосредоточены источники минерального сырья высокого качества, такого как халцедон, вулканический кремний и яшма. Установлено, что эти виды минерального сырья начинают доминировать в западных районах с приходом микротехники на рубеже средней и поздней поры верхнего палеолита [9], несмотря на то, что в западных районах Забайкальского края это сырьё практически полностью отсутствует. Поэтому источники сырья здесь являлись фокусом притяжения древних коллективов [15] средней поры верхнего – финального палеолита.

Несколько иная ситуация наблюдается для индустрий среднего палеолита. Следует

оговориться, что пока нет ни одной публикации, претендующей хоть в какой-то мере на всесторонний охват всех сведений о находках среднепалеолитического облика на территории Забайкальского края. Однако всеми исследователями отмечается то, что индустрии среднего и верхнего палеолита сильно отличаются от более поздних, не только по технико-типологическим признакам и линейным размерам, но и по сырьевому составу [10]. Доля высококремнистого сырья в этих комплексах мала, преобладают эффузивы среднего и кислого состава, а также осадочные горные породы. Поэтому источники этого минерального сырья могут являться маркерами

для поиска памятников среднего палеолита на территории Восточного Забайкалья. Подобный методологический подход, основанный на связи источников минерального сырья и объектов каменного века, получил название «технологическая археоминералогия» [18]. С его использованием автором произведены полевые работы, результатом которых стало открытие ряда местонахождений, демонстрирующих среднепалеолитические индустрии в пределах Восточного Забайкалья.

Результаты исследования. Местонахождение Дальние Шивычи (рис. 1) обнаружено в Кыринском районе Забайкальского края [8].

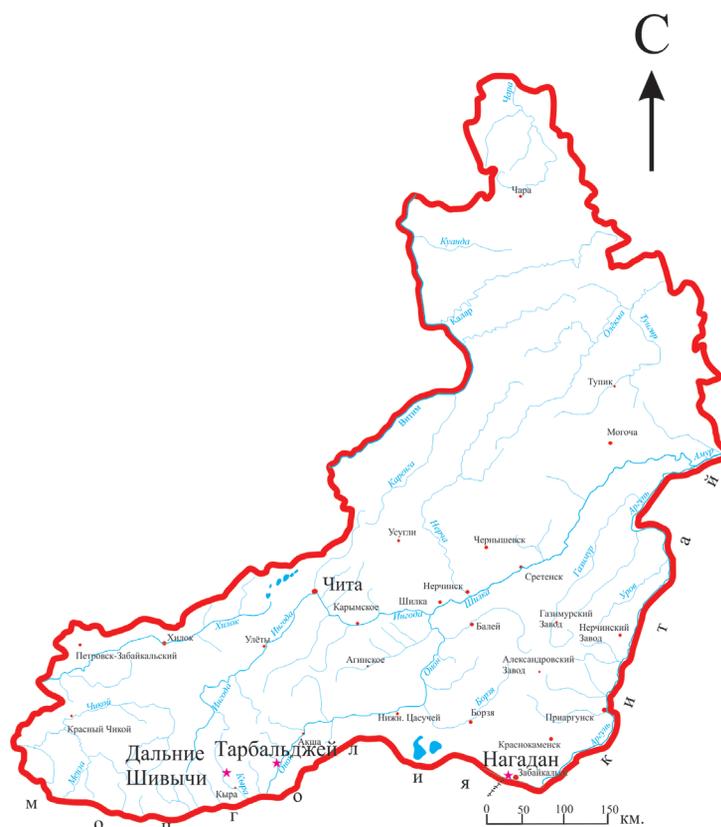

Рис. 1. Расположение местонахождений на карте Забайкальского края

Fig. 1. Position of locations on the map of the Transbaikalian region

Подъемный материал залегал «пятном» площадью порядка 4000 м², непосредственно на дневной поверхности. С точки зрения геоморфологии пункт сбора подъемного материала расположен в наиболее низкой точке самостоятельной формы рельефа – ложбины (балки) с минимальным (порядка 5–7°) уклоном в сторону долины р. Кыра. Всего было найдено 70 экз. каменных артефактов. Все они имеют архаичный облик и по своим технико-типологическим характеристикам,

безусловно, относятся к эпохе палеолита. Доля орудий существенна и составляет 56 экз. В коллекции преобладают отщепы с ретушью и выемчатые формы. В качестве вторичной обработки присутствует ретушь, а также анкошевидные выемки. Из орудийных форм наибольший интерес представляют фрагмент остроконечника (рис. 2.6), выполненный на кремне, орудие на фрагменте пластины/пластинчатом отщепе с фасиальной подтёской брюшка (рис. 2.7).

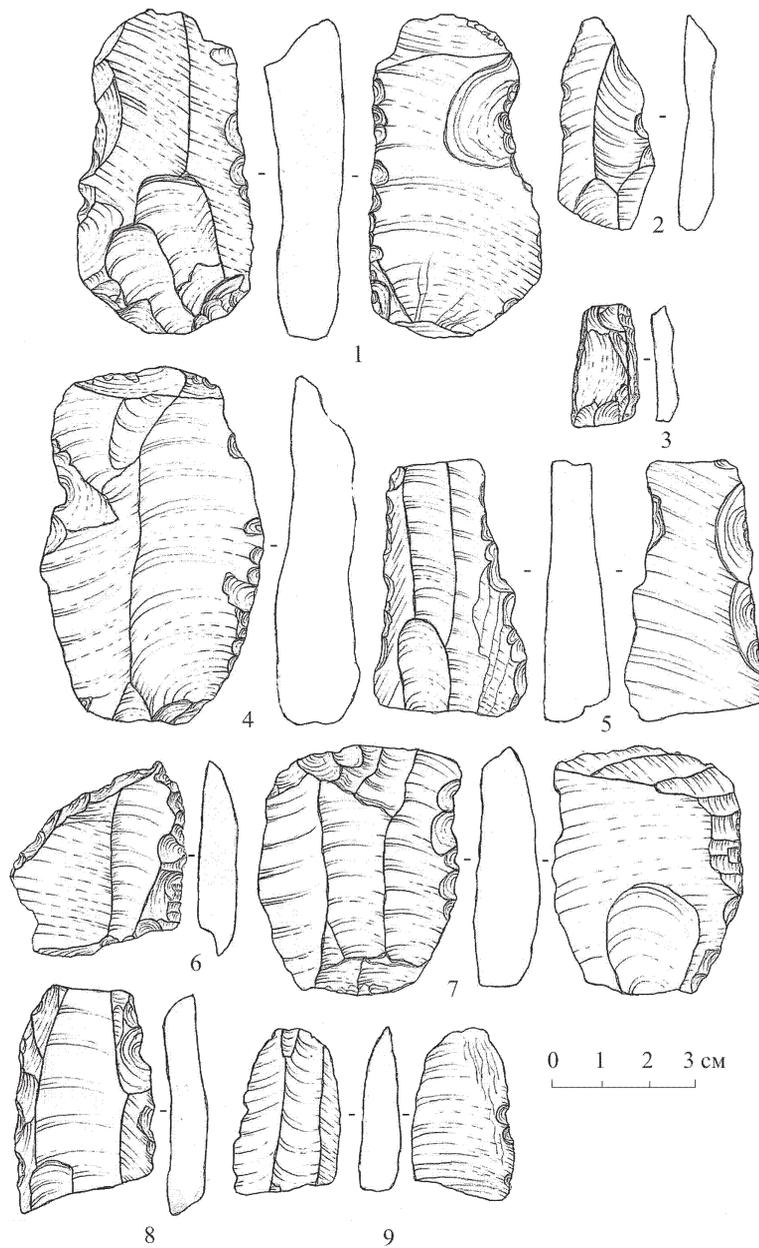

Рис. 2. Дальние Шивычи. 1–5, 8, 9 – пластины и фрагменты пластин с ретушью; 6 – фрагмент остроконечника; 7 – орудие с подтёской

Fig. 2. Dalnie Shivichi. 1–5, 8, 9 – blades and fragments of blades with retouching; 6 – fragment of point; 7 – tool with trimming

Скрёбла представлены двумя экземплярами (рис. 3.2, 4). Обуховый нож единичен (рис. 3.5). Также единично бифасиальное орудие, выполненное на плитке (рис. 4.4).

член (рис. 3.5). Так же единично бифасиальное орудие, выполненное на плитке (рис. 4.4).

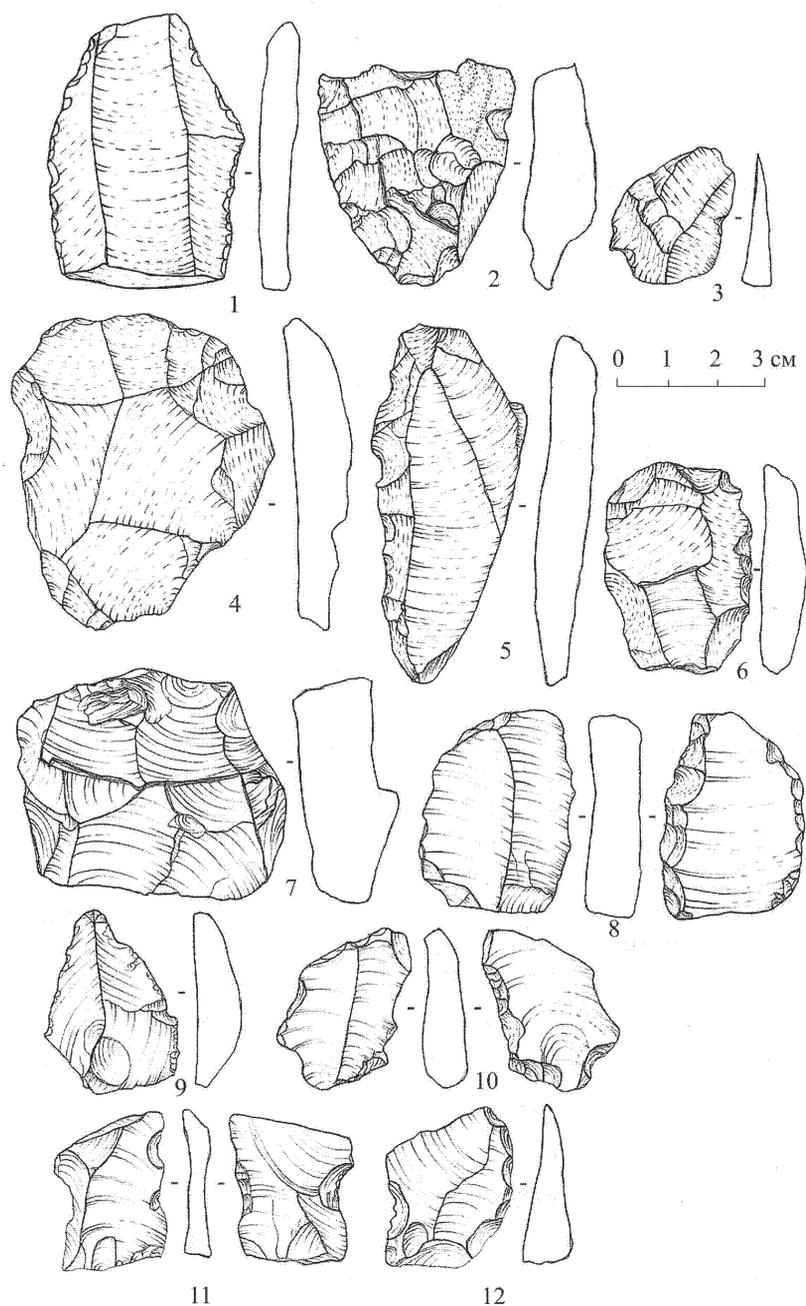

Рис. 3. Дальние Шивычи. 1 – фрагмент леваллуазской пластины; 2 – фрагмент скребла; 4 – скребло; 5 – обуховый нож; 6 – скребок; 7 – нуклеус; 9 – фрагмент остроконечника; 8, 10–12 – выемчатые орудия

Fig. 3. Dalnie Shivichi. 1 – fragment of Levalloisian blade; 2 – fragment of the side-scraper; 4 – side-scraper; 5 – backed knife; 6 – scraper; 7 – core; 9 – fragment of point; 8, 10–12 – notched tool

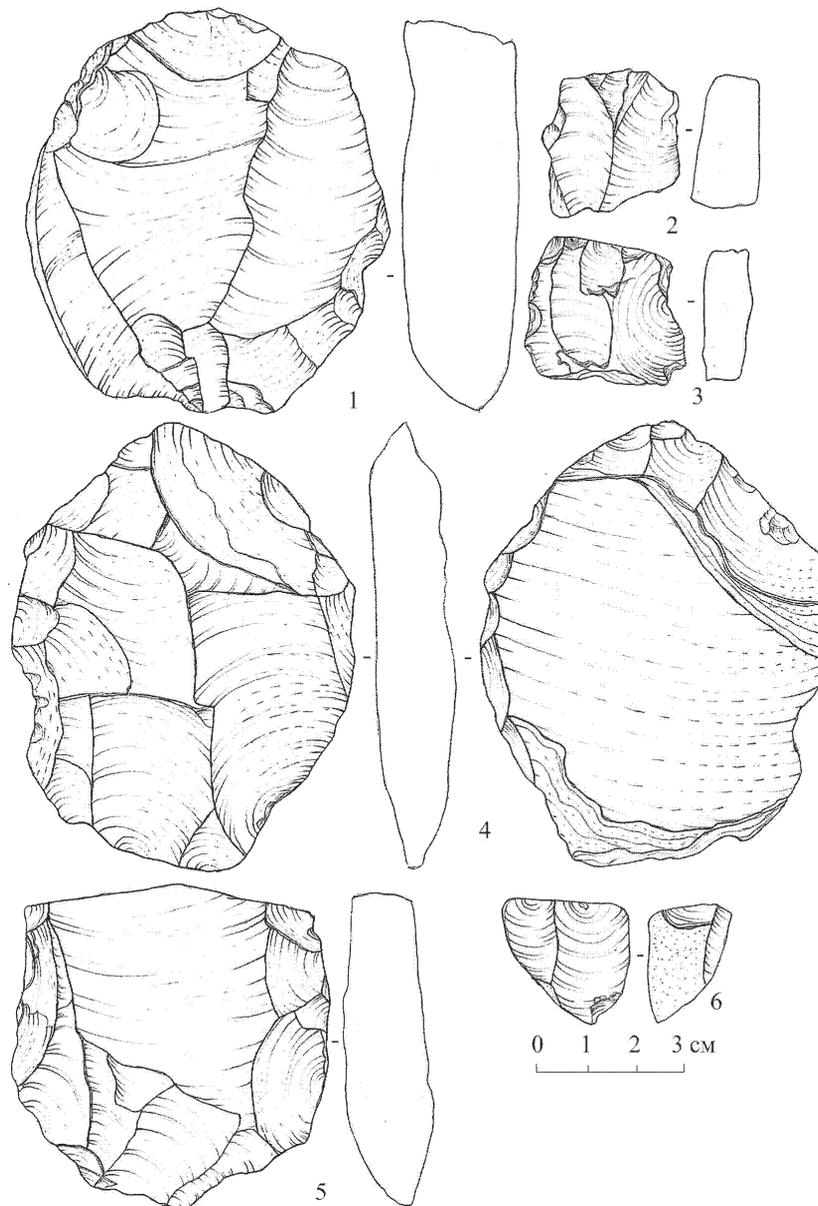
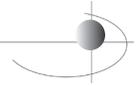

Рис. 4. Дальние Шивычи. 1, 5 – леваллуазские нуклеусы; 4 – бифасиальное орудие; 2–3 – фрагменты пластин; 6 – нуклеус

Fig. 4. Dalnie Shivichi. 1, 5 – Levalloisian cores; 4 – bifacial tool; 2–3 – fragments of blades; 6 – core

Значительную часть коллекции составляют пластины и их фрагменты с ретушью. Сколы имеют массивную ударную площадку и выраженный ударный бугорок. Из-за сильной дефляции поверхности площадок стало практически невозможным определение редуцирования зоны расщепления. Выявлены плоские и двугранные ударные площадки. Отдельно следует выделить дистальный фрагмент леваллуазской пластины с ретушью (рис. 3.1).

К группе нуклеидных отнесены 6 нуклеусов и 4 нуклеидных скола. Особое внима-

ние следует уделить двум леваллуазским ядрищам (рис. 4.1, 5). Это в полной мере леваллуазские нуклеусы, выполненные на плитчатом сырье. Они демонстрируют характерную подготовку зоны расщепления и несут явные негативы предыдущих снятий, выполненных в леваллуазской технике.

Особенностью всех найденных артефактов является высокая степень дефляции, как ветровой эрозии, так и химического выветривания. Все орудия и сколы коллекции покрыты с обеих поверхностей интенсивной патиной. А на широких негативах присутствуют

небольшие каверны, по всей видимости, золотого происхождения. Это ещё раз свидетельствует о том, что данные артефакты экспонировались длительный промежуток времени и позволяет говорить о значительной древности этих материалов.

Таким образом, фактически мы имеем дело с местонахождением, в состав которого входят 70 корродированных предметов, в том числе леваллуазские нуклеусы и сколы. Вторичная обработка представлена крутой и полукрутой ретушью как дорсального, так и вентрального принципа наложения, анкошевидными выемками и – в единичных случаях – оббивкой. В составе коллекции присутствует типологически выраженный фрагмент остроконечника, скрёбла и выемчатые орудия. Все артефакты в значительной мере дефлированы. Исходя из этого, полагаем возможным определить данное местонахождение как

развешенную стоянку (более 70 % артефактов имеют вторичную обработку) и отнести материал к периоду среднего палеолита.

Местонахождение Тарбальджей также выявлено в Кыринском районе. При обследовании местности внимание было обращено на террасовидный уровень, примыкающий к возвышенностям, окаймляющим речную долину с востока. Уровень представлял собой выположенную поверхность площадью порядка 2000 м², расположенную на высоте 12–16 метров от уровня долины. При этом обращало на себя внимание наличие траншеи антропогенного происхождения, по всей видимости, созданной тяжёлой техникой 10–15 лет назад. При визуальном осмотре траншеи и выброса рыхлых горных пород из неё помимо остроугольных естественных обломков местных горных пород нами был обнаружен археологический материал.

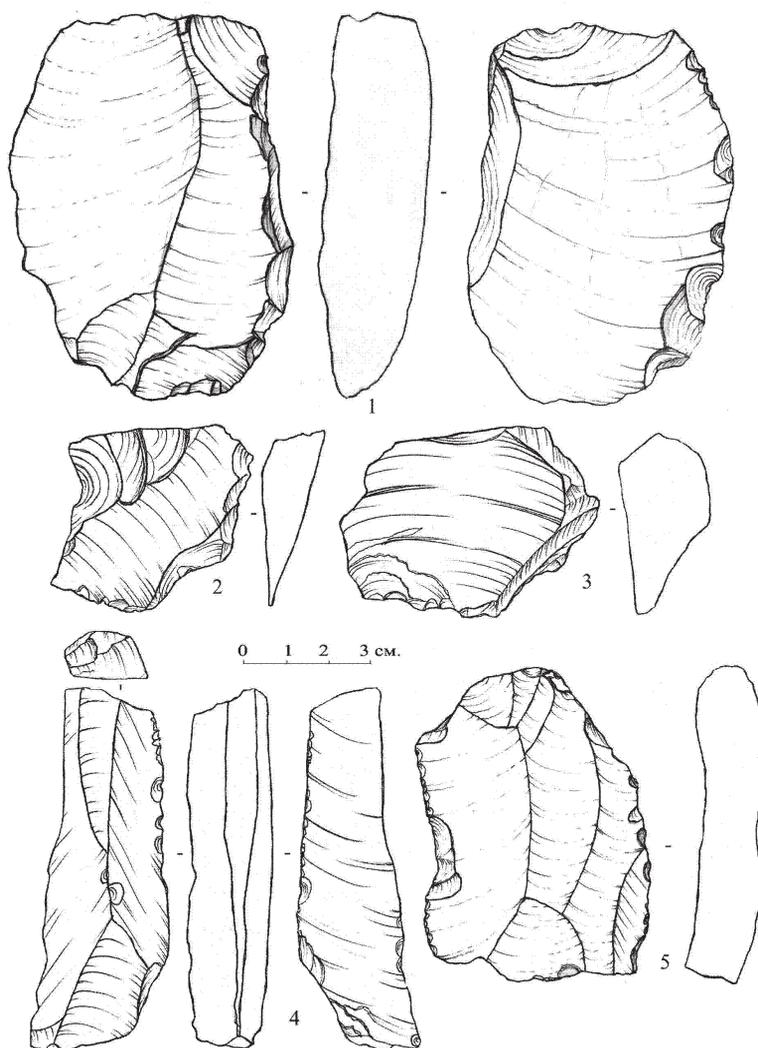
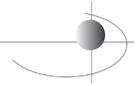

Рис. 5. Тарбальджей. 1, 5 – скрёбла; 2, 3 – обушковые ножи; 4 – пластина с ретушью

Fig. 5. Tarbaldzhey. 1, 5 – side-scrapers; 2, 3 – backed knives; 4 – retouched blade

Обращает на себя внимание архаичность комплекса. Массивные скрёбла на пластинчатых отщепах (рис. 5.1, 5) нуклеусы и нуклевидные сколы (рис. 6.1, 3), выемчатые орудия (рис. 6.7). Присутствует фрагмент леваллуазской пластины с ретушью (рис. 6.5). Всего было собрано 73 артефакта. При камеральном изучении коллекции выяснился её явно смешанный характер. Наряду с архаичным комплексом, представленным массивными предметами, выполненными на грубом зернистом сырье (эффузивы и метаморфизированный песчаник), встречаются мелкие отщепы из кремня, по своей морфологии явно более позднего времени. При обследовании территории не было найдено ни одного фрагмента керамики, что позволяет говорить о существенном возрасте найденных артефак-

тов. Массивные предметы существенно карродированы. Поверхность архаичных предметов несёт на себе патину и следы золотого выветривания. По технико-типологическим признакам и уровню дефляции обнаруженный материал крайне близок технокомплексу стоянки Дальние Шивычи, обнаруженной в 70 км к востоку от этого пункта.

Местонахождение Нагадан выявлено в 5,8 км к западу от ст. Забайкальск, у старой протоки р. Аргунь, в 3 км от государственной границы Российской Федерации с КНР (рис. 1). Мастерская связана с одноимённым урочищем, расположенным в 800 м от нежилого села Нагадан, и расположена на выходах сырья (окремнённый песчаник). Высотные отметки составляют порядка 750–770 м над уровнем моря.

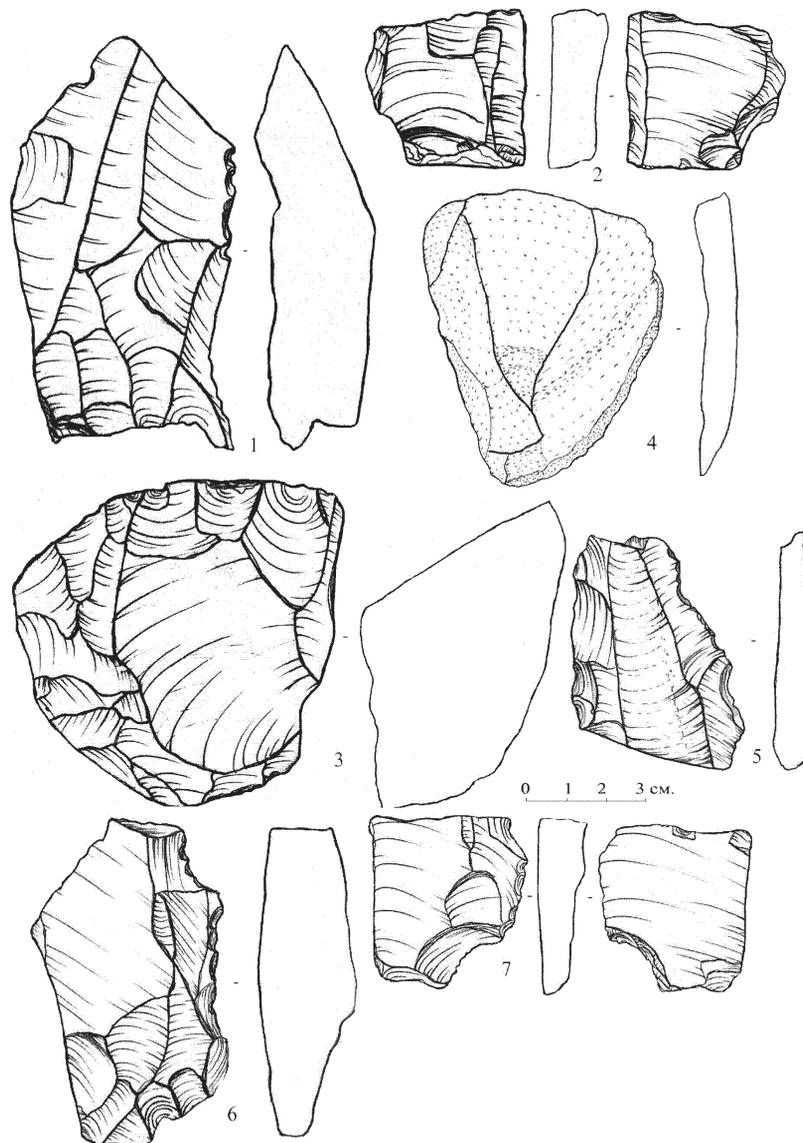

Рис. 6. Тарбальджей. 1–3 нуклеусы; 4, 6 – скрёбла; 5 – фрагмент леваллуазской пластины; 7 – выемчатое орудие

Fig. 6. Tarbaldzhey. 1–3 cores; 4, 6 – side-scrapers; 5 – fragment of Levalloisian blade; 7 – notched tool

Каменный материал имеет крупные размеры (рис. 7), включая унифасиально обработанные отдельные размеры 12–14 см по длинной оси, представлен на площади порядка 1000 м². Наблюдается существен-

ная дефляция поверхности обнаруженных предметов. Присутствует обратная ретушь (рис. 8.3) и унифасиальная обработка (рис. 9), а также распространены выемчатые формы.

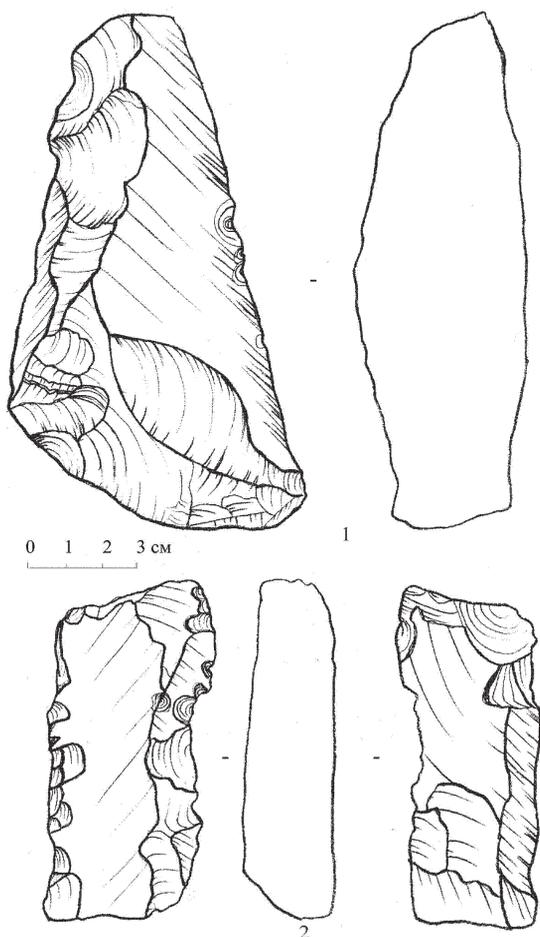

Рис. 7. Нагадан. Орудия на плитках

Fig. 7. Nagadan. Core tools

Обсуждение результатов исследования. В завершение отметим некоторые дискуссионные моменты. В результате анализа каменных индустрий среднепалеолитического облика Восточного Забайкалья появилась возможность выделить некоторые их особенности. Во-первых, главной проблемой остаётся отсутствие надёжно стратифицированных объектов среднего палеолита восточнее Титовской сопки. Причём абсолютное датирование на этих объектах полностью отсутствует. Во-вторых, в плане морфологии и технико-типологических особенностей наблюдается сочетание плоскостного, подпризматического и ситуационного расщепления. В-третьих, сырьём для этих индустрий, как правило, выступают окре-

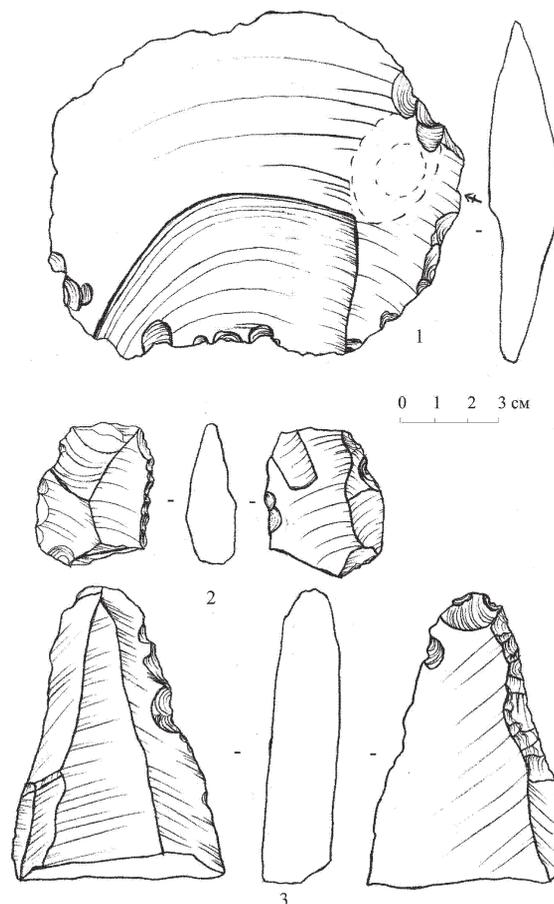
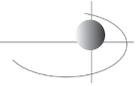

Рис. 8. Нагадан. 1 – скребло; 2 – скребок; 3 – фрагмент пластины с нависающей ретушью

Fig. 8. Nagadan. 1 – side-scraper; 2 – scraper; 3 – fragment of blade with hinged retouch

нные метапесчаники и эффузивы среднего, и, чуть реже, кислого состава. В-четвёртых, наблюдается явное предпочтение в использовании плитчатых отдельных, являющихся основой для уни- и бифасиального расщепления, а также леваллуазской технологии расщепления.

Заключение. В заключение отметим, что представленные в статье данные являются только первой попыткой обобщения пока малочисленных материалов среднепалеолитического облика Восточного Забайкалья. Но, несмотря на малое количество зафиксированных объектов среднепалеолитического облика, помимо вышеотмеченных дискуссионных моментов, существуют и хорошо выраженные особенности. Местонахождениям

среднепалеолитического облика региона свойственно расположение у источников воды, в пределах магистральных речных систем, таких как Онон и Аргунь. Учитывая малое количество речных террас на территории Восточного Забайкалья, подобные объекты связаны с высотными отметками, превышающими русла современных рек на 50–100 м и более, а также часто связаны с выходами сырья. Это, как правило, эффузивы и осадочные окремнённые песчаники,

позволяющие обрабатывать крупные, более 10 см по длинной оси, отдельности сырья. Морфологический облик технокомплексов имеет свои неповторимые черты в сочетании как плоскостного, так и объёмного принципов расщепления, что наводит на мысль о смешанности комплексов. Этому выводу не противоречит и типологический облик коллекций, так как подобная смешанность свойственна местонахождениям с поверхностным залеганием материала.

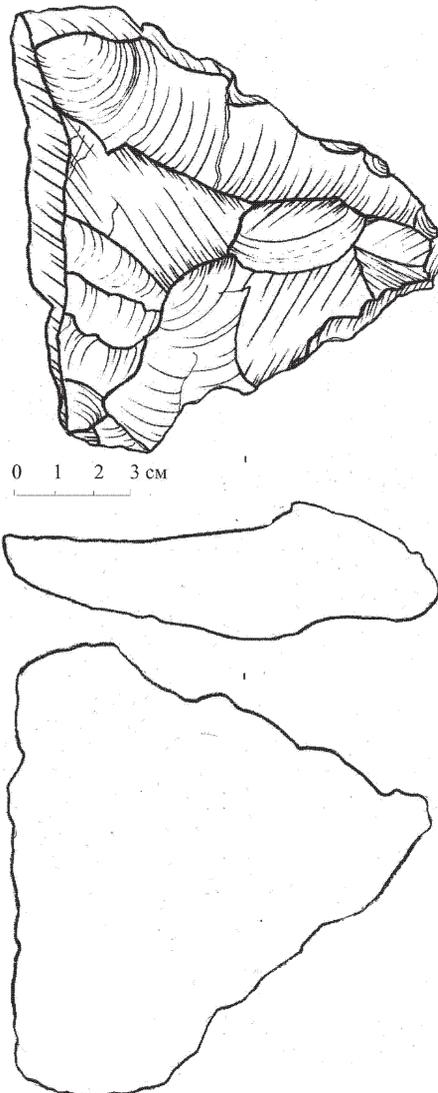

Рис. 9. Нагадан. Заготовка бифаса

Fig. 9. Nagadan. Blank of biface

Практически все артефакты существенным образом карродированы благодаря воздействию различных агентов влияния. Также нельзя назвать выявленные материалы инситуными. Это либо разрушенные стоянки/стоянки-мастерские, либо находки непосредственно на выходах сырья. Тем не менее,

поиск объектов среднего палеолита на территории Восточного Забайкалья не только перспективен, но и крайне необходим, так как Ононская и Агунская речные системы являются прямыми коридорами между Забайкальем и Монголией, на территории которой выявлены десятки памятников среднего палеолита.

Список литературы

1. Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 133 с.
2. Дебеч Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ. 1930. Т. 3, № 2а. С. 151–169.
3. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Чита; Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. 180 с.
4. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: ЗабГУ, 2016. 247 с.
5. Константинов М. В., Васильев С. Г., Филатов Е. А., Викулова Н. О., Маслодудо С. В. Древняя история Забайкальского края в свете новых археологических открытий // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 1. С. 9–19.
6. Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1972. 137 с.
7. Нагаева Е. В., Обязов В. А., Курганович К. А. Распределение модуля стока рек по территории Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 10. С. 11–19.
8. Мороз П. В. Работы в Кыринском районе Забайкальского края // Археологические открытия 2009 года. М.: ИА РАН, 2013. С. 316–317.
9. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: Экспресс-изд-во, 2014. 181 с.
10. Мороз П. В. Сырьевой фактор в верхнем и финальном палеолите Забайкалья // Труды исторического факультета С.-Петербург. гос. ун-та. 2014. Т. 18. С. 245–259.
11. Мороз П. В. Этапы изучения каменного века Забайкалья: прошлое и настоящее // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 4. С. 117–124.
12. Мороз П. В. Стоянка Сахюрта-1 и её место в системе палеолита Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 162–171.
13. Мороз П. В. Источники камнесамоцветного сырья и памятники палеолита в Центральном и Восточном Забайкалье // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 723–724.
14. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2015. С. 184–188.
15. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. 2016. № 1. С. 65–76.
16. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
17. Ташак В. И. Леваллуазская индустрия Бурун-Алана 1 // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 229–238.
18. Юргенсон Г. А., Мороз П. В. О технологической археоминерации // Теория, история, философия и практика минералогии: материалы междунар. минерал. семинара. Сыктывкар: Геопринт, 2006. С. 89–90.
19. Moroz P., Yurgenson G. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia) // ERAUL. 2014. № 140. Pp. 94–107.

Статья поступила в редакцию 10.09.2018; принята к публикации 13.10.2018

Библиографическое описание статьи

Мороз П. В. Среднепалеолитические местонахождения Восточного Забайкалья // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-69-81.

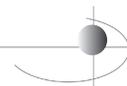
Pavel V. Moroz,

*Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: frostius.81@mail.ru*

The Middle Paleolithic Localities of Eastern Transbaikalia¹

The article is devoted to the analysis of the archaeological localities of the Eastern Transbaikalia showing the Middle Paleolithic stone industry. The dislocation of similar localities on the map of the Transbaikal Region and their connection with the basins of the major rivers of the region is considered. In addition, we analyze the applied flaking technology, technical and typological characteristics and morphology of the tool kit on the identified localities. On

¹ The work was supported by Russian Foundation for Basic Research, project 16-06-00003. "The raw materials sources in the Stone Age of Trans-Baikal region: mineralogical and geochemical criteria, geological and archaeological mapping".

the example of three identified objects Dalnie Shirovichi, Tarbaldzhey and Nagadan, the raw material composition and linear dimensions of the artifacts were analyzed. These objects are located in the valleys of the rivers Onon and Argun and are sites with a superficial bedding of the material. For the first time, common features to the Middle Paleolithic complexes of the Eastern Transbaikalia are revealed. These include the relationship with major river systems, the presence in the industry of both planar and volumetric flaking, large sizes of tools and flakes, as well as the presence of deflation caused by various agents of influence. It is also significant that the industries under consideration are mixed. They include both middle Paleolithic materials and younger artifacts. Separately, we discuss the use of raw materials. It was found out that the main raw material for the industries under consideration is silicified sandstone in the form of plate-like segregations and effusive rocks, mostly of medium composition.

Keywords: petroarcheology, Paleolithic, Middle Paleolithic, Eastern Transbaikalia, Dalnie Shirovichi, Tarbaldzhey, Nagadan localities

References

1. Grishin, Yu. S. Bronze and early Iron Age of the Eastern Transbaikalia. M: Nauka, 1975. (In Rus.)
2. Debets, G. F. The experience of isolating cultural complexes in the Neolithic of Baikal region. *Izvestiya Associacii nauch.-issled. Institutov pri fiz.-mat. Fakul'tete*, vol. 1, pp. 151–169, 1930. (In Rus.)
3. Konstantinov, M. V. Stone Age of the eastern region of Baikal Asia. Chita; Ulan-Ude: BSC SB RAS, 1994. (In Rus.)
4. Konstantinov, M. V., Ekimova, L. V., Vereshchagin S. B. Taiga Chikoy on the edge of stone and bronze. Chita: ZabSU, 2016. (In Rus.)
5. Konstantinov, M. V., Vasilyev, S. G., Filatov, E. A., Vikulova, N. O., Maslodudo, S. V. Ancient history of the Trans-Baikal Territory in the light of new archaeological discoveries. *Izvestiya of the Laboratory of Ancient Technologies*, vol. 14, pp. 9–19, 2018. (In Rus.)
6. Kirillov, I. I., Rizhsky, M. I. Essays on the ancient history of Transbaikalia. Chita, 1972. (In Rus.)
7. Nagaeva, E. V., Obyazov, V. A., Kurganovich, K. A. Distribution of the river flow module over the territory of the Transbaikal Territory. *ZabSU Vestnik*, no. 10, pp. 11–19, 2014. (In Rus.)
8. Moroz, P. V. Works in the Kirinsky district of the Trans-Baikal Territory. *Archaeological discoveries of 2009*. M: IA RAS, pp. 316–317, 2013. (In Rus.)
9. Moroz, P. V. Lithic industries at the turn of Pleistocene-Holocene in Western Trans-Baikal. Chita: Express-Izdatelstvo, 2014. (In Rus.)
10. Moroz, P. V. The raw material factor in the Upper and Final Paleolithic of Transbaikalia. *Trudy istoricheskogo fakul'teta S. Peterb. gos. un-ta*, t.18, pp. 245–259, 2014. (In Rus.)
11. Moroz, P. V. Stages of the study of the Stone Age of Transbaikalia: past and present. *Humanitarian vector*, vol. 11, no. 4, pp. 117–124, 2016. (In Rus.)
12. Moroz, P. V. The Sakhurta-1 site and its place in the Paleolithic system of Transbaikalia. *Humanitarian vector*, vol. 12, no. 4, pp. 162–171, 2017. (In Rus.)
13. Moroz, P. V. Sources of stone-colored raw materials and Paleolithic monuments in Central and Eastern Transbaikalia. *Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress Barnaul: AltSU*, pp. 723–724, 2017. (In Rus.)
14. Moroz, P. V., Yurgenson, G. A. Paleo volcanoes as sources of mineral raw materials in the Paleolithic of Transbaikalia, *Proceedings of the International Scientific Conference Methods of studying stone artifacts*. St. Petersburg: IHMC RAS, 2015: 184–188. (In Rus.)
15. Moroz, P. V., Yurgenson, G. A. The use of mineral raw materials in the Trans-Baikal Paleolithic: cultural continuity or technological necessity? *Stratum Plus*, no. 1, pp. 65–76, 2016. (In Rus.)
16. Okladnikov, A. P., Kirillov, I. I. Southeast Transbaikalia in the era of stone and early bronze. Novosibirsk: Nauka, 1980. (In Rus.)
17. Tashak, V. I. Levalloisian industry of Burun-Alan 1. *Proceedings of the International Scientific Conference Eurasia in Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture* No. 4, Irkutsk: ISU, pp. 229–238, 2015. (In Rus.)
18. Yurgenson, G. A., Moroz, P. V. On technological archeo minerageny. *Proceedings of the International Scientific Conference Theory, history, philosophy and practice of mineralogy: Syktyvkar: Geoprint*, pp. 89–90, 2006. (In Rus.)
19. Moroz, P., Yurgenson, G. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia). *ERAUL*, pp. 94–107, no. 140, 2014.

Received: 10 September 2018; accepted for publication October 13, 2018

Reference to the article

Moroz P. V. The Middle Paleolithic Localities of Eastern Transbaikalia // *Humanitarian Vector*. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 69–81. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-69-81.

УДК 902.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-82-93

Ирина Александровна Пономарева,

докторант,

Университет Гриффита

(4215, Австралия, Квинсленд, в. Голд Кост, Парклэндн Драйв),

e-mail: irina.ponomareva@griffithuni.edu.au

Исследование памятников наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 году

Статья является кратким отчётом о полевых исследованиях памятников наскального искусства, проведённых в Забайкальском крае в июне 2017 г. Работы проводились при поддержке Университета Гриффита (Австралия) и являются частью диссертационного исследования автора, посвящённого наскальному искусству Восточной Сибири в эпоху неолита – бронзы. В 2017 г. полевые исследования также проводились в Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия, но пока публикуются результаты работ в Забайкальском крае. Новизна данного исследования заключается в том, что впервые за многие десятилетия были проведены обследования памятников наскального искусства такого масштаба – всего задокументировано 108 памятников в трёх федеральных субъектах России. Исследование наскального искусства Сибири является актуальной темой, так как это ключевой источник не только для понимания древних, но и современных историко-культурных и социальных процессов и явлений. В рамках экспедиции проводился поиск, локализация уже известных местонахождений и их документация современными бесконтактными методами (описание, фотографирование, GPS-привязка, выборочно – фотограмметрия и составление планов расположения плоскостей). В результате в Забайкальском крае было задокументировано 28 памятников наскального искусства, из них – 3 новых местонахождения. На уже известных памятниках были выявлены новые плоскости и рисунки. Проводилась оценка сохранности писаниц и было отмечено ужасающее состояние некоторых из них. Также были сделаны открытия, показывающие актуальность дальнейшего исследования предположительно палеолитической наскальной живописи.

Ключевые слова: писаница, наскальное искусство, памятники наскального искусства, палеолитическая живопись, «селенгинская» группа, вандализм, сохранение историко-культурного наследия

Введение. В июне 2017 г. экспедицией Университета Гриффита, Австралия, было проведено обследование и документирование 28 памятников наскального искусства (рис. 1).

Данная экспедиция была частью продолжающегося диссертационного проекта автора «Наскальное искусство Восточной Сибири как индикатор этнокультурных процессов (неолит – эпоха бронзы)». Эта статья является кратким отчётом о результатах работы экспедиции, и её целью является информирование коллег и всех интересующихся о том, что удалось и не удалось достичь в ходе полевых работ. Последние крупномасштабные исследования памятников наскального искусства в регионе проводились в 1980-е гг. [7], поэтому исследования 2017 г. являются важным шагом в археологическом изучении Забайкалья, так как за один полевой сезон был обследован значительный массив памятников древнего искусства. Собранный материал станет основой для обновления или пересмотра существующих концепций наскального искусства и, возможно, позволит по-новому

взглянуть на историю и культуру Восточной Сибири в эпоху неолита – бронзового века.

В постоянный состав экспедиции входили всего два человека: И. А. Пономарева (руководитель) и С. В. Крайнов (водитель и повар). Хочется поблагодарить всех, кто оказывал нам помощь и содействие в осуществлении целей экспедиции (в хронологическом порядке): А. В. Константинов и С. Б. Верещагин (ЗабГУ), В. Ф. Петров и И. В. Петров (Хилокский краеведческий музей), Л. и А. Курбатовы (г. Чита), сотрудники Агинского национального музея им. Г. Цыбыкова, Г. Ц. Дугаржапов (с. Судунтуй), В. Г. Стрельников (Агинский музей природы), Г. И. Беломестнов (Борзинский районный краеведческий музей), С. и Е. Перминовы (с. Бырка), В. И. Стрельников (Турклуб «Чиндачи», г. Краснокаменск), Н. В. Изотова (Урулюнгуйская СОШ им. Г. Н. Аксёнова), Приаргунский историко-краеведческий музей им. Н. В. Попова, Пограничное управление ФСБ России по Забайкальскому краю, С. Н. Юринский (МБОУ СОШ № 9 г. Нерчинска), А. Балябин и Е. Титов (с. Бутиха).

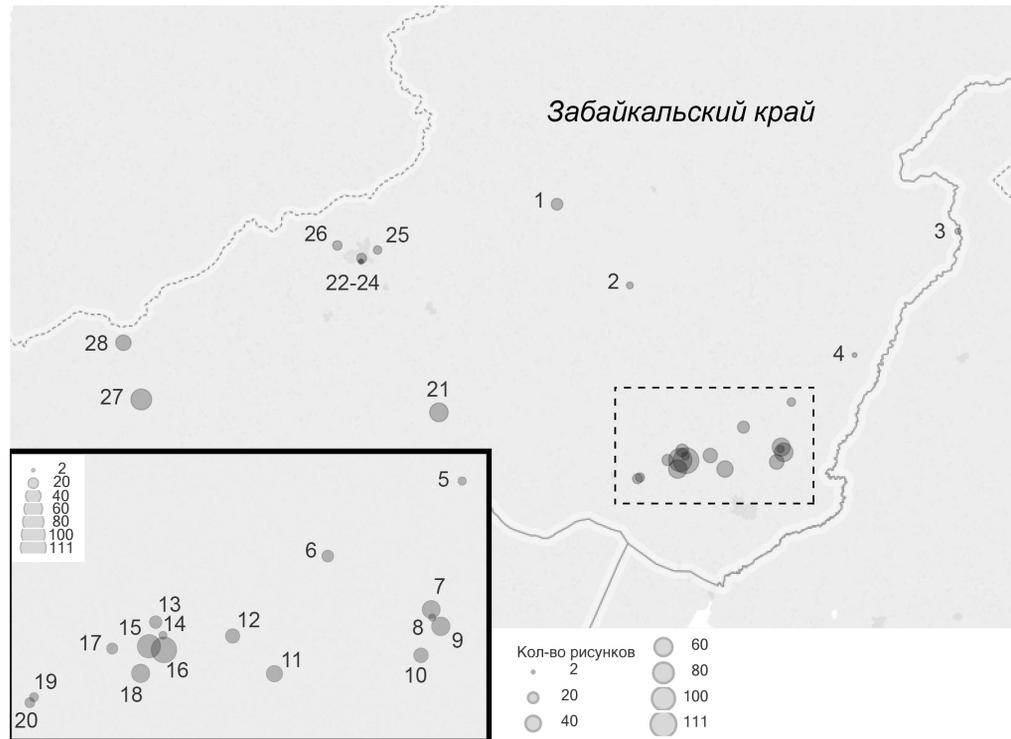
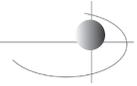

Рис. 1. Карта-схема памятников наскального искусства, обследованных в июне 2017 г. Размер маркера отображает общее количество зафиксированных рисунков: 1 – Бутиха; 2 – Борщовочный хребет; 3 – Усть-Уровская; 4 – Авван; 5 – Доно; 6 – Чандайча; 7 – Бырка; 8 – Старая Жила; 9 – Казачий III; 10 – Урулюнгуй I; 11 – Маргутец; 12 – Могойтуй; 13 – Бараун-Кондуй I; 14 – Бараун-Кондуй I-2; 15 – Цорон III; 16 – Усть-Цорон; 17 – Копчинский; 18 – Копчил; 19 – Пилотка; 20 – Халзан-Дабан; 21 – Судунтуй; 22 – Титовская сопка; 23 – Сухотино-13; 24 – Сухотинский камень; 25 – Смоленские скалы; 26 – Дворцы; 27 – Шаман-гора; 28 – Гыршелунский камень

Fig. 1. Schematic map showing rock art sites surveyed in June 2017. The size of each marker represents the amount of designs recorded: 1 – Butikha; 2 – Borshchovochnyy khrebet; 3 – Ust'-Urovskaya; 4 – Avvan; 5 – Dono; 6 – Chandaycha; 7 – Byrka; 8 – Staraya Zhila; 9 – Kazachiy III; 10 – Urulyunguy I; 11 – Margutsek; 12 – Mogoytuy; 13 – Baraun-Konduy I; 14 – Baraun-Konduy I-2; 15 – Tsoron III; 16 – Ust'-Tsoron; 17 – Kopchinskiy; 18 – Kopchil; 19 – Pilotka; 20 – Khalzan-Daban; 21 – Suduntuy; 22 – Titovskaya sopka; 23 – Sukhotino-13; 24 – Sukhotinskiy kamen'; 25 – Smolenskiye skaly; 26 – Dvortsy; 27 – Shaman-gora; 28 – Gyrshelunskiy kamen'

Методология и методы исследования.

Целью экспедиции были поиск, локализация уже известных памятников и их документация (описание, обмеры плоскостей, GPS-привязка, фотографирование, выборочно 3Д-документация и составление плана плоскостей). Несмотря на фокус экспедиции на уже известных памятниках, было зафиксировано три новых местонахождения. Большинство известных ранее памятников было открыто и опубликовано А. И. Мазиным [6; 7], и поиск многих из них (подробнее см. ниже) не увенчался успехом из-за неточности описания их расположения. Впрочем, некоторые памятники были нами обследованы впервые после его работ. Уже на кабинетном этапе исследования фотографии плоскостей с рисунками обрабатывались в программе DStretch, что позволило выявить как неточности некоторых прорисовок предыдущих исследователей, так и новые изображения.

Ниже представлено краткое описание каждого обследованного памятника, которое включает краткие сведения о местонахождении (из-за того, что многие памятники серьёзно пострадали от вандализма, более детальные географические сведения не публикуются), сведения о предыдущих исследованиях, оценка сохранности памятника и количество зафиксированных в ходе работ 2017 г. рисунков.

Описание памятников также сопровождается статистическими данными по количеству основных сюжетов на каждом из них (рис. 2, 4, 5, 7). Были определены следующие сюжеты: нефигуративные изображения – включают группы точек, вертикальных линий, кресты и другие геометрические формы; антропоморфные фигуры – изображения человеческих фигур; зооморфные фигуры – включают изображения лосей, оленей, кабанов, лошадей, быкообразных, а также других четвероногих, видовой принадлежность которых

неопределима; орнитоморфные фигуры включают изображения птиц; оградки – условное обозначение округлых и подквадратных фигур, внутри которых встречаются разнообразнейшие композиции; часть изображения не удалось определить.

В данной работе используются также понятия «писаница», «рисунок» и «плоскость». Под писаницей подразумевается памятник наскального искусства, на котором представлены изображения, нарисованные краской, в том время как петроглифы – это рельефные изображения. Последний термин в данной статье не используется, так как все обследованные в Забайкальском крае памятники являются писаницами. Под рисунком подразумевается отдельная фигура, если это фигуративное изображение (антропоморфное, зооморфное, орнитоморфное, оградка) или, если это нефигуративное изображение (группа точек или вертикальных линий), то подразумевается группа фигур, расположенных достаточно близко, чтобы сделать вывод об их едином композиционном целом. Под плоскостью подразумевается скальная поверхность, имеющая естественные границы. Однако, так как каждый памятник наскального искусства по-своему уникален, то всегда следовать этому определению не представляется возмож-

ным, и иногда под плоскостью понимается отдельная группа рисунков. При описании плоскостей и рисунков мы не следовали нумерации предыдущих исследователей, поэтому общее количество плоскостей может различаться. Однако ниже, в описании памятников, представлены также результаты сверки зафиксированных плоскостей с опубликованными материалами, и ссылки делаются по нумерации предыдущих исследователей.

Результаты исследований.

1. Бутиха. Писаница расположена в Тунгокоченском районе, в 9,5 км от пос. Бутиха. Памятник впервые был обследован М. И. Рижским в 1959 г., и описание памятника по его отчёту было опубликовано А. П. Окладниковым [9, с. 50]. В 1984 г. писаница была заново обследована А. И. Мазиным, и, помимо копирования рисунков на кальку, им также были проведены раскопки под основной плоскостью, в результате которых было выявлено три культурных слоя [7, с. 26–27]. В ходе наших работ была отмечена хорошая сохранность плоскостей и рисунков. Однако хорошо сохранились и следы исследовательской деятельности А. И. Мазина – меловая обводка рисунков и нерекультивированный раскоп. Зафиксировано 23 рисунка на 3 плоскостях (рис. 2).

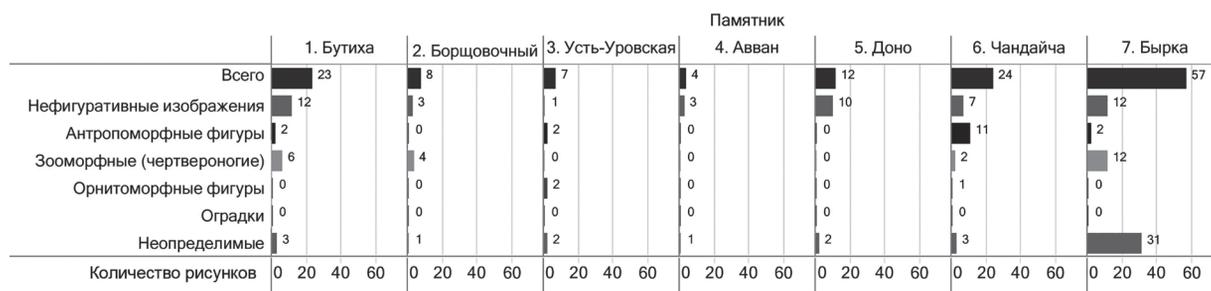

Рис. 2. Общее количество основных сюжетов на памятниках Бутиха, Борщовочный хребет, Усть-Уровская, Авван, Доно, Чандайча и Бырка

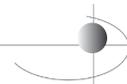
Fig. 2. Total amount of motifs recorded at the sites of Butikha, Borshchovochnyy khrebet, Ust'-Urovskaya, Avvan, Dono, Chandaycha, and Byrka

2. Борщовочный хребет. Писаница расположена в Нерчинском районе, в 10,4 км от пос. Калинино. Памятник был открыт в 2015 г. нерчинскими краеведами из отряда «Искатель» ММО ВПК «Русь», который работал в составе Верхнеамурской археологической экспедиции ЗабГУ [12]. Рисунки представлены на двух плоскостях, расположенных друг над другом. Рисунки нижней плоскости отличаются яркостью хорошо сохранившегося пигмента, что, возможно связано с защищённостью рисунков небольшим козырьком и густой растительностью.

Зафиксировано 8 рисунков на 2 плоскостях (рис. 2).

3. Усть-Уровская. Писаница расположена в Нерчинско-Заводском районе, в 1,5 км от пограничной заставы Закамень, на левом берегу устья р. Уров при впадении в р. Аргунь. Об этом местонахождении сообщается в книге «Нерчинский Завод» [11]. Зафиксировано 7 рисунков, расположенных на одной плоскости, сохранность хорошая, заметно чешуйчатое отслоение пигмента (рис. 2).

4. Авван, или Волчья пещера. Писаница расположена в Нерчинско-Заводском

районе, в 3 км от пос. Ивановка. О местонахождении также сообщается в книге «Нерчинский Завод» [11]. Четыре рисунка расположены в 3 местах с правой стороны у входа в пещеру (рис. 2). Рисунки сильно повреждены в результате эрозии скальной поверхности.

5. Доно. Писаница расположена в Калганском районе, в 7,5 км от пос. Доно. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Рисунки (всего 12) расположены в 3 местах у входа в пещеру (рис. 2). Часть рисунков повреждена эрозией. Плоскости № 2 и 3 по нумерации А. И. Мазина не были обнаружены.

6. Чандайча (Чондойча). Писаница расположена в Александровском районе, в 22,5 км от пгт Александровский Завод. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Зафиксировано 24 рисунка на 8 плоскостях (рис. 2). Сохранность памятника в целом хорошая, но рисунки сильно выцвели и плохо видны. Анализ обработанных в DStretch фотографий позволил выявить новые изображе-

ния на плоскости № 4 по нумерации А. И. Мазина, а также одну новую плоскость с очень выцветшими изображениями. Плоскость № 1 локализовать не удалось.

7. Бырка. Писаница расположена в Приаргунском районе, в 4,5 км от пос. Бырка. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Им были скопированы изображения на 20 плоскостях и проведены раскопки, выявившие 5 культурных горизонтов, давших богатый археологический материал (раскоп не рекультивирован) [7, с. 77–80]. Уникальность этого памятника заключается в том, что среди изображений представлены носорог и бизоны, указывающие на палеолитический возраст. Среди археологических находок имеются предметы мелкой пластики, куски охры, орудие из бивня мамонта и предметы каменной индустрии, вымазанные охрой. Данные материалы могли бы стать первоклассным источником для научного датирования наскальной живописи Бырки. На данный момент этот уникальный памятник практически полностью разрушен вандалами (рис. 3).

Рис. 3. Бырка. Общий вид на знаменитое панно с носорогом и бизонами (плоскость № 20 по нумерации А. И. Мазина). Фото И. А. Пономарёвой

Fig. 3. Byrka. General view at the famous panel with a rhinoceros and bison (panel № 20 according to A. I. Mazin). Photo I. A. Ponomareva

Северо-восточная часть останца была взорвана местными жителями на камень в 1990-е гг. Практически все древние изображения зарисованы современными надписями. Удалось выявить остатки фигур только на трёх плоскостях (рис. 2). Первая плоскость – это плоскость № 20 по нумерации А. И. Мазина. Здесь удаётся различить остатки 12 фи-

гур из 47 скопированных А. И. Мазиным. Ещё 8 рисунков было зафиксировано на 2 других плоскостях, но сопоставление их с опубликованными материалами затруднительно из-за их очень плохой сохранности.

8. Старая Жила. Писаница расположена в Приаргунском районе, в 7 км от пос. Бырка. Этот памятник был открыт в ходе работ на-

шей экспедиции, и данная статья является первой публикацией кратких сведений о памятнике. Памятник представлен двумя пунктами, расположенными на соседних останцах. В первом пункте зафиксировано 3 изо-

бражения на 2 плоскостях. Одно из них – очень выцветшая фигура, возможно, бизона, в «быркинском» стиле. Во втором пункте зафиксировано 6 рисунков на 4 плоскостях (рис. 4).

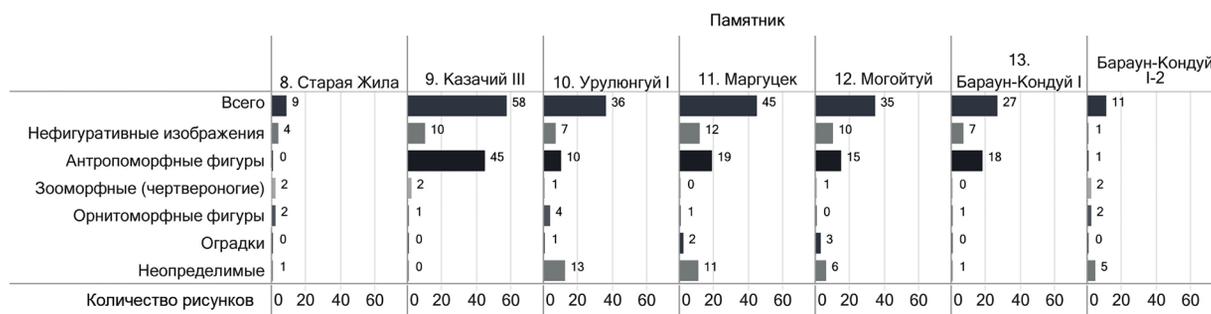

Рис. 4. Общее количество основных сюжетов на памятниках Старая Жила, Казачий III, Урулюнгуй I, Маргузец, Могойтуй, Бараун-Кондуй I и Бараун-Кондуй II-2

Fig. 4. Total amount of motifs recorded at the sites of Staraya Zhila, Kazachiy III, Urulyunguy I, Margutsek, Mogoytuy, Baraun-Konduy I, and Baraun-Konduy II-2

9. Казачий III. Писаница расположена в Приаргунском районе, в 10 км к ЮЮВ от пос. Бырка. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Зафиксировано 58 рисунков на 4 плоскостях, одна из которых обнаружена впервые (рис. 4). Необходимо отметить, что памятник расположен в верховьях пади Казачья, которая в советское время использовалась как артиллерийский полигон. Работа в этой местности до сих пор представляет опасность для жизни, так как, судя по разбросанным тут и там разорвавшимся и неразорвавшимся снарядам, падь так и не была разминирована. Один такой неразорвавшийся снаряд был обнаружен в непосредственной близости от писаницы. Сам останец также пострадал от прямого попадания снаряда. У подножия одной из плоскостей был обнаружен обломок с остатками рисунка. Останец также покрыт современными надписями школьников, к счастью, пока не поверх самих древних рисунков. Несмотря на такую трагическую судьбу памятника, удалось зафиксировать 3 из 4 опубликованных А. И. Мазиным плоскостей и выявить одну новую.

10. Урулюнгуй I. Писаница расположена в Приаргунском районе, в 0,2 км от пос. Урулюнгуй. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Нами была выявлена одна новая плоскость с двумя очень выцветшими изображениями, а плоскость № 2 (по нумерации А. И. Мазина) не была зафиксирована по недосмотру руководителя. Памятник сильно поврежден современными вандалистскими надписями школьников. Плоскость № 1, где представлено наибольшее число рисунков,

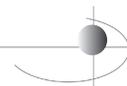
практически полностью зарисована, и видны остатки только 9 фигур из 25 скопированных А. И. Мазиным. Всего зафиксировано 13 целых рисунков на 3 плоскостях (рис. 4).

11. Маргузец. Писаница расположена в Приаргунском районе, в 8 км от пос. Кличка. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Зафиксировано 45 рисунков на 7 плоскостях, одна из которых выявлена впервые (рис. 4). Не удалось обнаружить плоскости № 1 и 7 по нумерации А. И. Мазина. К счастью, памятник не стал жертвой вандализма, и все разрушения связаны с естественными процессами. Рисунки довольно бледные, многие из них плохо различимы из-за выцветания, расплывания и отслоения пигмента.

12. Могойтуй. Писаница расположена в Борзинском районе, в 7 км от пос. Васильевский Хутор. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1984 г. [7]. Зафиксировано 35 рисунков на 6 плоскостях (рис. 4). Не удалось выявить только плоскость № 3 по нумерации А. И. Мазина. Сохранность памятника в целом хорошая, хотя рисунки довольно выцветшие и некоторые расплылись.

13. Бараун-Кондуй I. Писаница расположена в Борзинском районе, в 7 км от пос. Кондуй. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Зафиксировано 27 рисунков на 4 плоскостях (рис. 4). Плоскости № 3 и 4 по нумерации А. И. Мазина не удалось обнаружить. Сохранность памятника в целом хорошая, но рисунки довольно выцветшие.

14. Бараун-Кондуй II, пункт 2. Писаница расположена в Борзинском районе, в 5,8 км

от пос. Кондуй. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Зафиксировано 11 рисунков на единственной плоскости (рис. 4). Пункт 1 обнаружить не удалось. Вокруг некоторых рисунков сохранилась обводка мелом. Рисунки очень бледные, обработка фотографий в DStretch позволила выявить контуры некоторых фигур, неточно скопированных А. И. Мазиным [7, табл. 47, II, III; 49, I, II].

15. Цорон III. Писаница расположена в Борзинском районе, в 11 км от пос. Кондуй. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1984 г. [7]. Зафиксировано 90 рисунков на 7 плоскостях и выявлена новая плоскость с двумя рисунками на соседнем небольшом останце, обозначенная как пункт 1, так как останец расположен ближе к подножию (рис. 5). Плоскости № 9, 14, 15, 16 по нумерации А. И. Мазина обнаружить не удалось. Ри-

сунки сильно выцвели, некоторые из них покрыты белёсыми натеками.

16. Усть-Цорон. Писаница расположена в Борзинском районе, в 17,4 км от пос. Цаган-Олуй. Рисунки впервые опубликованы А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской как вторая группа писаниц Бараун-Кондуй [9, с. 48–50]. Повторно памятник обследовался А. И. Мазиным в 1983 г. [7]. Нами зафиксировано 111 рисунков на 11 плоскостях (рис. 5). Из-за плохой сохранности рисунков не все плоскости удалось сопоставить с опубликованными А. И. Мазиным копиями. Так, не удалось обнаружить плоскости № 4, 8, 12, 13, 16, 17, 19, 20, 23. В то же время 4 плоскости из зафиксированных нами не совпадают с опубликованными прорисовками. Многие рисунки сильно выцвели, частично отслоились и покрыты белёсыми натеками.

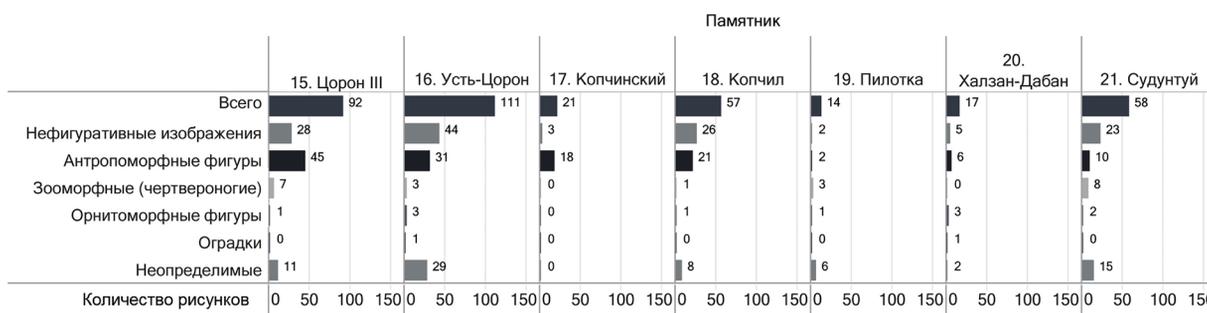

Рис. 5. Общее количество основных сюжетов на памятниках Цорон III, Усть-Цорон, Копчинский, Копчил, Пилотка, Халзан-Дабан и Судунтуй

Fig. 5. Total amount of motifs recorded at the sites of Tson III, Ust'-Tson, Kopchinskiy, Kopchil, Pilotka, Khalzan-Daban, and Suduntuy

17. Копчинский (Гурбаньша). Писаница расположена в Борзинском районе, в 2,5 км от пос. Цаган-Олуй. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1974 г. [7]. Зафиксирован 21 рисунок на 2 плоскостях (рис. 5). Плоскость № 3 по нумерации А. И. Мазина обнаружить не удалось. Нами также были отмечены следы раскопок под основной плоскостью (плоскости № 1–2 по нумерации А. И. Мазина), однако А. И. Мазин их не упоминает в своих публикациях.

18. Копчил. Писаница расположена в Борзинском районе, в 10,5 км от пос. Цаган-Олуй. Памятник был открыт А. И. Мазиным в 1984 г. [7]. Рисунки расположены на 2 соседних останцах, обозначенных нами как пункты 1 и 2. В первом пункте зафиксировано 52 рисунка на 5 плоскостях и во втором – 5 рисунков на единственной плоскости (рис. 5). Не удалось обнаружить плоскости № 1, 2, 5, 6, 7, 9, 11, 13, 14, 16, 18, 19 (по ну-

мерации А. И. Мазина). Рисунки довольно сильно выцвели и расплылись.

19. Пилотка. Писаница расположена в Борзинском районе, в 21 км от г. Борзя. Сведения о памятнике были предоставлены Г. И. Беломестновым и публикуются впервые. Было зафиксировано 14 рисунков на 4 плоскостях (рис. 5). Рисунки довольно выцветшие, и на памятнике имеются современные надписи, процарапанные и нанесённые жёлтой краской, но они не перекрывают древние рисунки.

20. Халзан-Дабан. Писаница расположена в Борзинском районе, в 20 км от г. Борзя. Сведения о памятнике были предоставлены Г. И. Беломестновым и публикуются впервые. Рисунки расположены на 2 соседних останцах, которые отмечены как пункты 1 и 2. В первом пункте зафиксировано 14 рисунков на 2 плоскостях, и во втором пункте, выше по склону – 3 рисунка на единственной плоско-

сти (рис. 5). Рисунки выцвели и плохо различимы.

21. Судунтуй (Шулутай, Бараун-Чулутай). Писаница расположена в Агинском районе, в 28 км от пос. Агинское. Памятник исследовался в 1950 и 1965 гг. А. П. Окладниковым и Г. Н. Найдано [10, с. 45], и в 1984 г. – А. И. Мазиным [7, с. 34–37]. Зафиксировано 58 рисунков на 9 плоскостях (рис. 5). Не удалось обна-

ружить плоскости № 9, 10, 12, 13, 15 по нумерации А. И. Мазина. Впрочем, при обработке фотографий плоскости № 14 (по нумерации А. И. Мазина) в DStretch удалось выявить зооморфное изображение в «быркинском стиле» (рис. 6), перекрытое рядами точек, которое на прорисовках А. П. Окладникова и А. И. Мазина представлено как непонятное пятно [7, с. 181; 9, с. 222].

Рис. 6. Судунтуй (Шулутай, Бараун-Чулутай). Зооморфное изображение в «быркинском» стиле, перекрытое рядами точек. Прорисовка И. А. Пономарёвой

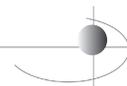
Fig. 6. Suduntuy (Shulutay, Baraun-Chulutay). Zoomorphic figure in the Byrka style, superimposed by rows of dots. Tracing by I. A. Ponomareva

22. Титовская сопка (Каменное ущелье). Писаница расположена в черте г. Чита. Памятник опубликован А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской [9], и уже не позднее 1980-х гг. был разрушен карьером [7, с. 25]. Удалось зафиксировать 17 рисунков на 3 плоскостях (рис. 7). Состояние писаницы производит удручающее впечатление, так как под плоскостями с древними рисунками устроена нелегальная свалка.

23. Сухотино-13. Писаница расположена в черте г. Чита. По сообщению А. В. Констан-

тинова, рисунки были известны с 1980-х гг., но не были опубликованы. Зафиксировано 2 рисунка на единственной плоскости (рис. 7). Памятник также находится в ужасном состоянии. Прямо под скалой обустроено жилище бездомного и видны следы разжигания костра. Во время нашего посещения «жилище» было оставлено «жильцом», и повсюду у писаницы были разбросаны полусгнившие вещи и мусор.

24. Сухотинский камень (Сохатиный камень). Писаница расположена в черте

г. Чита. Памятник был опубликован А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской [8, с. 44–45]. Уже А. И. Мазин [7, с. 25] отмечает, что «[в] настоящее время изображения утрачены из-за надписей туристов и маркировки плоскостей гидрологами». К этому описанию

добавить нечего, так как перед нами предстала та же печальная картина. Удалось зафиксировать всего 5 рисунков (1 композиция из 7, опубликованных А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской) на единственной плоскости (рис. 7).

	Памятник							
	22. Титовская сопка	23. Сухотино-13	24. Сухотинский камень	25. Смоленские скалы	26. Дворцы	27. Шаман-гора	Гыршелунский камень	
Всего	17	2	5	12	15	73	40	
Нефигуративные изображения	2	2	0	7	6	22	17	
Антропоморфные фигуры	13	0	0	3	2	7	15	
Зооморфные (чертвероногие)	0	0	0	1	1	34	0	
Орнитоморфные фигуры	0	0	3	0	1	1	3	
Оградки	0	0	0	0	0	1	0	
Неопределимые	2	0	2	1	5	8	5	
Количество рисунков	0	50	0	50	0	50	0	50

Рис. 7. Общее количество основных сюжетов на памятниках Титовская сопка, Сухотино-13, Сухотинский камень, Смоленские скалы, Дворцы, Шаман-гора (Улан-Хада) и Гыршелунский камень

Fig. 7. Total amount of motifs recorded at the sites of Titovskaya sopka, Sukhotino-13, Sukhotinskiy kamen', Smolenskiye skaly, Dvortsy, Shaman-gora, and Gyrshelunskiy kamen'

25. Смоленские скалы. Писаница расположена в Читинском районе, в 12 км от пос. Смоленка. Памятник был известен краеведам с 1980-х гг., но был задокументирован только в 2009 г. Д. А. Пуховским¹. Зафиксировано 12 рисунков на единственной плоскости (рис. 7). Можно отметить, что рисунки довольно выцветшие и плохо различимы, частично повреждены из-за отслоения пигмента и самой плоскости.

26. Дворцы. Писаница расположена в Читинском районе, в 9 км от пос. Кадала. Памятник открыт туристами в 2016 г. Зафиксировано 15 рисунков на единственной плоскости (рис. 7). Рисунки выцветшие, плоскость местами имеет отслоения.

27. Шаман-гора (Улан-Хада). Писаница расположена в Хилокском районе, в 50 км от г. Хилок. Памятник открыт в 1996 г. Чикойской археологической экспедицией под руководством М. В. Константинова² [4; 5], и состоит из 5 пунктов. Зафиксировано 72 рисунка в 5 пунктах (рис. 7). В пункте 1 (грот) была произведена фотограмметрическая документация плоскости, на основе которой была построена 3D-модель. Далее из 3D-модели было получено общее изображение всей плоскости и затем обработано в программе DStretch. Данная методика позволила произвести более точную прорисовку изображений (рис. 8).

¹ Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – 368 с.

² Там же.

Некоторые рисунки довольно выцветшие и плохо различимы. Плоскости также пострадали от эрозии и отслоений.

28. Гыршелунский камень. Писаница расположена в Хилокском районе, в 7 км от г. Хилок. Памятник открыт в 1991 г. Чикойской археологической экспедицией под руководством М. В. Константинова. В 2008–2009 гг. писаница обследовалась сотрудниками Хилокского краеведческого музея В. Ф. Петровым и И. В. Петровым, в результате чего были выявлены новые группы рисунков³. Памятник представлен 2 пунктами. Нами проводилось обследование местонахождения совместно с В. Ф. Петровым и было зафиксировано 40 рисунков в 2 пунктах (рис. 7). Рисунки хорошей сохранности, однако подпорчены в 3 местах современными надписями, сделанными краской. Также отмечен рост лишайника поверх рисунков во втором пункте.

Ниже представлен список памятников наскального искусства, которые не удалось найти. Все эти памятники были открыты и исследованы А. И. Мазиным, который представил недостаточно точную информацию об их локализации [7]. Местонахождения расположены в Приаргунском и Борзинском районах:

1. Бараун-Кондуй II, пункт 1.
2. Кондуй, 16 км.
3. Цорон I.
4. Цорон II.

³ Там же.

Рис. 8. Шаман-гора (Улан-Хада), пункт 1 (грот). Прорисовка И. А. Пономарёвой
 Fig. 8. Shaman-gora (Ulan-Khada), location # 1 (grotto). Tracing by I. A. Ponomareva

5. Урулюнгуй II (в окрестностях пос. Урунлунгуй, в долине р. Урулюнгуй имеется только один скальный останец – писаница Урулунгуй I).

6. Урулюнгуй III (то же).

7. Калашниково.

8. Малый Улистай.

9. Дровяной.

10. Нортуй I (нами было обследовано 3 пади под названием Нортуй в Приаргунском районе и 1 падь с таким названием в Борзинском районе).

11. Нортуй II (то же).

12. Казачий I.

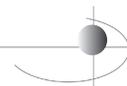
13. Казачий II.

14. Казачий IV.

Обсуждение результатов исследования. Большинство обследованных памятников связаны с эпохой поздней бронзы – раннего железного века и могут быть охарактеризованы в рамках «степного» стиля, выделен-

ного А. И. Мазиним [7, с. 112], который включает ряды антропоморфных фигур, оградок и группы точек и вертикальных линий. Выделено А. П. Окладниковым, в основном по материалам Бурятии, «селенгинской группой» [9], однако отличие состоит в том, что в Восточном Забайкалье гораздо реже встречаются изображения оградок – всего 9 из 890 общего количества рисунков (рис. 9).

Начало функционирования двух обследованных памятников, возможно, связано с эпохой финального плейстоцена – раннего голоцена – это Бырка и Шаман-гора. Такая датировка представляется более вероятной из-за представленных на писаницах образов – бизонов, вымирание которых произошло около 12–11 тыс. л. н., хотя разрозненные рефигиумы могли сохраняться до 9–8,5 тыс. л. н. [3]. Этот пласт изображений теперь пополнился ещё двумя памятниками. Была открыта писаница Старая Жила с един-

ственной фигурой быкообразного в «быркинском» стиле, и с помощью более точных методик документирования удалось выявить ещё одну фигуру в этом стиле на писанице Судун-

туй (рис. 6). Прорисовка изображений первого пункта Шаман-горы (грот) на основе современных методов документации позволила более детально проследить контуры фигур.

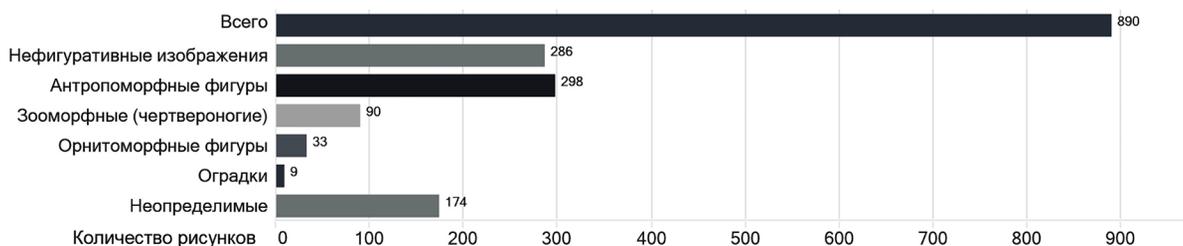

Рис. 9. Общее количество основных сюжетов, задокументированных на памятниках наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 г.

Fig. 9. Total amount of motifs recorded at rock art sites of Zabaikal'skiy kraj in 2017

Ещё одна группа памятников может быть охарактеризована как «таёжная», так как включает сцены с таёжной фауной: Бутиха, Борщовочный, Усть-Цорон, Шаман-гора (пункт 5). На основе раскопок жертвенников А. И. Мазин отнёс рисунки Бутихи к эпохе раннего неолита, а анималистические сцены Усть-Цорона к эпохе позднего неолита. Впрочем, на данный момент нет каких-либо данных для подтверждения или опровержения этой датировки.

Заключение. В заключение хотелось бы выразить обеспокоенность в связи с сохранением памятников наскального искусства Забайкалья. Некоторые из них могут оказаться древнейшими в Сибири, и имеются перспективы научно подтвердить их возраст. Однако есть обоснованные опасения, что эти уникальные памятники уже исчезнут к тому времени, когда до них в следующий раз доберутся исследователи.

Так, писаница Бырка, раскопки на которой дали потрясающий археологический материал и который мог бы быть использован для прямого датирования рисунков (радиоуглеродный анализ, сравнительный анализ пигмента, обнаруженного в культурных слоях с тем, которым нанесены рисунки на плоскостях), уже полностью разрушена вандалами, хотя имеет статус памятника природы. Ещё два памятника в этом же районе разрушены в результате деятельности человека – Урулюн-гуй I и Казачий III.

Представляется, что там, где писаницы соседствуют с людьми, они наиболее подвержены опасности. Так, три памятника наскального искусства в черте г. Читы почти полностью разрушены из-за деятельности человека – добыча камня, нелегальная свалка, жи-

лице бездомного, вандализм. Необходимо отметить, что все три местонахождения приурочены к Титовской сопке, которая является уникальным археологическим комплексом, где представлены археологические памятники со времён заселения Забайкалья человеком до позднего Средневековья¹. Этот комплекс мог бы стать объектом музеефикации и археопарком и рассказывать посетителям о многовековой истории края. Однако, несмотря на попытки археологов привлечь внимание общественности и государства на эту проблему, уникальный памятник археологии по-прежнему остаётся объектом вандализма.

Современные методики реставрации позволяют удалять вандалистские надписи, сделанные краской, однако они бессмысленны в применении, пока не имеется гарантий сохранности очищенных плоскостей [1]. Мировой опыт по сохранению и менеджменту памятников культурного наследия показывает, что памятники наскального искусства являются привлекательными туристическими объектами, так как они визуально рассказывают о древнем прошлом и, таким образом, имеют не только историко-культурную, но и эстетическую ценность [2; 13]. Так, музей-заповедник «Томская писаница» в Кемеровской области является одним из наиболее посещаемых музеев открытого типа в России [10]. Однако визуальная привлекательность как раз и является фактором, влияющим на подверженность древних наскальных изображений вандализму, поэтому необходима особая политика, направленная на сохранение памятников наскального искусства, пока ещё есть что сохранять [13].

¹ Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – 368 с.

Список литературы

1. Агеева Э. Н., Ребрикова Н. Л., Кочанович А. В. Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004. С. 116–122.
2. Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства. Изучение, сохранение, использование. М.: Науч. мир, 2002. 259 с.
3. Зарецкая Н. Е., Кобылкин Д. В., Косинцев П. А., Максимов Ф. Е., Рыжов Ю. В., Черных В. Н., Кузнецов В. Ю., Григорьев В. А. Новые данные о голоценовом возрасте бизонов (*Bison Priscus*) в Забайкалье // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы IX Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (г. Иркутск, 15–20 сент. 2015 г.). Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2015. С. 162–163.
4. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Красочное стадо бизонов в гроте Шаман-горы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 3. С. 45–49.
5. Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Шаман-гора // Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Чита: Экспресс-типография, 2003. С. 4–8.
6. Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.
7. Мазин А. И. Таёжные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. С. 260–260.
8. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. Ч. 1, т. 1. 220 с.
9. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. Ч. 2, т. 2. 264 с.
10. Русакова И. Д. Музей-заповедник «Томская писаница»: опыт презентации и сохранения петроглифов // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы, 2004. С. 140–144.
11. Федотов Р. Г., Мясников А. В. Древности земли Даурской // Нерчинский завод. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 53–59.
12. Юринская М. С. Петроглифы с Борщовочного хребта // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Рос. археолого-этнограф. конф. студ. и молодых учёных (РАЕСК-LVI). Чита: ЗабГУ, 2016. С. 238–239.
13. Rock Art: A Cultural Treasure at Risk / A. Neville et al. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 2015.

Статья поступила в редакцию 12.09.2018; принята к публикации 13.10.2018

Библиографическое описание статьи

Пономарева И. А. Исследование памятников наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 году // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 82–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-82-93.

Irina A. Ponomareva,

PhD Candidate,

Griffith University

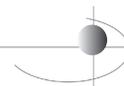
(Parkland Drive, Parkwood, Gold Coast, Queensland, 4215, Australia),

e-mail: irina.ponomareva@griffithuni.edu.au

A Rock Art Survey in Trans-Baikal Territory in 2017

This paper is a brief report on a field survey of rock art sites carried out by the author in June 2017. The fieldwork has been supported by Griffith University (Australia) and it is a part of the author's ongoing PhD project on the rock art of East Siberia (Neolithic-Bronze Age). The field research also included the Sakha Republic (Yakutia) and the Republic of Buryatia, although only the results of fieldwork in Trans-Baikal Territory are published in this paper. The novelty of this research is that for many decades, there has not been a rock art survey conducted on such a scale, resulting in documenting of 108 sites in three regions of Russia. The research on the Siberian rock art is highly relevant since rock art is a key to understanding prehistoric, as well as contemporary culture-historical and social events and processes. The fieldwork was focused on searching for and locating of known rock art sites. They were documented using modern non-invasive methods (description, GPS, photography, selectively – photogrammetry and plan drawing). As a result, 28 sites, including three new ones, were documented. In addition, new panels and paintings were discovered at the sites previously documented. The documentation of the sites also included preservation assessment and terrible conditions of some sites were noted. Some discoveries have been made which point to the importance of further research on possibly Palaeolithic rock art.

Keywords: rock paintings, rock art, rock art sites, Palaeolithic rock art, Selenga group, vandalism, preservation of historical-cultural heritage

References

1. Ageyeva, E. N., Rebrikova, N. L., Kochanovich, A. V. An account on conservation of the rock art of Siberia. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva tsentral'noy Azii. Obshchestvennoye uchastiye, menedzhment, konservatsiya, dokumentatsiya. Almaty, 2004: 116–122. (In Rus.)
2. Devlet, E. G. Rock art sites: the state of research, preservation, management. M: Nauchny mir, 2002. (In Rus.)
3. Zaretskaya, N. E., Kobylkin, D. V., Kosintsev, P. A., Maksimov, F. E., Ryzhov, Yu. V., Chernykh, V. N., Kuznetsov, V. Yu., Grigor'yev, V. A. New data on Holocene Age of Bison (Nison Proscus) in Transbaikalia. Fundamental'nyye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: Materialy IX Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda (g. Irkutsk, 15–20 sentyabrya 2015 g.). Irkutsk: Izdatel'stvo Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2015: 162–163. (In Rus.)
4. Konstantinov, M. V., Ekimova, L. V., Vereshchagin, S. B. A colorful herd of bison in the grotto of the Shaman-Mountain. Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Suzdale T. III. M: IA RAN, 2008: 45–49. (In Rus.)
5. Konstantinov, M. V., Konstantinov, A. V., Vasil'yev, S. G., Ekimova, L. V., Razgil'deyeva, I. I. Painted herd of bison in grotto of Shaman Mountain. Pod pokrovitel'stvom Bol'shogo Shamana: arkheologicheskoye puteshestviye po Zabaykal'yu Razgil'deyeva I. I. Chita: Izd-vo "Ekspress-tipografiya", 2003: 4–8. (In Rus.)
6. Mazin, A. I. Ancient sanctuaries of the Amur region. Novosibirsk: Nauka, 1994. (In Rus.)
7. Mazin, A. I. The Taiga rock art sites of the Amur region. Novosibirsk: Nauka, 1986: 260–260 (In Rus.)
8. Okladnikov, A. P., Zaporozhskaya, V. D. Petroglyphs of the Transbaikal. Part I. Leningrad: "Nauka", Leningradskoye otd-niye, 1969. (In Rus.)
9. Okladnikov, A. P., Zaporozhskaya, V. D. Petroglyphs of the Transbaikal. Part II. Leningrad: "Nauka", Leningradskoye otd-niye, 1970. (In Rus.)
10. Rusakova, I. D. Museum-preserve "Tomskaya pisanitsa": an account on presentation and preservation of petroglyphs. Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Tsentral'noy Azii. Obshchestvennoye uchastiye, menedzhment, konservatsiya, dokumentatsiya. Almaty, 2004. Pp.140–144. (In Rus.)
11. Fedotov, R. G., Myasnikov, A. V. Antiquities of Dauria. Nerchinskiy zavod – Chita: Izd-vo ZabGU, 2015. Pp. 53–59. (In Rus.)
12. Yurinskaya, M. S. Petroglyphs of the Borshchovochnyy ridge. Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovateley. Materialy LVI Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchennykh (RAESK-LVI). Chita: ZabGU, 2016. pp. 238–239. (In Rus.)
13. Neville, A., Deacon, J., Hall, N., Little, T., Sullivan, S., Taçon, P. S. C. Rock Art: A Cultural Treasure at Risk. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 2015. (In Engl.)

Received: 12 September 2018; accepted for publication October 13, 2018

Reference to the article

Ponomareva I. A. Rock Art Survey in Trans-Baikal Territory in June 2017 // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. Pp. 82–96. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-82-93.

УДК 902.2 (571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-94-104

Георгий Александрович Юргенсон¹,

*доктор геолого-минералогических наук, профессор,
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
(672000, Россия, г. Чита, ул. Недорезова, 16а),
e-mail: yurgga@mail.ru*

Павел Валерьевич Мороз²,

*кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: frostius.81@mail.ru*

Речные галечники и валунники Забайкалья как источники сырья в каменном веке³

Статья посвящена анализу распределения галечников и валунников основных речных систем Забайкальского края на предмет наличия горных пород, использованных для расщепления в индустриях каменного века региона. Изучены галечники чикойской, хилокской, ингодинской и ононской речных систем, включая притоки. В исследовании использовано 13 самостоятельных выборок объёмом от 100 до 1000 экз. Общее количество галек составило порядка 2500 экз. Выборки формировались в пределах галечных пляжей и кос по принципу от верхнего к нижнему течению. Причём, в случае наличия по течению важных объектов и комплексов памятников каменного века, приоритет отдавался именно этому району. Так, выборки были получены в непосредственной близости от Усть-мензинского и Студёновского археологических комплексов, стоянок Арта и Куналей. Результатом работы стал вывод о вспомогательном значении галечников и валунников рек для древних обитателей Забайкалья. Несмотря на однозначную важность валунника в качестве мануфактур, доля галечного сырья в технологии расщепления индустрий верхнего – финального палеолита на территории Забайкальского края относительно невелика. В ходе исследования определён круг наиболее технологически значимых горных пород, включающий халцедон, кремь, яшму, микрокварцит, микросланец, фельзит и роговик. Установлено полное отсутствие халцедона во всех речных системах, кроме ононской, и наличие яшм рябиновской серии во всех реках, кроме Хилка, так как её источник связан с районом их истока.

Ключевые слова: петроархеология, источники сырья, каменный век, Забайкалье, речные галечники, валунники

Введение. Речные галечники и валунники как источники минерального сырья для производства каменных орудий традиционно использовались человеком в каменном веке. Это происходило на протяжении всех его этапов и имело место по всей человеческой ойкумене, начиная с нижнего палеолита [4, с. 227–307], где на территории Северной, Центральной, Средней Азии, Монголии и Китая распространяются галечно-отщеповые индустрии [9, с. 70; 5, с. 178–238; с. 442–467], базирующиеся на применении в качестве сырьевого субстрата галечного сырья. Подобная «популярность» галечников не случайна и основана на его важных технологических свойствах. Понятие «технологичность» сырья выдвинуто и обосновано авторами в более ранних работах [12].

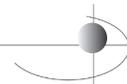
В случае отсутствия в регионе коренных выходов горных пород с достаточной технологичностью, т. е. их петрофизические характеристики либо их физическое состояние (внутренняя трещиноватость, секущие прожилки и т. д.) не позволяют эффективно их расщеплять и изготавливать каменные орудия, галечники становятся реальной альтернативой горным породам в коренном залегании. В пользу галечного сырья в подобном случае свидетельствует ряд факторов.

Во-первых, водные потоки, прежде всего, крупные реки, имеющие большое количество притоков со значительной площадью водосбора, переносят обломочный материал на десятки, а в некоторых случаях, сотни километров. При этом создаётся возможность прорезать различные по генезису и возрасту

¹ Г. А. Юргенсон – основной автор, определяет научную концепцию, методы исследования, проводит полевые, камеральные работы.

² П. А. Мороз определяет научную концепцию, методы исследования, проводит полевые, камеральные работы, оформляет статью.

³ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 16-06-00003 «Источники минерального сырья в каменном веке Забайкалья: минералого-геохимические критерии и геолого-археологическое картирование».

горные породы, которые в виде обломочного материала поступают в речной поток, формируя широкий спектр сырья, отлагающегося в виде галечника и валунника на речных косах. В случае наличия достаточной живой силы реки этот обломочный материал может переноситься на десятки и сотни километров на территории с иными коренными выходами, создавая дополнительный выбор сырья для человеческих коллективов.

Во-вторых, в ходе перемещения в водном потоке обломочный материал подвергается различным физическим воздействиям (волочение, перекачивание, сальтация и шлифовка). Это позволяет естественным путём выявить внутренние микротрещины и каверны в каждой отдельности сырья, при этом пронизанные микротрещинами, прожилками и кавернами части под воздействием физических процессов откалываются, формируя цельную внутри гальку или валун. Тем самым, галечник и валунник, прошедший длительный водный перенос, представляют собой отсортированное, лишённое внутренних дефектов сырьё, вполне пригодное для обработки с использованием технологий расщепления, начиная с уровня нижнего палеолита. Об этом ярко свидетельствуют различные галечные технологии, известные во всех регионах мира.

В Забайкалье с его развитой речной сетью, сформированной в среднем мезозое, находится значительное число рек с различной живой силой и скоростью течения, которые прорезают территории, сложенные разнообразными горными породами, и транспортируют продукты их эрозии. Поэтому галечник и валунник традиционно являлись частью палеоландшафтов Забайкалья и, безусловно, попадали в поле зрения человеческих коллективов. Галечники и валунники в виде руслового аллювия формировали основание многочисленных речных террас и террасоувалов Забайкалья как в его западной, так и в восточной и северной частях. Ввиду того, что древние коллективы традиционно проживали в непосредственной близости от рек, галька и валуны всегда находились в непосредственном доступе и служили в качестве источников сырья для производства орудий и манупортов.

Исследователи каменного века региона однозначно подтверждают этот факт. Так, М. В. Константинов при характеристике индустрии памятников Толбага и Куналей, [3, с. 28, 39, 50, 63; 7] отмечает преобладание галечника в качестве сырьевой основы для расще-

пления. Отдельного упоминания заслуживает валунник, активно применявшийся в качестве манупортов и строительного материала для жилищ. Из более чем пятидесяти известных на настоящее время остатков структур обитания [6, с. 210] подавляющее большинство изготовлено из крупного валунника. По данным А. В. Константинова, они имеют размеры камней, которые «редко превосходят параметры в 40 см» [6, с. 148]. Следует отметить, что валунник в качестве обкладки очагов и жилищных конструкций использовался не всегда. Так, на Санном Мысе, Толбаге, Варваринной Горе в качестве строительного материала в основном использованы не окатанные обломки коренных горных пород, а глыбы из коренных выходов. В стоянках, расположенных на берегу рек и в близости от коренных выходов горных пород (Сухотинская группа памятников, Ошурково, Амогolon), человеком для обкладки жилищ и очагов применялись как валуны, так и коренные блоки материала. Несмотря на это исключение, в памятниках поздней поры верхнего – финального палеолита Западного Забайкалья доминирует речной валунник [8].

На территории Восточного Забайкалья галечники и валунники также активно использовались [13, с. 13]. Они применялись в качестве строительного материала на стоянке и как сырьевая основа для производства каменных орудий и сколов. При этом существенно важным является качество используемых горных пород. Если в случае строительного материала для структур обитания качество горной породы не имеет значения, а больше важен размер отдельности, то для производства каменных орудий фактор «качества» выходит на первое место. Подобный вопрос неоднократно поднимался в публикациях авторов [10; 11; 12], тем не менее, до сих пор отсутствует сравнение сырьевых возможностей галечников и валунников рек Западного и Восточного Забайкалья на предмет качественного состава слагающих галечные пляжи горных пород. Поэтому изучение галечников как возможных источников сырья, используемого в эпоху каменного века, крайне актуально для территории региона.

Методология и методы исследования.

Анализ обломочных материалов в геологии подразумевает, прежде всего, исследование размеров, петрографического состава, а также окатанности отдельностей [1, с. 3]. В геологической литературе в настоящее время есть значительное число работ, посвящённых методике анализа обломочных материалов [2;

14], но все они предназначены для решения сугубо геологических задач или для оценки их как строительного сырья. Поэтому, начиная петроархеологические исследования на территории Забайкалья, авторы столкнулись с проблемой адаптации геологической методики к археологическим реалиям. В нашем случае главной задачей являлось соотношение петрографического состава галечников и валуников с перечнем горных пород, используемых в качестве сырья для производства

орудий и заготовок, а также выявление меры его распространённости. Для её решения выполнены нижеперечисленные работы.

1. Сборы галечников проводились в районах расположения выявленных опорных памятников каменного века и известных археологических комплексов как Западного, так и Восточного Забайкалья по магистральным рекам Забайкалья, таким как Чикой, Хилок, Ингода и Онон, а также их крупным притокам, показанным на рисунке.

Условные обозначения к карте		
△	– поселения и стоянки	1
☆	– археологические комплексы	2
○	– халцедон, опал, агат	3
■	– яшма, яшмоид	4
		5
		6
		7
		8
		9

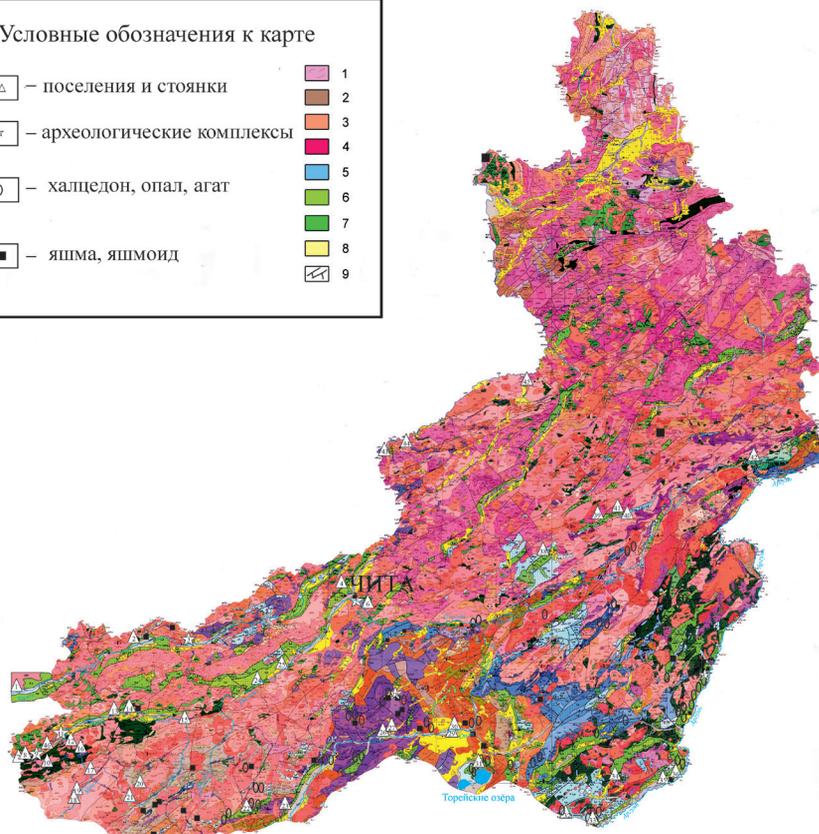

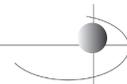
Рисунок. Карта памятников каменного века Забайкалья в контексте размещения вулканогенного сырья.

Основные памятники каменного века открытого типа (поселения, стоянки, мастерские) (сост.

- Г. А. Юргенсон, П. В. Мороз): 1 – Куналей; 2 – Толбага; 3 – Мастеров Ключ; Мастерова Гора; Устье Гыршелунки; 4 – Дворцы; 5 – Сухотинский археологический комплекс; 6 – Александровка; 7 – Караульная Гора; 8 – Читкан; 9 – Студёновский археологический комплекс; 10 – Мельничное 1, 2; 11 – Усть-Мензинский археологический комплекс; 12 – Косая Шивера; 13 – Усть-Аца; 14 – Фомичёво; 15 – Коврижка; 16 – Алтай; Нижняя Еловка 1, 2; 17 – Усть-Буркал; 18 – Усть-Шонуй; 19 – Солонцовые 1, 2; 20 – Шебеты; 21 – Исток Буркала; 22 – Шивичи-1, Дальние Шивичи; 23 – Торбальджей; 24 – Танга; 25 – Арта; 26 – Амогolon; 27 – Ножий; 28 – Сахюртинский археологический комплекс; 29 – Икарал; 30 – Чиндант; 31 – Торейское; 32 – Нагадан; 33 – Абагайтуй; 34 – Берёзовая Грива 1, 2; 35 – Канга; 36 – Дурой; 37 – Комплекс археологических памятников Яшмовая Гора; 38 – Утан; 39 – Аксёново-Зиловское; 40 – Талакан; 41 – Ундурга; 42 – Усть-Чёрная; 43 – Усть-Юмурчен; 44 – Усть-Янтала; 45 – Усть-Каренга; 46 – Приисковое

Figuer. Map of monuments of the Stone Age of Transbaikalia in the context of the location of volcanogenic raw materials. The main monuments of the open-type stone age (settlements, camps, workshops) (compiled by

- G. A. Yurgenson, P. V. Moroz): 1 – Kunalei; 2 – Tolbaga; 3 – Masters Key; Masters Mountain; Mouth Gyrshelunki; 4 – Palaces; 5 – Sukhota archeological complex; 6 – Aleksandrovka; 7 – Karaulnaia Gora; 8 – Chitkan; 9 – Studenovskiy archeological complex; 10 – Mill 1.2; 11 – Ust-Menzinsky archaeological complex; 12 – Slanting Shivera; 13 – Ust-Atsa; 14 – Fomichyovo; 15 – Gingerbread; 16 – Altai, Lower Elovka 1, 2; 17 – Ust-Burkal, 18 – Ust-Shonui, 19 – Solontsova 1, 2; 20 – Shebety; 21 – Istok Burkala; 22 – Shivichi-1; Dalniy Shivichi; 23 – Torbaljey; 24 – Tanga; 25 – Arta; 26 – Amogolon; 27 – Nozhii; 28 – Sakhyurtinsky archaeological complex; 29 – Ikrall; 30 – Chindant; 31 – Toreyskoye; 32 – Nagadan; 33 – Abaghaytuy; 34 – Birch Mane 1, 2; 35 – Kang; 36 – Duroy; 37 – The complex of archaeological monuments Yashmovaya Mountain; 38 – Utan; 39 – Aksenov-Zilovskoye; 40 – Talakan; 41 – Undurga; 42 – Ust-Chernaya; 43 – Ust-Yumurchen; 44 – Ust-Yantala; 45 – Ust-Karenga; 46 – Periscope

2. В ходе работ было установлено, что баланс горных пород галечников за финал плейстоцена – голоцен не изменился. Поэтому для эпохи верхнего – финального палеолита одинаково информативны как ископаемые галечники надпойменных террас, так и современные голоценовые галечные пляжи, на изучение которых и был сделан упор.

3. Площадь сбора галечника и валунника варьировалась от 100 до 500 м², в зависимости от плотности галечного материала на дневной поверхности, количество единиц в выборке варьировалось от 100 до 1000 единиц.

4. При формировании выборки использовались отдельности размерами от 4 до 20 см по длинной оси (в случае миндалин халцедона – от 3 см). Подобная размерность обусловлена метрическими параметрами каменных индустрий верхнего палеолита – неолита, выявленными археологами на территории Забайкалья к настоящему времени. Наиболее мелкая фракция в выборках связана с халцедоном, кремнем и яшмой и представлена размерностью 3–6 см по длинной оси. Яшма является исключением для ряда выборок, т. к. были встречены некоторые экземпляры в размерной категории валунника. Остальные горные породы отбирались как во фракции галечников, так и валунников. За границы категорий принят традиционный размер 100 мм по длинной оси. Таким образом, в исследовании приняли участие средне- и крупноразмерный галечник, а также

мелкий валунник размерами от 100 до 200 мм.

5. Коэффициент окатанности оценивался по шкале Хабакова, где за 0 принимались остроугольные обломки, а за 4 – хорошо окатанные отдельности, по своей форме приближающиеся к сфероиду.

6. Петрографический анализ материалов выполнен одним из авторов с использованием тринокулярного микроскопа «Микромед MC2 Zoom 2CR».

Результаты исследования. Главной задачей исследования являлось изучение петрографического состава галечников различных водных бассейнов как Западного, так и Восточного Забайкалья. Поэтому географически были выбраны основные водные артерии и их главные притоки, в результате чего было сформировано 13 независимых выборок галечников и валунников со следующих рек: Чикой (с притоком Менза) – 3 выборки; Хилок (с притоком Гыршелунка) – 3 выборки, Ингода – 3 выборки, Онон (с притоками Кыра и Акша) – 4 выборки. Общее количество галечников/валунников, обработанных в ходе исследования, составило порядка 2500 экз. Средняя плотность выборки составила порядка 130–150 экз., кроме пробы в устье Мензы, которая явилась самой многочисленной и составила порядка 1000 экз.

Данные представлены по речным системам от верхнего к нижнему течению. Координаты места сбора выборок в системе WGS-84 (GPS) (табл. 1).

Таблица 1

Чикойская речная система

№	Село Барахоево N 50°25'18,2» E108°55'13,4»	Кол-во экз.	№	Устье р. Менза N 50°13'35,16» E108°37'09,34»	Кол-во экз.	№	Ручей Студёный N 50°03'35,50» E108°15'13,8»	Кол-во экз.
1	Разгнейсованные граниты	3	1	Гранодиорит	62	1	Обломки гнейсов	13
2	Лампрофиры	34	2	Микросланец	97	2	Обломки ближе не определенных гидротермально изменённых пород	14
3	Мелкозернистые метаморфизованные песчаники	7.	3	Сланец	28	3	Обломки лампрофиров	47
4	Мелкозернистый серый гранит-порфир	1	4	Гранит	132	4	Обломки диоритов	13
5	Серый дацитовый порфир	14	5	Гнейс	6	5	Обломки гранодиоритов	4
6	Мелкозернистый гранит-порфир	2	6	Микрогнейс	78	6	Граниты	11
7	Аплит	4	7	Кварц	40	7	Дацитовый порфир	1
8	Трахилипарит	6	8	Металесчаник	105	8	Ороговикованный микросланец	1
9	Ороговикованные микросланцы	51	9	Пегматит	6	9	Тонко-мелкозернистый гранит-порфир	6

Окончание табл. 1

№	Село Барахоево N 50°25'18,2» E108°55'13,4»	Кол-во экз.	№	Устье р. Менза N 50°13'35,16» E108°37'09,34»	Кол-во экз.	№	Ручей Студёный N 50°03'35,50» E108°15'13,8»	Кол-во экз.
10	Граниты мелко-средне-зернистые	78	10	Кварцит	15	10	Мелкозернистый серый кварц	1
11	Слюдисто-кварц-полевошпатовый пегматит	3	11	Лампрофир	30	11	Породы сложного состава	8
12	Трахит	2	12	Метапесчаник с обособленными выделениями кварца	229			
13	Яшмоид рябиновской свиты	2	13	Микрокварцит	36			
14	Жильный кварц	12	14	Яшма	26			
15			15	Породы сложного состава	110			
	ИТОГО	219		ИТОГО	1000 экз.		ИТОГО	119

В табл. 1 фигурируют данные по чикой-ской речной системе, представленной тремя выборками. Первая по течению реки связана с галечниками напротив села Барахоево, собранными на обширном галечном пляже. Галечник отличается высокой степенью окатанности (3–4 по шкале Хобакова) с преобладанием миндалевидных и каплевидных галек средними размерами 8–10 см, доля валунника в выборке 15–20 %. Выборка включает 14 наименований горных пород.

Вторая выборка сделана непосредственно вблизи памятников Усть-Мензинского археологического комплекса, на современном галечном пляже. Она наиболее многочисленна и представительна, включает в себя

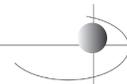
15 наименований горных пород. Галечник также имеет относительно высокую степень окатанности, равную 2–4 единицам, но на этом фоне присутствуют остроугольные обломки с окатанностью 0. Доля валунника в выборке составляет до 30 %.

Третья выборка сделана непосредственно ниже бара ручья Студёный, близ Студёновского археологического комплекса. По количеству выявленных горных пород это наименее представительная выборка, в то время как доля валунника составила до 35 % от общего числа, а степень окатанности галечника и валунника в основном находился в районе 1–2 единиц. Выборка включает 11 наименований горных пород (табл. 2).

Таблица 2

Хилокская речная система

№	Устье р. Гыршелунка N 51°23'59,9» E110°39'31,5»	Кол-во экз.	№	Станция Толбага N 51°11'58,4» E109°18'43,2»	Кол-во экз.	№	Село Куналей N 50°36'44,0» E107°49'41,3»	Кол-во экз.
1	Серо-лиловые яшмоиды по эффузивам, гидротермальные	2	1	Биотитовый гранит разной текстуры и структуры, не пригодный для расщепления	49	1	Лампрофир	14
2	Тонкозернистый полосчатый массивный с раковистым изломом яшмоид	14	2	Мелкозернистые окварцованные граниты	3	2	Аплиты порфиоровидные желтовато-серые	21
3	Миндалекаменный фельзит-порфир	14	3	Мелкозернистые гранодиориты	5	3	Дациит	4
4	Кварцевый альбитофир	8	4	Слюдисто-кварц-полевошпатовые гранитогнейсы	4	4	Андезидацит	13
5	Кварцевый альбитофир с серой основной массой	5	5	Аплиты и аплитовидные граниты	10	5	Трахидациит	20
6	Фельзиты	6	6	Тёмно-серый среднезернистый биотитовый гнейс	1	6	Мелкозернистый гранодиорит	2
7	Лампрофиры	18	7	Серые, лиловато-серые, яшмоиды низкого качества	9	7	Микрогранодиорит-порфир серого цвета	28
8	Микродиориты	4	8	Гранодиорит-порфиры и дацитовые порфиры	9	8	Тёмно-серый микрогранодиорит-порфир высокого качества	24

9	Эффузивы неопределимые	8	9	Окварцованная кварц-полевошпатовая порода с пиритом	1	9	Роговик тёмно-серый высокого качества	1
10	Обломки гранитоидов	21	10	Кварцевый порфир	1	10	Граниты	63
			11	Кристаллическизернистый жильный кварц	5	11	Яшмоид	2
			12	Микрокварцит	1	12	Биотит-роговообманковый гранодиорит	1
			13	В разной степени окварцованные кварц-полевошпатовые горные породы	10	13	Жильный кварц	2
			14	Мелкозернистый существенно кварцевый песчаник	1			
	ИТОГО	100		ИТОГО	109		ИТОГО	195

В табл. 2 фигурируют данные по хилокской речной системе, представленной 3 выборками. Первая выборка связана с устьем реки Гыршелунка в Хилокском районе Забайкальского края и одноимённым памятником среднего палеолита поверхностного залегания. Обращает на себя факт значительного количества валунника, т. е. отдельность более 10 см по длинной оси выше 40 %. Тем самым подобный сырьевой субстрат вполне подходил для обработки среднепалеолитическими технологиями расщепления. Галечник и валунник имеет степень окатанности – 2–3 единицы, отдельности каплевидные, напоминающие по форме крупные клубни картофеля. Включает 10 наименований горных пород.

Вторая выборка представлена материалом, собранным на станции Толбага, в 800 м

от одноимённого памятника верхнего палеолита. Доля валунника в выборке близка к 0. Галечник мелкий с размерами до 7 см по длинной оси, крайне низкого качества со степенью окатанности 2–3 единицы. Включает 14 наименований горных пород.

Третья выборка сделана близ села Куналей в Республике Бурятия, в непосредственной близости от одноимённого памятника верхнего палеолита. Доля валунника составила более 40 % от выборки. Галечник и валунник средней степени окатанности, однако, встречены слабоокатанные и неокатанные отдельности. Среди перечня горных пород выявлено технологичное сырьё, в том числе активно использованное в индустрии памятника. Выборка включает 13 наименований горных пород.

Таблица 3

Ингодинская речная система

№	Село Арта N 51°16'57,2» E112°23'52,5»	Кол-во экз.	№	Г. Чита, у устья р. Жирейка N 51°58'40,63» E113°18'18,83»	Кол-во экз.	№	Исток р. Шилка N 51°42'11,92» E115°50'15,8»	Кол-во экз.
1	Ороговикованные тонкозернистые песчаники и микросланцы	42	1	Лилово-красный яшмоид с гнездами и прожилками кварца, содержит сульфиды	7	1	Мелко-среднезернистые биотитовые и двуслюдяные граниты	26
2	Лампрофиры	17	2	Серо-лиловые яшмоиды	5	2	Жильный кварц мелко-среднезернистый	11
3	Трахиты	2	3	Гранодиорит-порфиры	4	3	Белый до светло-серого халцедоновидный кварц	3
4	Липариты порфириковой структуры с вкраплениями кварца и полевого шпата	3	4	Серый полевошпатовый гранодиорит-порфир	1	4	Гранодиорит-порфир частью дацитовый порфир	9
5	Интенсивно окисленные и катаклазированные лампрофиры	15	5	Микрогранодиорит	2	5	Мелко-среднезернистый окисленный аплитовидный гранит переходный к гранодиориту	20
6	Средне-крупнозернистый жильный кварц	5	6	Лампрофиры малхиты	6	6	Мелкозернистый лампрофир	6
7	Серый халцедоновидный кварц	1	7	Альбитизированные граниты с признаками редкометалльного оруденения	29	7	Микросланец кварцево-полевошпатовый	2

Окончание табл. 3

№	Село Арта N 51°16'57,2» E112°23'52,5»	Кол-во экз.	№	Г. Чита, у устья р. Жирейка N 51°58'40,63» E113°18'18,83»	Кол-во экз.	№	Исток р. Шилка N 51°42'11,92» E115°50'15,8»	Кол-во экз.
8	Мелко-среднезернистые граниты в разной степени катаклазированные	24	8	Дацитовый порфир с вкрапленниками полевого шпата	3	8	Ороговикованный микросланец, преимущественно слюдисто-полевошпатово-кварцевый	17
9	Альбитизированный кварц-полевошпатовый пегматит (гранитный пегматит)	1	9	Изменённые мелкозернистые граниты с признаками редкометалльного оруденения	6	9	В разной степени катаклазированный, иногда с микрогнейсовой структурой мелко-среднезернистый гранит	8
10	Серо-лиловый яшмоид метаморфогенный	5	10	Аляскитовый гранит	1	10	Серый до красновато-серого яшмоид от микро- до мелкозернистой структуры	10
11	Яшмоид гидротермальный, вулканогенный	2	11	Серый пятнистый тонкозернистый существенно кварцевый агрегат	2			
12	Тёмно-серый тонко-мелкозернистый существенно кварцевый агрегат	1	12	Обломки кварца разной структуры и состава	2			
13	Жильный кварц с содержанием обломков слюдисто-кварц-полевошпатового сланца	1	13	Халцедоновидный кварц	1			
14			14	Кристаллическизернистый кварцевый агрегат	9			
			15	Серо-зелёный мелкозернистый лампрофир	3			
			16	Кварцево-биотитовый роговик	2			
			17	В разной степени ороговикованные тонко-мелкозернистые породы биотит-полевошпатово-кварцевого состава	31			
	ИТОГО	119		ИТОГО	114		ИТОГО	112

В табл. 3 фигурируют данные по ингодинской речной системе, представленной 3 выборками. Первая выборка сформирована в непосредственной близости от стоянки палеолита Арта-2. Доля валунника не превышает первых процентов. Окатанность галечников высокая – 2–4 единицы по шкале Хабакова. Качество горных пород от среднего до плохого. Выборка включает 13 наименований горных пород.

Вторая выборка сделана напротив пригорода г. Читы пос. Восточный, близ устья р. Жерейка, впадающей в р. Ингода на ингодинском галечном пляже. По количеству выявленных горных пород эта выборка самая многочисленная и включает 17 видов горных пород, подавляющее большинство из которых имеет низкие технологические характеристики. Доля валунника 15–20 %, окатанность горных пород довольно высокая, встречаются отдельные отдельности 4-й степени окатанности.

Материал третьей выборки собран в месте слияния р. Ингода и р. Онон. Характер га-

лечников во многом напоминает предыдущую выборку. Количество валунника составляет порядка 20 % от общего числа экземпляров, окатанность – 2–3 единицы по шкале Хабакова. Технологичность горных пород низкая, за исключением кирпично-красной яшмы. Выборка включает 10 наименований горных пород.

В табл. 4 фигурируют данные по ононской речной системе, представленной 4 выборками. Наиболее «верхняя» по течению выборка сформирована на крупном левом притоке Онона – реке Кыра. Материал отбирался на галечном пляже близ автомобильного моста через р. Кыра, в 8 км от с. Кыра и 25 км от впадения реки в р. Онон. Доля валунника в выборке составила до 35–40 % от общего числа. Степень окатанности горных пород составила 2–3 единицы. Из наиболее технологичных горных пород следует выделить яшму от кирпично-красного до лилового цвета. Выборка включает 13 наименований горных пород.

Ононская речная система

№	Р. Кыра N 49°38'15,68" E 111°45'27,97"	Кол-во экз.	№	Село Ульхун-Партия N 49°48'19,0" E 112°45'59,44"	Кол-во экз.	№	Село Акша N 50°17'08,74" E 113°16'12,19"	Кол-во экз.	№	Село Нижний Цасучей N 50°31'07,7" E 115°02'02,84"	Кол-во экз.
1	Микросланцы слюди-сто-кварц-полевошпатовые	34	1	Буровато-красный среднезернистый морионовый гранит	12	1	Гранодиорит-порфир переходный к дацитовому порфиру	9	1	Гранодиорит-порфир	3
2	В разной степени ороговикованные горные породы	48	2	Мелко-среднезернистые катаклазированные двуслюдяные граниты	7	2	Лампрофиры	10	2	Лампрофиры	9
3	Серо-лиловый яшмоид рябиновской свиты	9	3	Мелко-среднезернистые альбитизированные граниты	13	3	Слабо ороговикованный микросланец	6	3	Слабо ороговикованный микросланец	3
4	В разной мере изменённые лампрофиры	12	4	Гранодиорит-порфир	4	4	Ороговикованный микросланец	17	4	Ороговикованный микросланец	15
5	Мелкозернистый биотитовый гранит	3	5	Лампрофир	1	5	Лилово-серый и лилово-красный яшмоид	8	5	Метаморфизованный песчаник	12
6	Гранодиоритпорфир	4	6	Альбитофир	1	6	Метаморфизованный песчаник	15	6	Жильный кварц	7
7	Халцедоновидный кварц	1	7	Тонкозернистый слоистый песчаник	1	7	Жильный кварц	7	7	Среднезернистые двуслюдяные граниты	45
8	Крупнозернистый льдистый кварц	1	8	Слоистый яшмоид, содержащий слои среднезернистого кварца	1	8	Среднезернистые двуслюдяные граниты	42	8	Типичный прозрачный халцедон	32
9	Мелкозернистый жильный биотитовый гранодиорит	6	9	Тонко-мелкозернистые лампрофиры	12	9	Халцедон прозрачный	16	9	Яшмоид	1
10	Гранит	13	10	Ороговикованные микросланцы слюдиристо-кварцевого состава	28	10	Халцедон непрозрачный	2	10	Халцедоновидный кварц	1
11	Окварцованный гранит	2	11	Тонкозернистые существенно кварц-полевошпатовые ороговикованные песчаники	5	11	Песчаник с кольцами Лизе-ганга	1	11	Буровато-рыжий кремль	18
12	Среднезернистый гранитогнейс	1	12	Жильный кварц	6						
13	Породы преимущественно кварц-полевошпатового состава	8.	13	Яшмоид рябиновской свиты	13						
	ИТОГО	142	14	Халцедоны	11						
				ИТОГО	115		ИТОГО	133		ИТОГО	146

Вторая выборка сформирована на галечном пляже, на левом берегу р. Онон в 3 км от с. Ульхун-Партия. Валунник полностью отсутствует. Степень окатанности галечного материала высокая и составляет 3–4 единицы. Впервые в выборке присутствует халцедон. Включает 14 наименований горных пород.

Третья выборка сформирована на правом берегу р. Онон близ с. Акша. По характеру выборка напоминает предыдущую, валунник практически отсутствует, доля халцедона 1–2 % от выборки. Она включает 11 наименований горных пород.

Четвёртая выборка получена близ с. Нижний Цасучей, с правобережного галечного пляжа р. Онон, у автомобильного моста. Характер горных пород, степень окатанности и петрографический состав во многом напоминает предыдущую выборку как малым количеством валунника, так и долей халцедона и кремня в выборке. Она включает 11 наименований горных пород.

Заключение. В ходе петрографического анализа валунно-галечного материала выборок получена информация, во многом скорректировавшая представление о роли галечников как источника сырья в каменном веке Забайкалья. Первым и важнейшим из них является то, что *галечники на территории Забайкальского края не являются важным источником сырья для производства каменных орудий в каменном веке, а носят только вспомогательный характер.* Этот вывод основывается на подсчёте количества использованных горных пород в памятниках каменного века региона и их наличии в галечниках основных речных систем. По полученным данным, к подобным горным породам следует отнести: халцедон, кремень, яшму, микрокварцит, микросланец, фельзит и роговик. Доля этих горных пород в выборках мала и совокупно не превышает 2 %. При этом халцедон в галечниках присутствует *только в пределах ононской речной системы.* В галечниках рек Западного Забайкалья и ингодинской речной системы халцедон не выявлен, но присутствует халцедоновидный кварц. В то же время в памятниках поздней поры верхнего – финального палеолита Западного Забайкалья именно халцедон является доминирующим сырьём при производстве микропластинок [15].

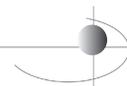
Отдельного внимания заслуживает распространение яшмы рябиновской свиты. Источник этого сырья расположен в пределах Зачикойской горной страны, откуда

она попадает одновременно в чикойскую, мензинскую, ингодинскую и ононскую речные системы. Данная яшма имеет цвет от ярко-красного до тёмно-лилового и размеры отдельностей от 3 до 9 см по длинной оси. При этом технологичность этого сырья средняя и ниже средней, так как отдельности горной породы пронизаны прожилками кварца и микротрещинами. Это существенно снижает петрофизические свойства данного сырья. В верхнем течении хилокской речной системы выявлены серо-лиловые гидротермальные по эффузивам и полосчатые массивные яшмоиды высокого качества. Они залегают в виде галечника и валунника р. Гыршелунка. Это высококачественное сырьё с размерами 7–10 см и более по длинной оси, полностью пригодное для производства каменных орудий крупных размеров.

Наиболее качественные тёмно-серые роговики размерами свыше 10 см выявлены в валуннике у с. Куналей. Они же выявлены и в индустрии памятника. Микрокварциты и микросланцы в большинстве выборок единичны. В наибольшем количестве эти горные породы представлены в галечниках р. Менза, а также активно использовались в индустрии усть-мензинских памятников.

Отдельного внимания заслуживает распределение валунника. Именно валунник является основным источником манупортов (обкладок структур обитания и очагов) на памятниках Западного Забайкалья. Яркими примерами являются Усть-мензинский и Студёновский археологические комплексы, а также Куналей. Все эти памятники расположены на несколько сот метров ниже выходов коренных пород, которые и являлись источником обломочного материала низкой и средней степени окатанности, активно использовавшегося древним человеком. В случае мензинских памятников степень окатанности несколько выше, т. к. валунник перемещался с более высоких уровней и поступал в р. Менза из баров ручьёв на протяжении нескольких десятков километров, в Студёновском комплексе наиболее окатанные валуны поступали от альбитуйского прижима, проходя путь порядка 10 км. На Куналее окатанность валунника не превышает 2 единиц, и он имеет явно местное происхождение и связан с Кукуйской сопкой.

Таким образом, галечник и валунник рек Западного и Восточного Забайкалья разнообразно использовался древним населением региона, но не был доминирующим видом сырья.

Список литературы

1. Борсук О. А. Анализ щебнистых отложений и галечников при геоморфологических исследованиях (на примере Забайкалья). М.: Наука, 1973. 112 с.
2. Воскресенский И. С. Анализ щебнисто-галечного материала для целей определения генезиса рыхлых осадков // Вестник МГУ. 1980. № 4. С. 75–79.
3. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья / Д.-Д. Б. Базаров [и др.]. Новосибирск: Наука, 1982. 163 с.
4. Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 612 с.
5. Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 2. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 884 с.
6. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
7. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Чита; Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. 180 с.
8. Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Тяжёлый Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: ЗабГУ, 2016. 247 с.
9. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / Л. В. Лбова [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.
10. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: Экспресс-изд-во, 2014. 181 с.
11. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2015. С. 184–188.
12. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. 2016. № 1. С. 65–76.
13. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
14. Хабаков А. В. Об индексах окатанности галечников // Советская геология. 1948. № 10. С. 98–99.
15. Moroz P., Yurgenson G. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia) // ERAUL. 2014. № 140. Pp. 94–107.

Статья поступила в редакцию 10.09.2018; принята к публикации 30.09.2018

Библиографическое описание статьи

Юргенсон Г. А., Мороз П. В. Речные галечники и валунники Забайкалья как источники сырья в каменном веке // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 94–1047. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-94-104.

Georgy A. Yurgenson¹,

*Doctor of Geology and Mineralogy, Professor,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(16 A Nedorezova st. Chita, 672000, Russia),
e-mail: yurgga@mail.ru*

Pavel V. Moroz²,

*Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: frostius.81@mail.ru*

The River Pebbles and Boulders of Transbaikalia as Sources of Raw Materials in the Stone Age³

The article is devoted to the analysis of the distribution of pebbles and boulders of the main river systems of the Transbaikal region for the presence of rocks used for flaking in the Stone Age industries of the region. Pebbles of the Chikoy, Khilok, Ingodin and Onon river systems, including tributaries, have been studied. The study used 13 independent samples with a volume of 100 to 1000 specimens. The total number of pebbles was about 2500 speci-

¹ G. A. Yurgenson main author: the definition of scientific concepts, research methods, conducting field, laboratory works.

² P. A. Moroz: the definition of scientific concepts, research methods, conducting field, laboratory works, preparation of the manuscript.

³ The work was supported by Russian Foundation for Basic Research, project 16-06-00003. "The raw materials sources in the Stone Age of Trans-Baikal region: mineralogical and geochemical criteria, geological and archaeological mapping".

mens. Samples were formed within pebble beaches and braids on the principle from the upper to the lower stream. Moreover, in the event that important objects and complexes of the Stone Age sites are present, priority was given to this particular area. Thus, the samples were obtained in the immediate vicinity of the Ust-Menzinsky and Studenovsky archaeological complex, Arta and Kunaley sites. The result of the work was a conclusion about the auxiliary value of pebbles and boulders of rivers for ancient inhabitants of Transbaikalia. Despite the unequivocal importance of the boulder as manuports, the share of pebble raw materials in the flaking technology of the Upper and Final Paleolithic industries in the territory of the Transbaikalia is relatively small. In the course of the study, a range of the most technologically significant rocks was determined, including chalcedony, flint, jasper, microquartzite, microshale, petrosilex and hornfel. The complete absence of chalcedony in all river systems, except for the Onon system, and the presence of jasper of the ryabinovskaya series in all rivers, except for the Khilok, is established since its source is associated with the region of their source.

Keywords: petroarcheology, the sources of raw materials, Stone Age, Transbaikalia, river pebbles, boulders

References

1. Borsuk, O. A. Analysis of gravel deposits and pebbles in geomorphological studies (on the example of Transbaikalia). M: Nauka, 1973 (In Rus.)
2. Voskresensky, I. S. Analysis of debris-pebbly material for the purpose of determining the genesis of unconsolidated sediments. Bulletin of the Moscow State University, series 5, Geography, no. 4, pp. 75–79, 1980. (In Rus.)
3. Geology and culture of ancient settlements of Western Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka, 1982. (In Rus.)
4. Derevyanko, A. P. Three global human migrations in Eurasia, Novosibirsk: IAET SB RAS, 2015. Vol. 1: The origin of man and the settlement of the South-West, South, East, Southeast Asia and the Caucasus. (In Rus.)
5. Derevyanko, A. P. Three global human migrations in Eurasia, Novosibirsk: IAET SB RAS, 2017. Vol. 2: The initial settlement of a man by North, Central and Central Asia. (In Rus.)
6. Konstantinov, A. V. Ancient dwellings of Transbaikalia: (Paleolithic, Mesolithic). Novosibirsk: Nauka, 2001. (In Rus.)
7. Konstantinov, M. V. Stone Age of the eastern region of Baikal Asia. Chita; Ulan-Ude: BSC SB RAS, 1994. (In Rus.)
8. Konstantinov, M. V., Ekimova, L. V., Vereshchagin, S. B. Taiga Chikoy on the edge of stone and bronze. Chita: ZabSU, 2016. (In Rus.)
9. The natural environment and man in the Neo-Pleistocene (Western Transbaikalia and South-Eastern Baikal region). Ulan-Ude: BSC SB RAS, 2003. (In Rus.)
10. Moroz, P. V. Lithic industries at the turn of Pleistocene-Holocene in Western Trans-Baikal. Chita: Express-Izdatelstvo, 2014. (In Rus.)
11. Moroz, P. V., Yurgenson, G. A. Paleovolcanoes as sources of mineral raw materials in the Paleolithic of Transbaikalia. Proceedings of the International scientific conference "Methods of studying stone artifacts". St. Petersburg: IHMC RAS, 2015: 184–188. (In Rus.)
12. Moroz, P. V., Yurgenson, G. A. The use of mineral raw materials in the Trans-Baikal Paleolithic: cultural continuity or technological necessity? Stratum Plus, no. 1, pp. 65–76, 2016. (In Rus.)
13. Okladnikov, A. P., Kirillov, I. I. Southeast Transbaikalia in the era of stone and early bronze. Novosibirsk: Nauka, 1980. (In Rus.)
14. Khabakov, A. V. On the indexes of pellet girth. – Soviet Geology, No. 10, pp. 98–99. 1948. (In Rus.)
15. Moroz, P., Yurgenson, G. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia). ERAUL, no. 140, pp. 94–107, 2014. (In Engl.)

Received: 10 September 2018; accepted for publication September 30, 2018

Reference to the article

Yurgenson G. A., P. V. Moroz. The River Pebbles and Boulders of Transbaikalia as Sources of Raw Materials in the Stone Age // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 94–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-94-104.

История религии

History of Religion

УДК 929.5:254 (2)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-105-114

Елена Сергеевна Бушуева,

старший преподаватель,

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
(664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83),*

e-mail: ale-2002@yandex.ru

Настоятель Нерчинской Успенской церкви Яков Иванович Знаменский: особенности служения священника-революционера

В статье, написанной на основе обобщения исторических документов из различных фондов ГАЗК, большая часть которых в научный оборот введена впервые, представлен краткий биографический очерк о судьбе священника-революционера Якова Ивановича Знаменского. С 10 мая 1910 г. по 28 января 1923 г. он служил настоятелем приходской Нерчинской Успенской церкви и одновременно исполнял обязанности благочинного III благочинного округа Забайкальской епархии. Яков Знаменский проявил себя как человек во всех отношениях неординарный: одарённый природным умом, отвагой, кристальной честностью и преданностью своим прихожанам, которые о нём отзывались так: «Поп у нас не такой, как другие, он супротив народа не пойдёт, мы за революцию и он с нами». В процессе восстановления биографии был использован историко-социологический метод: работа с документами, интервью и беседы с потомками настоятеля. Яков искренне поверил в постулаты, провозглашённые большевиками, которые, по его убеждению, были созвучны основным догмам христианского вероучения. Судьба Якова трагически символична, она заставляет по-новому взглянуть на отношение духовенства к Октябрьской социалистической революции и служит примером деяний священников-революционеров, нелёгкая участь которых до сих пор не нашла отражения в исследованиях как светских, так и церковных историков. Отсутствие какой-либо информации по затронутой проблеме обусловило необходимость продолжить дальнейшие архивные изыскания о представителях православного духовенства Забайкальского края, принявших активное участие в революционных преобразованиях российского общества.

Ключевые слова: село Монастырское (Калинино), настоятель Нерчинской Успенской церкви, священник-революционер, Октябрьская социалистическая революция, партизанский отряд, сталинский лагерь

Введение. Ушедший в историю 2017 год был ознаменован вековыми юбилеями тех социально-политических событий, которые потрясли Россию, кардинально изменив её судьбу, – Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революций, а также 200-летием восстановления патриаршества в Российской Православной Церкви, положившего конец правлению Синода.

Октябрьский переворот, устранивший с политической арены Временное правительство, послужил первопричиной «ускоренного учреждения патриаршества» в стране. Вчерашние тайные союзники – большевики – после прихода к власти резко изменили своё от-

ношение к РПЦ. Характер взаимоотношений между двумя социальными институтами – советским государством и церковью – был определён на долгие десятилетия документами, принятыми в первые дни советской власти, такими как «Декларация прав народов России», «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», а чуть позже – «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви». После их ратификации начинается противостояние двух систем, тяготы которого отразились на судьбах миллионов людей. Служители православного культа, как и вся страна, разделились на два непримиримых лагеря.

Если в 2000 г. юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви были прославлены как известные, так и неизвестные нам новомученики и исповедники веры, из которых на сегодняшний день канонизировано 1701 человек и список этот постоянно дополняется по мере обнаружения и изучения жития новых мучеников, исповедников и страстотерпцев Христовых, то священникам, принявшим активное участие в революционном движении на стороне народа, для приближения общества к светлому будущему, устранению социального неравенства и несправедливости, в работах как церковных, так и светских исследователей не было уделено достаточного внимания.

Предлагаемая статья является попыткой устранить существующий пробел и на примере знакомства с деятельностью яркой, незаурядной личности о. Якова Ивановича Знаменского, настоятеля Нерчинской Успенской церкви, рассказать о судьбах священников-революционеров Забайкальского края [2, с. 175–194].

Методология и методы исследования.

В 90-е г. XX в., годы возникновения новой России, появилась реальная возможность по-новому оценить позиции духовенства в двух русских революциях, а также проследить причины кризиса идеологии православного вероучения в многонациональной империи [1; 5, с. 135–137; 6, с. 230–232; 8, с. 25; 10; 12, с. 8]. Особая роль в углублении идеологического кризиса в дореволюционной России исследователями была отведена специфике семинарского типа обучения, где процесс формирования мировосприятия молодых поповичей-революционеров шёл своеобразным образом [1; 5; 9; 10, с. 108; 12, с. 8]. В результате глубоко консервативного обучения, семинаристы к 1905 г. проявили себя как наиболее революционно настроенные учащиеся, духовные бунты захлестнула волна забастовок и митингов. Среди семинаристов выявились убеждённые сторонники разного рода либеральных и социалистических идей, которые, в дальнейшем, и приняли самое активное участие в революционных преобразованиях [9]. По замечанию историка Т. Г. Леонтьевой, «в руководящем ядре эсеров “поповичи” составляли 9,4 %, у большевиков – 3,7 %, кадетов – 1,6 %» [9]. Биографии наиболее видных социалистов-семинаристов: И. В. Сталина, А. И. Микояна, П. А. Сорокина, военачальника А. М. Василевского и других довольно

хорошо изучены¹ [3; 14; 15]. Вместе с тем, о массовости революционного движения в среде рядовых служителей православного культа преднамеренно умалчивается, т. к. это противоречит сформированному стереотипу о «жертвенности церкви в отношении ничем не стеснённого насилия». Для восстановления биографии простого провинциального священника-революционера пришлось обратиться к историко-социологическим методам, таким как работа с историческими документами, сохранившимися в фондах ГАЗК, многочисленным интервью и беседам с потомками настоятеля, проживающими в разных городах России. Данные методы, используемые в процессе сбора полевого материала, позволили максимально полно воссоздать отдельные эпизоды биографии священника-революционера Якова Знаменского, повествующие о его трагической судьбе. Сведения собирались буквально по крупицам – из официальных документов духовного ведомства Забайкальской епархии и, конечно же, из рассказов детей и внуков священника. Информация, собранная в процессе эмпирического исследования, предоставила уникальную возможность познакомиться с социально направленной деятельностью о. Якова Знаменского, выявить его мировоззренческие установки и личные качества.

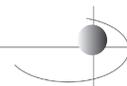
Результаты исследования и их обсуждение. Яков Знаменский родился 9 октября 1874 г. при Успенской церкви Нерчинского округа в большой и дружной семье протоиерея Иоанна Григорьевича Знаменского. Новорождённого нарекли Яковом в честь деда по материнской линии, бывшего дьякона Тульской епархии (рис. 1).

Выбор жизненного пути Якова был изначально предопределён семейной традицией. По окончании Нерчинского духовного училища он идёт по проторённому пути старших братьев и поступает в Иркутскую духовную семинарию. Молодой человек успешно справляется с программой избранного им учебного заведения и благополучно завершает в нём своё обучение 27 мая 1896 г. Полученный аттестат давал ему право быть причисленным к воспитанникам семинарии по второму разряду².

Через полгода после выпуска из стен семинарии, 8 ноября 1896 г., Яков посвящается в сан дьякона Его высокопреосвященством Тихоном (М. М. Троицким-Донебиным), архи-

¹ Деятели СССР и революционного движения России: энцикл. слов. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 831 с.

² ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 71. – Л. 5 об.; – Д. 1106. – Л. 9–15.

епископом Иркутским, а спустя два дня, 10 ноября, тем же архипастырем рукополагается в сан священника с назначением на служение в Забайкальскую епархию к Митрофановской Николаевской церкви. О праве служения в храме крупной казачьей станицы Восточного Забайкалья [4, с. 35–46] новоиспечённый священник получил указ 30 декабря 1896 г.

Рис. 1. Яков Знаменский с младшей сестрой Верой Знаменской в г. Иркутске (из личного архивного собрания Ольги Михайловны Базановой, г. Новосибирск)

Fig. 1. Yakov Znamensky with a younger sister Vera Znamenskaya in Irkutsk (from personal archive collection of Olga Mikhailovna Bazanova, Novosibirsk, Russia)

Время конца XIX – начала XX в. было ознаменовано политической нестабильностью внутри российского общества, широким распространением социал-демократических идей, нарастающим революционной активностью. Всё это отразилось на увеличении числа отказов выпускников семинарий служить в духовном ведомстве. Вчерашние семинаристы по большей части предпочтению отдавали гражданской службе. В непростой социально-политической ситуации факт искренней приверженности избранному пути духовного служения людям не мог не вызывать уважения.

К первому месту своей службы Яков прибыл в начале января 1897 г. и не один, а с молодой женой Елизаветой Андреевной (17 августа 1879 г. р.), дочерью иркутского дьяка

Андрея Косыгина. Она также окончила духовное учебное заведение – Иркутское женское епархиальное училище. Знакомства, которыми молодые выпускники духовных училищ обзаводились во время учебы, немало способствовали устройению их будущих браков. Для этой категории выпускников ускоренный процесс вступления в брак был сопряжён с существующими требованиями – необходимостью жениться перед рукоположением во священники.

Митрофановская церковь во имя Николая Чудотворца, к которой был определён о. Яков Знаменский, входила в состав II благочинного округа Забайкальской епархии, расположенного «в бассейне нижнего течения рек Ингоды и Онона и верхнего течения реки Шилки»¹. Сразу же по прибытию к месту служения о. Яков активно включился в общественную жизнь станицы. 1897 год – год его вступления в должность – был ознаменован проведением первой всеобщей переписи населения Российской империи, начавшейся 28 января 1897 г. В ходе переписи «листы формы А», предназначавшиеся для описания крестьянских и казачьих хозяйств сельских обществ, должны были заполняться непосредственно счётчиками. В состав добровольных счётчиков вошли наиболее образованные люди той или иной местности – врачи, учителя, военные, священники и т. п., благодаря которым удалось собрать ценнейшие сведения о численности населения страны с распределением по вероисповеданию, сословиям, полу, возрасту, семейному положению, получить данные о грамотности населения, количестве и размерах хозяйств, воинской повинности и т. п. Активный участник важного государственного дела о. Яков, безвозмездно принявший на себя обязанности счётчика, добросовестно исполнил все обязанности, за это был награждён тёмно-бронзовой медалью для ношения на груди, высочайше утверждённой за труды по переписи.

С особой силой его энергичная деятельная личность раскрылась после назначения настоятелем «Нерчинской упразднённого монастыря Успенской церкви». Указом Забайкальской духовной консистории от 28 апреля 1910 г. за № 2645 он был перемещён от Митрофановской Николаевской церкви в село Монастырское к Успенской церкви с возложением на него исполнения должности благочинного III округа². Данное передвижение по службе состоялось 10 мая 1910 г. согласно

¹ ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 901. – Л. 2.

² Там же. – Оп. 2. – Д. 71. – Л. 1–164; – Д. 68. – Л. 3 об.; – Д. 783. – Л. 3–5.

резолуции епископа Забайкальского и Нерчинского Мефодия (Герасимова).

Важнейшей стороной деятельности православной церкви всегда являлась благотворительность. Она проводилась либо причтами отдельных церквей, либо конкретными священнослужителями. Благодаря их усилиям благотворительная деятельность РПЦ осуществлялась в трёх направлениях: призрение лиц духовного звания; организация для прихожан благотворительных учреждений и сбор пожертвований нуждающимся – пострадавшим переселенцам, семьям погибших воинов и т. п. При этом, замечает Е. В. Караваева, фактически все благотворительные мероприятия проводились строго по указам и предписаниям правительства, Синода или епархиальных архиереев [7, с. 48–56].

Как подтверждение вышесказанному в первых числах сентября 1914 г. в Забайкальскую епархию поступило циркулярное письмо за № 10217 от обер-прокурора Святейшего Синода Владимира Сабнера. В нём сообщалось: «в целях правильного и точного осведомления духовенства, а через него широких народных масс» о ходе Первой мировой войны Св. Синодом начато издание ежедневного печатного «органа под названием "Приходской листок"»¹. Газета, выпускаемая в Петрограде «на время войны», была доступна каждому православному приходу страны, т. к. стоимость одного её номера составляла 1 копейку. В новом периодическом издании РПЦ сообщались не только последние сводки с фронтов, имена и фамилии погибших, раненых, контуженных, но и публиковались примеры благотворительных деяний людей, давались советы, как лучше помочь «славным воинам, проливающим свою кровь за Отечество». Например, в № 9 «Приходского листка» от 9 сентября 1914 г. был опубликован призыв к народу «заготавливать тёплые вещи для нужд армии». В нём говорилось: «Начинаются холода. А холод, как и всякий серьезный противник, прежде всего ударяет по передовым частям. Воинам некогда думать о том, как согреть своё продрогшее в болотах реки Сана или северо-западного края тело. Эти заботы должны лежать на нас, мирных жителях»² и т. п.

В середине октября 1914 г. Забайкальская епархия получила официальное распоряжение Св. Синода, в котором указывалось на необходимость православному духовен-

¹ ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 1106. – Л. 166.; Забайкальские епархиальные ведомости. – 1914. – № 20. – С. 803-804.

² Там же. – Л. 168–168 об.

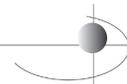
ству, особенно в сельских приходах, «принять на себя долг руководства пасомыми». Одной из статей полученной директивы предписывалось «организовать во всех православных приходах попечительные советы о семьях лиц, находящихся в войсках», а также «располагать свою паству к пожертвованиям для солдат не только денежными суммами, но и вещами».

В сложившейся ситуации отраден тот факт, что ещё 7 августа 1914 г., за два с половиной месяца до всероссийского воззвания РПЦ, о. Яков организовал «Попечительство о семьях запасных, ушедших на войну»³ в Успенском приходе с центром в селе Монастырском. Со дня открытия попечительства и по 31 декабря 1914 г. общество смогло собрать «в пользу этих семей 457 рублей 28 копеек». Да к тому же «сверх сей суммы поступило от волостного общества 100 рублей на приобретение необходимых вещей для отсылки в армию (рубашек, кальсон)». Дополнительно было куплено «сахару, чая, почтовой бумаги, конвертов на 34 рубля 28 копеек», а также «произведён сбор по селениям волости вещей и предметов для армии». Результат сбора превзошёл все ожидания. В ходе благотворительной акции было собрано «много рубашек, рукавиц, кисетов с подарками и пр.», в общей сложности 14 пудов 15 фунтов разных вещей, которые в начале января незамедлительно были отправлены на передовую⁴.

В Забайкальской епархии к организованному сбору одежды и средств в помощь землякам, находящимся на фронтах Первой мировой войны, приступили лишь в конце октября 1914 г., после официального опубликования распоряжения Св. Синода. В целях поднятия патриотического настроения у жителей края и активизации проповеднической деятельности как в церквях, так и в церковно-приходских школах, Его преосвященство Иоанн (Смирнов), епископ Забайкальский и Нерчинский, предпринял поездку «для обозрения церковей Восточного Забайкалья, расположенных преимущественно в районе Нерчинска и Сретенска». Владыка утром 16 октября 1914 г. был уже в селении Монастырском. Настоятель Успенской церкви Яков Знаменский ранним утром первым встретил епископа Иоанна (Смирнова) на перроне станции и, минув город Нерчинск, привёз его к старинной Успенской церкви. Народ уже ждал высокого гостя у храма. Люди ради этой встречи при-

³ Там же. – Д. 71. – Л. 4.

⁴ Там же. – Л. 4 об.

шли за многие вёрсты из разных волостных селений. Перед началом молебна епископ Иоанн (Смирнов) обратился к собравшимся с призывом о «единении и спокойном перенесении неизбежных при войне несчастий». Он взывал к «усердной молитве» каждого «о даровании победы России над сильнейшим врагом». После краткого обращения начался молебен «о победе России и союзных с нею народов». Окончив молитву при большом стечении прихожан, Иоанн (Смирнов) благословил всех присутствующих и лишь после этого осмотрел древнюю прославленную святыню.

Из церкви Владыка проследовал в местное двухклассное училище, находящееся уже в подчинении Министерства народного просвещения, где в беседе с детьми проверил их знания по разным предметам, в том числе и по Закону Божьему. По завершении испытаний поблагодарил всех учеников и одарил их «шейными крестиками». Из училища Владыка отбыл далее в станицу Ундинскую¹.

Не в характере Якова было оставаться равнодушным к людскому горю. Всегда готовый поддержать нуждающихся, он, не дожидаясь официальных распоряжений, действовал исключительно по зову своего сердца. Инициативность, благодушие, человеколюбие, отзывчивость и кристальная честность – отличительные качества Якова. Поэтому протоиерей о. Иоанн Знаменский при выходе за штат из всех своих сыновей-священнослужителей выбрал именно Якова для передачи ему места настоятеля церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Монастырском.

Показательным моментом, выявившим сильные личностные качества о. Якова, стал ритуал погребения родного отца – протоиерея Иоанна Григорьевича Знаменского. Обратимся к воспоминаниям благочинного XXIII благочинного округа протоиерея Нерчинского Воскресенского собора Николая Лукича Попова. Строки его воспоминаний, сохранившиеся в архивных документах, переполнены истинного почтения и сочувствия к задержанному по ложному доносу о. Якову Знаменскому, который писал: «К похоронам почившего собрались почти все его дети и сродники, из них, как известно, три священника и один дьякон. Весьма прискорбно было бы, если бы к этому столь великому моменту не прибыл из Читы невинный узник о. Яков Знаменский. Только так что он не застал уже родителя своего в живых. Но всё-таки отраднo было видеть, что и его Бог привёл отдать последний долг своему незабвенному и глубокоува-

жаемому им родителю»². Не без основания можно считать, что арест о. Якова и решение, вынесенное следственной комиссией по делу молодого настоятеля Успенской церкви, послужило причиной скоростижной кончины его отца – заштатного протоиерея Иоанна Григорьевича Знаменского.

Ответ на вопрос о причине ареста о. Якова был найден в сборнике документов и материалов «Советы Забайкалья в трёх революциях 1905–1907 гг., 1917–1918 гг.»³. Среди большого количества опубликованных документов было обнаружено постановление Нерчинской чрезвычайной следственной комиссии об аресте священника Знаменского за контрреволюционное выступление от 28 апреля 1918 г.

Текст постановления, по мнению автора, уместно привести дословно: «1918 года 28 апреля чрезвычайная следственная комиссия при Нерчинском уездном Совдепе по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, получив верные сведения, что священник Нерчинского собора Яков Знаменский сегодня 28 апреля во время богослужения (в Вербное воскресенье) позволил себе проповедовать: гонение на церковь большевикам власти (приведено дословно по тексту документа – *примеч. авт.*) и что эта власть отобрала всё золото и сосуды и что всем гражданам теперь не из чего приобщаться, кроме сего говорил, что обобрали ризы с икон и призывал, что Вы граждане православной веры, должны защищать веру Христа. Комиссия в данном случае находит открытое контрреволюционное выступление Знаменского в связи с событиями выступления авантюриста Семёнова и международного капитала, постановила: священника Якова Знаменского заключить под стражу в Нерчинскую тюрьму на всё время революции, поставив ему право ходатайствовать перед советом о своей участи. Копию с сего постановления послать для исполнения начальнику Нерчинской тюрьмы и для сведения уездному совдепу». Заверенную копию машинописи принятого постановления «подлинно подписал Председатель комиссии Комогорцев»⁴. При этом все понимали, что основанием для обвинения о. Якова в «открытом контрреволюционном выступлении», предъявленного представителями большевистской власти, стала его попытка пресечь разграбление дорогостоящего церковного имущества. Факти-

² Там же. – Оп. 1. – Д. 783. – Л. 15.

³ Советы Забайкалья в трёх революциях 1905–1907 гг., 1917–1918 гг.: сб. док. и материалов. – Чита: Чит. обл. кн. изд-во, 1992. – С. 274–275.

⁴ ГАЗК. – Ф. Р-1580. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 49.

¹ ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 2. – Д. 71. – Л. 11.

чески его обвиняли в «сопротивлении изъятию церковных ценностей».

Как заметил исследователь А. М. Романов, «чрезмерно жестокие репрессии в отношении местного населения» особого Маньчжурского отряда атамана Семёнова вызывали «не менее жестокие ответные меры к своим противникам» со стороны сторонников Советской власти. Как пример непримиримости большевиков к врагам своей идеологии исследователь привёл случай со священником Яковом Знаменским. Положение сельского священника оказалось чрезвычайно сложным по той причине, что «большевики сами провоцировали ужесточение репрессий»: декретом Центросибири от 8 мая «Г. М. Семёнов был объявлен врагом народа, стоящим вне закона. <...> Все семёновцы, как люди вне закона, подлежали беспощадному истреблению» [14, с. 116–117].

Ситуация с о. Яковом разрешилась только к середине лета после многочисленных обращений в защиту «невинного узника» как со стороны высокопоставленных духовных лиц епархии, так и революционного казачества – прихожан бывшего II благочиния. Протестующие не допустили ареста популярного в народе батюшки. Как видим, активная просветительская и революционная деятельность Якова Знаменского не прошла бесследно. Дело в том, что о. Яков ещё во время обучения в Иркутской духовной семинарии, как и многие семинаристы, увлёкся социал-демократическими идеями. На формирование его революционных взглядов в немалой степени оказала влияние та атмосфера, которая царила в кругу причта Митрофановской Николаевской церкви. Среди документов духовного ведомства, сохранившихся в архиве Забайкальского края, были найдены несколько отчётов благочинного II благочиния протоиерея Петра Булгакова, в которых он характеризовал казачество как «наиболее грамотное из всех сословий, жительствоющих в крае», и железнодорожных служащих «как наиболее религиозных»¹. Особого внимания заслуживает донесение о. Петра Булгакова за 1905–1906 г. В нём благочинный отмечал, что из всех церквей епархии только причт Митрофановской Николаевской церкви выписывает из-за границы социал-демократические периодические издания, такие как нелегальная рабочая газета «Искра» и легальные «Новая жизнь» и «Борьба», взамен литературы религиозного содержания. Заметим, что подшивки номеров этих большевистских газет

хранились в библиотеке при церкви и были легкодоступны для всех желающих из числа прихожан.

Глубокая симпатия о. Якова основным программным положениям пролетарской политической партии, воплощавших в себе требование социальной справедливости, обуславливалась их близостью к христианским постулатам. Его стремление всемерно облегчить жизнь трудового народа, открытая поддержка вооружённого восстания в Чите 1905 г. – всё указывало на то, что он прочно встал на сторону революционных преобразований российского общества. Он стал твёрдо сочувствующим РСДРП после жестокого подавления царским правительством восстания читинских рабочих 1905 г.

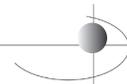
Октябрьскую социалистическую революцию 1917 г. о. Яков Знаменский встретил восторженным ликованием. На память о долгожданном событии он организовал праздничный выход всей семьи в город Нерчинск, где в ближайшем фотоателье и был сделан исторический фотоснимок, который до сих пор бережно хранится в личном архиве Ольги Михайловны Базановой (рис. 2).

Рис. 2. Семейная фотография о. Якова Знаменского, 25 октября 1917 г. (из личного архивного собрания О. М. Базановой, г. Новосибирск)

Fig. 2. Family photo of Yakov Znamensky, October 25, 1917 (from personal archive collection of O. M. Bazanova, Novosibirsk)

¹ ГАЗК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 901. – Л. 5 об.

За свои мировоззренческие принципы, гуманное отношение к простым людям о. Яков Знаменский среди прихожан двух благочинных округов именовался «красным батюшкой».

Оттого любимый и всеми уважаемый «красный батюшка» почти сразу же после освобождения из-под ареста в середине лета 1918 г., «не памятуя зла», удовлетворяет просьбу революционно настроенных казаков. По утверждению его потомков, в романе «Забайкальцы» писателя Василия Ивановича Балябина эпизод, описывающий происшествие с казаками одной из самых революционных станиц области, был связан с деятельностью авторитетного в их среде священника Якова Знаменского. Суть «чужачества казаков» становится ясна из беседы командующего войсками Забайкальского фронта Сергея Лазо со своим первым заместителем Фролом Балябиным. Прочитируем небольшую выдержку из текста романа:

«— До чего додумались, черти: перед отправкой на фронт молебен отслужить в церкви! — басил Фрол, и широченные покатые плечи его содрогались от смеха. — И до чего же сильны у казаков их привычки! Даже в такой революционной станице не могут отстать от дедовских обычаев. Ведь всё прошло хорошо: на собраниях, на митингах высказываются за революцию, за большевиков; конечно, те, что побогаче, шипят, смотрят косо, а большинство за советскую власть горой. Мобилизацию провели успешно, многие добровольно пошли в Красную гвардию, на казаков любо-дорого смотреть, настроение боевое, бодрое — и вдруг заявляется ко мне командир их выборный Номоконов и просит разрешения на молебен! У меня глаза полезли на лоб. “Вы, говорю, что это, товарищи, с ума сошли? Ведь казаки-то не в царскую армию идут, а в революционную, какие же тут могут быть молебны?”. А он только руками разводит: “Что я с ними буду делать, кабы один-два, а то все в один голос требуют: давай молебен — и только”. — “Ну, хорошо, — говорю ему, — а кто же вам молебен служить будет? Ведь поп-то, небось, не дурак, чтобы за победу Красной гвардии молиться”. А он мне в ответ: “Насчёт этого не беспокойся, Фрол Емельянович, поп у нас не такой, как другие, он супротив народа не пойдёт, мы за революцию и он с нами” (выделено авт.). — “Ну, говорю, раз так — дело ваше, я вам не разрешать молебна, не запрещать его не имею права. Но ведь нелепо же получается испрашивать божьего благословения на защиту революции!”

— И что же, отслужили молебен?

— Отслужили. Я и на станцию поехал под колокольный звон. Еду и вижу: валит народ в церковь, и казаки наши туда же строем, повзводно.

— Чудеса, — Лазо улыбнулся, — невероятные чудеса»¹.

Согласно разъяснениям иркутских историков П. А. Новикова и А. М. Романова, красные казачьи отряды составляли основу большевистских сил в Восточном Забайкалье [11, с. 115; 13, с. 117–120].

Имущественное неравенство в среде забайкальских казаков способствовало активной поддержке власти большевиков беднейшими слоями казачества (в том числе и 3-м отделом). Их чаяния и надежды точно переданы в романе В. И. Балябина, где главный герой — представитель казачьей бедноты, говорит: «Да это же наша власть-то теперь, советская, народная... <...> вить мы только при ней и свет-то увидим, заживём по-человечески. Нам с тобой за неё и руками и ногами хватиться надо, всё ради неё положить... <...> кто же за неё воевать будет, как не мы? Ведь не Шакалы же, им-то нужна советская власть, как чёрту монастырь»².

Яков, разделяя воззрения прихожан, по мере своих возможностей старался оказать им любую помощь. В конце августа 1918 г. большевики приступили к переходу от борьбы организованным фронтом к партизанскому движению, что отразило, по замечанию П. А. Новикова, специфику хода Гражданской войны на территории Забайкальской области. В изменившихся условиях помощь о. Якова оказалась как нельзя кстати — нередко к нему обращались с просьбой выступить в роли связного между партизанскими отрядами или передать необходимую информацию в соседнее село, занятое белогвардейцами. А один случай стал особо показательным. Во время пребывания белогвардейцев в селе Монастырском, в доме о. Якова, построенном недалеко от Успенской церкви, были расквартированы офицеры семёновского отряда, и в то же самое время в саду священника-революционера нашли укрытие товарищи из партизанского подполья. И при этом никто из них не пострадал.

Много славных дел на счету отважного иерея, но всё же главной заслугой о. Якова остаётся обеспечение сохранности древнего храма, который, несмотря на превращение его в огневую точку казаками из отряда ата-

¹ Балябин В. И. Забайкальцы. — М.: Сов. писатель, 1983. — Кн. 1–2. — С. 548–549.

² Там же. — С. 536.

мана Семёнова (на колокольне было установлено несколько пулемётов), не пострадал. Не пострадала православная святыня ни от красных, ни от белых. Выстояла в огне ожесточённых боёв братоубийственной Гражданской войны, заботливо оберегаемая своим настоятелем.

В 1921 г. о. Яков Знаменский возобновил своё служение в приходской Успенской церкви, предварительно приведя её, насколько это было возможно, в порядок. Много времени и сил отдавал благотворительной деятельности. Помогал семьям солдат, погибших в русско-японской и русско-германской войнах, а также тем, кто лишился кормильцев в смертельном вихре Гражданской войны. Не остался в стороне от процесса возрождения системы народного образования в округе.

Начало 20-х гг. XX столетия вошли в российскую историю как годы непримиримой борьбы и на фронте духовном – появились так называемые обновленцы, противопоставившие себя официальной ортодоксальной православной вере. Ситуация усугублялась и кардинальным изменением политики большевиков к недавним соратникам, «сражавшимся под их знамёнами», но, по замечанию профессора П. А. Новикова, ставшими «потенциально мало управляемыми». Потому «многие из них, принеся победу красным, погибли от рук своих же: при открытых расстрелах или пуль в спину» [11, с. 299]. Не минула сия участь и «красного батюшку» Якова Иоанновича Знаменского, который был арестован 28 января 1923 г. по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности. Окончательного решения по делу не имелось. По воспоминаниям потомков, он был осуждён, получил довольно внушительный срок и был сослан в Минусинск.

Трудился в одном из сталинских лагерей. Благодаря своей образованности его определили на должность бухгалтера-счетовода, что помогло о. Якову выжить в тех нечеловеческих условиях. В «Книге памяти жертв политических репрессий Читинской области» имеется краткая запись: «Знаменский Яков Иванович, родился в 1874 г. в селе Монастырском Нерчинского уезда. Священник. Арестован 28 января 1923 г. за контрреволюционную деятельность...»¹.

На наш взгляд, драматизм судьбы священника Я. И. Знаменского вполне органично вписывается в трагедию Гражданской войны в России. С одной стороны он, как твёрдый сторонник социальной справедливости, склонялся к большевикам, с другой – как священник, пытался стоять над борьбой противоборствующих сторон в Гражданской войне, вызывая у тех и других недоверие. В конечном итоге он, естественно, попал под опалу победителей.

Известно, что, отбыв срок, он вернулся в родное село. Остаток жизни прожил один, был замкнут, малообщителен. Подробности его жизни во многом скрыты от нас. Ко времени возвращения «невинного узника» его младшая дочь Галина вышла замуж за главного инженера «Балейзолото» Аполлона Базанова и, чтобы не скомпрометировать влиятельного зятя, Яков Иванович, как бывший священник и политический заключённый, к тому же знающий не понаслышке о деяниях представителей установившейся власти, предпочёл одиночество. Нестерпимо тяжело было ощущать бывшему иерею равнодушие некогда знакомых ему людей и наблюдать, как разрушается старинная Успенская церковь, бережно хранимая им до последних своих дней.

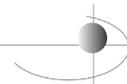
Скончался бывший священник-революционер о. Яков Знаменский в 1955 г. Его похоронили на одном из кладбищ г. Читы. 1 сентября 2009 г. он был реабилитирован прокуратурой Омской области.

Заключение. Таким образом, новые исторические данные, впервые вводимые в научный оборот, позволяют сделать определённые выводы. Во-первых, среди православного духовенства края не было единства взглядов на происходящие социально-революционные преобразования в стране. Во-вторых, судьба о. Якова Знаменского раскрыла двойное положение священно и церковнослужителей, вставших на сторону социалистической революции, которые изначально попали в положение заложников антагонистичных государственно-церковных отношений. В-третьих, данная социальная проблема остаётся на сегодняшний день белым пятном в истории религии и ожидает вдумчивого, всестороннего изучения.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 125 с.
2. Бушуева Е. С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели 1775–1930 гг. (к 310-летию основания монастыря). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 319 с.

¹ Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье. – Чита: Поиск, 2010. – Т. 8. – 297 с.

3. Василевский А. М. Дело всей жизни. 3-е изд. М.: Политиздат, 1978. 552 с.
4. Гончаренко Р. В. Времени цвет. Чита: Палитра, 2011. 102 с.
5. Денисова Е. В. Дифференциация социальной позиции духовенства в годы первой русской революции как отражение кризиса идеологии русского православия: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06. Л., 1986. 170 с.
6. Зырянова П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Рус. слово, 1999. 309 с.
7. Караваева Е. В. Законодательные и другие нормативные акты – основа санитарно-просветительской и медицинской деятельности православного духовенства в конце XIX – начале XX века // Организация здравоохранения и общественное здоровье. 2016. № 2. С. 48–56.
8. Карнишин В. Ю. Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. Пенза: Изд-во Пенз. гос. техн. ун-та, 1996. 168 с.
9. Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века [Электронный ресурс] // Исторические материалы. Режим доступа: <https://www.istmat.info/node/17057> (дата обращения: 21.09.2018).
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) СПб., 1999. Т. 1. 350 с.
11. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
12. Полищук И. С. К вопросу об истории атеистической агитации и пропаганды в период социалистической реконструкции. Калинин, 1987. 284 с.
13. Романов А. М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семёнова / науч. ред. И. В. Наумов. Иркутск: Оттиск, 2013. 308 с.
14. Сорокин П. А. Социология революции. М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. 704 с.
15. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: Соерус, 2018. 464 с.

Статья поступила в редакцию 21.09.2018; принята к публикации 20.10.2018

Библиографическое описание статьи

Бушueva Е. С. Настоятель Нерчинской Успенской церкви Яков Иванович Знаменский: особенности служения священника-революционера // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 105–114. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-105-114.

Elena S. Bushueva,

Senior Lecturer,

National Research Irkutsk State Technical University

(83 Lermontova st., Irkutsk, 664074, Russia),

e-mail: ale-2002@yandex.ru

Rector of the Nerchinsk Assumption Church Yakov Ivanovich Znamensky: Peculiarities of the Ministry of the Priest-Revolutionary

In an article written on the basis of generalization of historical documents not previously entered into the scientific circulation from the fund of the state archives of the Trans-Baikal Territory, a brief biographical sketch is presented about the fate of the priest-revolutionary Yakov Ivanovich Znamensky, who served as a parish rector of Nerchinsk Assumption Church from May 10, 1910 to January 28, 1923 and at the same time performed the duties of the Dean III of the Deanery of Trans-Baikal Eparchy. Yakov Znamensky showed himself as a man not ordinary in every respect, he was endowed with a natural mind, courage, crystal honesty and devotion to his parishioners who spoke of him: “the priest is not like others, he will not go against the people, we are for the revolution and he is with us”. Yakov sincerely believed in the postulates proclaimed by the Bolsheviks who, in his opinion, were consonant with the basic dogmas of the Christian dogma. The fate of Yakov Znamensky is tragically symbolic; it makes a new look at the attitude of the parish clergy to the October Socialist Revolution and serves as a vivid example of the actions of priest-revolutionaries, whose hard fate has not been reflected in the studies of both secular and spiritual historians yet. The lack of any information on the issue raised made it necessary to continue further archival research on the representations of the orthodox clergy of the Trans-Baikal Region, who took an active part in the revolutionary transformations of Russian society.

Keywords: village of Monastyrskoye (Kalinino), rector of the Nerchinsk Assumption Church, priest-revolutionary, October Socialist Revolution, partisan detachment, Stalin camp

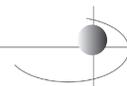
References

1. Berdyaev, N. A. History and meaning of Russian communism. M: Nauka, 1990. (In Rus.)
2. Bushueva, E. S. Heritage of the Nerchinsk Assumption Monastery: the parish church and its superiors in 1775–1930 (on the 310th anniversary of the founding of the monastery). Irkutsk: ISU publishing house, 2016. (In Rus.)
3. Vasilevsky, A. M. A matter of a lifetime. Publishing house 3. M: Politizdat, 1978. (In Rus.)
4. Goncharenko, R. V. Time color. Chita: Palette, 2011. (In Rus.)
5. Denisov, E. V. Differentiation of the social position of the clergy in the years of the first Russian revolution as a reflection of the crisis of the ideology of Russian Orthodoxy. L, 1986. (In Rus.)
6. Zyryanov, P. N. Russian monasteries and monasticism in the 19th and early 20th centuries. M, 1999. (In Rus.)
7. Karavaeva, E. V. Legislative and other regulations – the basis of sanitary-educational and medical activities of the Orthodox clergy in the late 19th – early 20th centuries. Health Organization and Public health, no. 2, pp.48–56, 2016. (In Rus.)
8. Karnyshyn, V. Yu. Socio-political in the Volga region in the early 20th century. Penza, 1996. (In Rus.)
9. Leontyeva, T. G. Faith and rebellion: the clergy in the revolutionary society of Russia in the early 20th century. Historical materials. Web. 21.09.2018. <https://www.istmat.info >node/17057> (In Rus.)
10. Mironov, B. N. The social history of Russia in the period of the empire (18th – early 20th centuries). Vol. 1. SPb., 1999. (In Rus.)
11. Novikov, P. A. The Civil War in Eastern Siberia. M: ZAO Centropoligraph, 2005. (In Rus.)
12. Polishchuk, I. S. To the question of the history of atheistic agitation and propaganda during the period of socialist reconstruction. Kalinin, 1987. (In Rus.)
13. Romanov, A. M. Special Manchurian detachment of ataman Semenov. Naumov, I. V., scientific hands. Irkutsk: Reprint, 2013. (In Rus.)
14. Sorokin, P. A. Sociology of revolution. M.: Territory of the future. Russian political encyclopedia, 2005. (In Rus.)
15. Khlevnyuk, O. V. Stalin. Life of one leader. M: Copus, 2018. (In Rus.)

Received: 21 September 2018; accepted for publication October 20, 2018

Reference to the article

Bushueva E. S. Rector of the Nerchinsk Assumption Church Yakov Ivanovich Znamensky: Peculiarities of the Ministry of the Priest-Revolutionary // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 105–114. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-6-105-114.

УДК 271.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-115-122

Евгений Викторович Дроботушенко,*кандидат исторических наук, доцент,**Забайкальский государственный университет**(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),**e-mail: DRZZ@yandex.ru*

К вопросу о количестве православных обновленческих и «староцерковных» храмов в Иркутске в середине третьего десятилетия XX века

В статье рассматривается важный, с точки зрения воссоздания наиболее полной истории православной церкви в Сибири, аспект – количественный состав православных храмов г. Иркутска, их наименование и каноническая принадлежность в одном из самых сложных периодов православной истории – середине 20-х гг. XX в. – времени своеобразного итога первоначального этапа реализации антирелигиозной политики власти. Методология исследования строится на основе принципов историзма и объективности, опирается на формационный подход. Имеющиеся на сегодняшний день исследования научного и научно-популярного характера не дают чёткого однозначного ответа на вопрос о количестве, названиях и канонической принадлежности всех православных соборов, церквей и молитвенных домов г. Иркутска на протяжении всего советского периода. В начале же 1920-х гг. постоянно менялось количество и каноническая принадлежность православных храмов города, что было предопределено развитием обновленчества. Автор, на основе документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), приводит полный перечень православных храмов г. Иркутска, относящихся как к обновленческому течению, так и к «староцерковникам», т. е. сторонникам Патриарха Тихона (канонические общины). Работа над проблематикой ставит перед исследователем и иные вопросы, напрямую не касающиеся истории православия, однако также требующие уточнения. Согласно архивным данным, мы можем говорить о точном количестве, названиях и канонической принадлежности православных храмов в рассматриваемое время, однако нет однозначности в данном вопросе относительно иных хронологических отрезков, что предопределяет дальнейшую работу с архивными документами, главным образом, из фондов Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: православие, обновленчество, храмы, прихожане, общины, Иркутск

Введение. Интерес к истории православной церкви, как, впрочем, и иных религиозных учений, в первой половине 20-х гг. XX в. предопределён, прежде всего, тем, что на эти годы приходится первый этап антирелигиозной политики советской власти. Православие здесь исключением не стало.

Значимость данного вопроса определяется тем, что на рассматриваемое время приходится процесс передачи церковного имущества религиозных общин сторонников Патриарха Тихона, которые в документах именуется «староцерковными», общинам обновленцев. Это приводило, с одной стороны, к постоянным жалобам со стороны верующих, с другой, что важно для нас, постоянно менялось количество храмов тех и других религиозных общин.

С другой стороны, имея представление о количестве действующих православных храмов в предреволюционный период и архивные данные по середине 1920-х гг., можно составить представление о количестве соборов и церквей, прекративших деятельность в начальный советский период.

Методология и методы исследования. В основу исследования легли архивные

источники, что предопределило основные, первичные методы работы. Это общенаучные методы сбора и анализа материала. В то же время специфичность предметного поля предполагает особый упор на использование принципов историзма и объективности. Это свойственно исторической науке в целом, в случае же анализа особенностей развития различных религиозных учений это важно вдвойне.

Анализ любой части советского периода подразумевает опору на формационный подход. Именно в его рамках характеризуется советская политическая система в целом и отношение властей к религии, в частности.

Результаты исследования и их об-суждение. Закрытие храмов и передача их обновленческим общинам является элементом антирелигиозной политики государства, начало, которой, несомненно, связано с Декретом Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 2 февраля (20 января) 1918 г.¹ При этом относительно начального периода

¹ Декрет Совета народных комиссаров от 2 февраля (20 января) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Электронный ресурс] // Конституция

можно констатировать, что массового закрытия храмов не было. Начало процессу изъятия ценностей православной церкви положил Декрет (Постановление) Всероссийского Центрального исполнительного комитета об изъятии церковных ценностей от 23 февраля 1922 г.¹ Было положено начало изъятию ценностей, начались аресты отдельных верующих и священнослужителей. Не обошёл данный процесс стороной и Иркутскую епархию. Был арестован её глава – архиепископ Анатолий (Каменский) [1; 2]. В апреле 1923 г. вышло Постановление Наркомюста РСФСР, НКВД РСФСР «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых»². На его основе осуществлялось преследование духовенства. Период с 1923 по 1929 г. иногда именуют относительно спокойным в отношении власти и религиозных организаций [6]. В то же время, архивные документы формируют несколько иную картину. Так, одно из дел за 1923 г. даёт представление о повсеместном закрытии культовых построек, причём не только православной церкви. Так, с сентября 1922 по конец 1923 г. прошло массовое закрытие синагог. Это же дело содержит объёмные переписки о закрытии православных соборов и церквей. Однако по Сибири и Дальнему Востоку есть только одно упоминание – о Градо-Благовещенской церкви (г. Благовещенск)³.

Отметим, что в Иркутске, как и по иным регионам Восточной Сибири, в рассматриваемое время нельзя говорить об активном закрытии храмов. Сокращение их количества (как будет видно из приведённых ниже цифр), во многом может быть связано с репрессивной политикой государства в отношении священнослужителей. В результате ареста церкви оставались без настоятелей.

В то же время отдельные действия власти в плане закрытия храмов были. Так, ар-

Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 19.04.2018).

¹ Постановление ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей, находящихся в пользовании верующих» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=32825#022860582723707012> (дата обращения: 09.04.2018).

² Постановление Наркомюста РСФСР, НКВД РСФСР от 15.04.1923 г. «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых» [Электронный ресурс] // Правовая Россия. – Режим доступа: <http://www.lawru.info/dok/1923/04/15/n1204772.htm> (дата обращения: 19.04.2018).

³ ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 59. – Д. 51. – Л. 49, 73, 76, 80, 183.

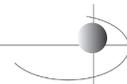
хивные дела содержат документ от 1923 г., направленный в Иркутск. Это письмо из Управления НКВД СССР в регионы, в котором констатируется, что на основании декрета об отделении церкви от государства, в дополнение к которому действует инструкция о порядке проведения этого декрета в жизнь, постановление об освобождении помещений из-под домовых церквей при учебных заведениях, названные церкви должны были быть закрыты. Однако, практически повсеместно того не было. Предлагалось усилить работу в данном направлении, а также проводить меры к срочной ликвидации, помимо домовых церквей, действовавших на тот момент церковью монастырских, больничных, тюремных и церквей при подворьях⁴. Исходя из сказанного, можно предположить, что первыми под закрытие попали именно названные категории храмов. Первоначально о приходских церквях речь не шла.

История православия в Иркутской епархии в советское время становилась предметом научного анализа. Некоторые авторы, такие как А. В. Паламарчук, И. В. Смолина, И. С. Цыремпилова отчасти затрагивают проблематику количественного состава православных храмов Иркутска в рассматриваемый период, их принадлежности канонической церкви или обновленцам. В то же время отметим, что основная масса публикаций посвящена иным хронологическим периодам [8; 9; 10–19].

Зарубежные публикации, характеризующие историю православия, приводят, главным образом, самые общие данные по всей стране. Регионы Сибири остаются практически полностью за пределами научного анализа, либо в их территориальных рамках рассматривается какой-либо отдельный аспект или личность. Проблематика статьи зарубежными исследователями не затрагивается [20–23 и др.].

Следует отметить, что специальных научных публикаций, характеризующих православную историю Иркутска в середине 20-х гг. XX в. (в разрезе количества и названия храмов) нет. В то же время существуют работы, приводящие данные в контексте общей характеристики православия в регионе. Они единичны. Так, краткое упоминание о передаче трёх храмов города со ссылкой на работу О. А. Акулич, Т. А. Крючковой и Н. М. Полуниной «Во имя Спаса Нерукотворного Образа. Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Ир-

⁴ Там же. – Л. 293.

кутска 1706–2006» в своей дипломной работе приводит С. Бажков. В дальнейшем текст данной дипломной работы появился на самых разных сайтах [1; 2].

На наш взгляд, на настоящий момент нельзя говорить о полной, всесторонней изученности истории православной церкви в Иркутске и регионе в 20–30-е гг. XX в. Не полностью очевидна картина с динамикой изменения количества православных храмов региона по годам. Это стало причиной появления данной статьи.

Основу исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации. Информацию по православным храмам Иркутска, как, впрочем, и по иным населённым пунктам Сибири, РСФСР и иных республик СССР за данный период встречаем в делах фонда 1235 «Всероссийский Центральный исполнительный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Это опись 62 «Документальные материалы Секретариата Председателя ВЦИК. 1923–1931 год» и опись 59 «Документальные материалы Секретариата Председателя ВЦИК. 1926–1929 год».

По первой из названных описей интереснейшими представляются объёмные дела «Переписка с губернскими исполкомами по заявлениям разных лиц и членов церковных общин о закрытии церкви и передаче церковного помещения под культурно-просветительские учреждения, о передаче общинам молитвенных помещений в пользование». Отметим, что по территориальным единицам Сибири в названных делах информации немного, она выборочная и характеризует только отдельные регионы и далеко не за все годы. Отдельные дела вообще не несут в себе данных по регионам Сибири¹.

Вторая из упомянутых описей интересна делами «Переписка с Народным Комиссариатом юстиции, ОГПУ и губернскими исполкомами по заявлениям разных лиц о передаче храмов под культурно-просветительские учреждения, пересмотре постановлений губернских исполкомов о закрытии церквей» и др.²

Один из документов, содержащийся в переписке, датируемой январём–октябрём 1926 г., содержит в себе перечень действующих православных храмов Иркутска, как обновленческих, так и принадлежащих общинам официальной православной церкви, которые в документах именуется «староправо-

славными»³. С учётом краткости и выборочности информации по населённым пунктам Восточной Сибири в рассматриваемое время, данный перечень представляется невероятно интересным для историков православия. Он позволяет более полно воссоздать картину с состоянием православной церкви в епархиальном центре территориально очень большой епархии. Помимо этого, дело содержит переписку по вопросу передачи одного из храмов Иркутска, принадлежавшего общине «староцерковников», в пользование обновленцев.

В статье мы используем названия храмов, приводимые в документах.

Для понимания сложившейся к рассматриваемому времени ситуации следует сказать о количестве православных храмов Иркутска до Революции 1917 г. По некоторым данным, в досоветский период в Иркутске действовало около пятидесяти православных храмов, в число которых входило два собора, монастырские церкви (Вознесенской и Знаменской обителей) и 38 приходских церквей⁴.

На этом фоне количество действующих православных храмов Иркутска к середине 20-х гг. XX в. представляется значительно меньшим. Всего был 21 действующий храм, т. е. общее количество почти в два раза меньше.

На 1925 г. в Иркутске было семь храмов, переданных обновленцам: Казанский и Богоявленский соборы, Александрийская, Спасская, Прокопьевская-Чудотворская, Успенская, Троицкая и Входа-Иерусалимская церкви (Иерусалимская).

Количество действовавших храмов сторонников Патриарха Тихона («староцерковников»), т. е. храмов канонической церкви было в два раза больше – четырнадцать, однако не было ни одного собора: Преображенская, Михаило-Архангельская, Благовещенская, Воскресенско-Тихвинская, Николаевская-Нагорная, Богородице-Казанская, Князе-Владимирская, Кресто-Воздвиженская, Богородице-Владимирская, Петро-Павловская, Никола-Иннокентьевская, Сретенско-Покровская, Иннокентьевская церкви и Знаменская церковь бывшего женского монастыря⁵.

Представленный список подписан заместителем начальника Губернского административного отдела Иркутского губернского исполнительного комитета (ГАО ГИК) и од-

³ Там же. – Оп. 62. – Д. 313.

⁴ Церкви [Электронный ресурс] // Бабр.ру. – Режим доступа: <http://www.babr.ru/irkutsk/church.htm> (дата обращения: 18.03.2018).

⁵ ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 62. – Д. 313. – Л. 88–89.

¹ ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 62. – Д. 299–302, 305, 308, 311–313 и др.

² Там же. – Оп. 59. – Д. 45–51.

новременно начальником губернской милиции А. А. Вимба и Заведующим отделением Общественных союзов Ремизовым¹. Причина появления списков, подписанных названными должностными лицами, может крыться в необходимости серьёзного контроля над ситуацией со стороны власти и, в частности, силовых структур.

Отметим, что в рассматриваемых списках не упоминаются молитвенные дома и часовни, речь идёт только о соборах и церквях. В то же время о молитвенных домах и часовнях не находим упоминаний и в публикациях².

Важнейшая составляющая существования православной церкви Иркутска в рассматриваемое время – это перераспределение имущества религиозных сообществ в пользу обновленцев.

Вообще обновленчество в Иркутске активное распространение получило, начиная с конца 1922 г. В сентябре было создано Иркутское Епархиальное управление, не относящееся к канонической православной церкви. С мая 1923 г. в Иркутске свой обновленческий архиерей епископ Василий (Виноградов) [1; 2]. За три года существования относительно серьёзной обновленческой организации в Иркутске, как отмечалось выше, ей было передано два собора и пять церквей.

Закрытие православных храмов или передача их обновленцам по всей стране всегда сопровождалась резкой ответной реакцией со стороны общин верующих в виде жалоб и ходатайств на отмену решения о закрытии или передаче и в ряде случаев несло за собой отмену решения властей на местах (исполнительных комитетов) и повторное открытие храмов. Это привело к тому, что количество действующих построек культового назначения постоянно менялось и возникает серьёзная сложность с определением точного количества действующих храмов в разные годы.

Не стал здесь исключением и Иркутск. В 1924–1925 гг. наиболее серьёзной стала ситуация с передачей обновленцам Выходо-Иерусалимской церкви, которая вызвала поток жалоб верующих и большую переписку по данному вопросу. Договор с канонической общиной был расторгнут в 1924 г. и храм передан общине обновленцев³.

Всего по Иркутску только в 1923 г. поступили жалобы от 17 религиозных обществ канонической православной церкви на растор-

¹ ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 62. – Д. 313. – Л. 89.

² Церкви [Электронный ресурс] // Бабр.ру. – Режим доступа: <http://www.babr.ru/irkutsk/church.htm> (дата обращения: 18.03.2018).

³ ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 62. – Д. 313. – Л. 191.

жение с ними договоров на пользование помещениями церквей для удовлетворения религиозных потребностей и передаче храмов в пользование обновленцев. Рассмотрение данных жалоб и приложенных к ним «подлинных документов» привело центральные органы власти к выводу о том, что местный Адмоддел допустил нарушение закона и распоряжений правительства, «...как по существу, так и по формальной стороне»⁴.

Было усмотрено нарушение п. 13 Декрета Совета народных комиссаров от 2 февраля (20 января) 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», согласно которому «...храмы передаются жителям соответствующей религии, кои изъявляют желание получить их в пользование»⁵.

Канонические храмы Иркутска передавались «навербованным двадцаткам», а имена получивших храм оставались в тайне. Представители двадцаток вообще могли не проживать в городе, что являлось нарушением названного пункта декрета. В документах отмечалось, что местные иркутские власти и милиция способствовали деятельности обновленческого епископа Василия (Виноградова)⁶.

Отдельные документы дают нам информацию о признании действия местных властей противоречащими действующему законодательству, в то же время в некоторых делах встречаем информацию об отклонении жалоб и ходатайств. Именно так вышло со Выходо-Иерусалимской церковью. Всероссийский Центральный исполнительный комитет жалобу канонической общины отклонил. Были и иные примеры. Так, отклонена жалоба на неправильное распределение предметов культа от общины Троицкой, Знаменской церквей и ряда иных общин⁷.

Несмотря на признание нарушения закона со стороны местных властей центральными органами, передача канонических храмов обновленцам Иркутска проводилась на протяжении ряда лет. Данных об обратной передаче соборов и церквей от обновленческих общин каноническим на сегодня не выявлено.

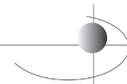
Можно отметить, что такая картина свойственна и иным регионам Сибири. Так, одно из дел даёт нам представление о ходатайстве канонической общины верующих на возврат собора города Камень (вероятно, Камень-на-Оби) в Новониколаевской губернии

⁴ Там же. – Л. 195.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – Л. 196.

⁷ Там же. – Л. 84.

(территория нынешнего Алтайского края), переданной до этого обновленцам. В возврате отказано¹. Так что тенденции развития иркутского православия в целом укладываются в общегосударственные тенденции.

Следует сказать, что помимо передачи обновленческим общинам культовых построек, передавались и предметы культа. Происходило это массово в 1923–1924 гг. Значительное количество жалоб канонических общин верующих г. Иркутск поступало и на это².

Количество храмов канонической церкви в Иркутске сохранится вплоть до конца 20-х гг. XX в. Их так и будет четырнадцать. Это говорит о том, что передача церквей в пользование обновленцам прекратилась в 1926 г. Закрытие канонических храмов начнется в 1929 г.³ Какова судьба соборов и церквей обновленцев после 1926 г., на сегодняшний день сказать сложно.

Заключение. Таким образом, на середину третьего десятилетия XX в. в Иркутске был 21 действующий православный храм. Это достаточно много. В дальнейшем наступит период активной борьбы с православием и к сороковым годам XX в. в городе останется одна действующая церковь. Только изменение отношения к православию после известной встречи И. В. Сталина с высшими иерархами православной церкви приведёт к обратному процессу – открытию храмов. Однако будет он не столь стремительным, как закрытие. За 1943–1948 гг. в Иркутске было открыто только три церкви: Крестовоздвиженская, Архангела Михаила и Знамени Пресвятой Богородицы. Это те храмы, которые на середину 1920-х гг. оставались за «староправославными», т. е. не были переданы обновленцам [11]. По этим показателям Иркутск стал первым среди административных центров регионов Восточной Сибири. В Улан-Удэ, Чите за эти годы было открыто по одной церкви, в Якутске – молитвенный дом⁴.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что на 1924 г. известно точное количество православных храмов в центре Иркутской епархии – г. Иркутске, известно их название и принадлежность обновленцам либо сторонникам Патриарха Тихона. В то же время, работа над восстановлением истории

количественного состава и наименования православных храмов Иркутска в середине третьего десятилетия XX в. вскрыла наличие некоторых спорных аспектов и по иным вопросам истории Сибири. Так, в одной из публикаций отмечается, что, упоминавшийся выше А. А. Вимба временно исполнял обязанности начальника ГАО ГИК Иркутской губернии и главы губернской милиции до начала 1925 г. Он был начальником подотдела ГАО. В другой находим упоминание о том, что после перевода в милицию в 1923 г. А. А. Вимба и до 1927 г. был старшим инспектором Сибирского краевого административного отдела [7, с. 69]⁵. Как видно из приведённых выше архивных данных, в рассматриваемое время он занимал иные должности.

Представляется, что работа в разрезе предложенной в статье проблематики должна быть продолжена. Совершенно очевидным является необходимость дополнения данных о количестве и названиях храмов Иркутска отдельные годы, а также их принадлежности канонической и неканонической церквям. Не менее важным видится уточнение отдельных сопутствующих аспектов. Для этого требуется дальнейшая серьёзная работа с архивными документами. Несмотря на то, что региональные архивы хранят по истории православия в советское время не слишком большое количество документов (или, по крайней мере, они малоизвестны или неизвестны на сегодня), думается, что они могут помочь в восстановлении наиболее полной картины. Однако, на наш взгляд, основным хранилищем по проблематике здесь является Государственный архив Российской Федерации. Это как фонды, документы из которых взяты за основу данной публикации, так и некоторые иные. К примеру, фонд Р5263 «Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культов при Президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР. 1929–1938»⁶. Документы данного фонда начального периода времени могут содержать информацию о количестве, названиях и канонической принадлежности православных храмов Иркутска к началу 1930-х гг., а это, в свою очередь, позволит проследить динамику количественных изменений православных соборов и церковей города.

Работа с фондами ГАРФа, помимо прочего, также позволит провести компаративист-

¹ ГАРФ. – Ф. 1235. – Оп. 62. – Д. 96. – Л. 161.

² Там же. – Д. 313. – Л. 85.

³ Православие в Иркутской губернии [Электронный ресурс] // ИРКИПЕДИЯРУ. – Режим доступа: http://www.irkipedia.ru/content/pravoslavie_v_irkutskoy_gubernii (дата обращения: 19.04.2018).

⁴ ГАРФ. – Ф. Р6991. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 7, 79, 107; – Д. 31. – Л. 123; – Д. 213. – Л. 16.

⁵ Тумшиш М. А., Золотарев В. А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 [Электронный ресурс] // Опыт биографического словаря. – Режим доступа: <https://www.books.google.ru/books?id=начальникгубернскоймилицииА.А.Вимба> (дата обращения: 18.03.2018).

⁶ ГАРФ. – Ф. Р5263.

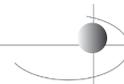
ский анализ количественного состава православных храмов в отдельные годы и их принадлежность по разным регионам, к примеру, Восточной Сибири или Сибири в целом.

Серьёзная проработка статистических данных по количественному составу и при-

надлежности культовых построек даёт возможность сравнения и с иными религиозными учениями, насколько отличался, в процентном соотношении, уровень гонений со стороны власти на религиозные институты различных религий.

Список литературы

1. Бажков Стефан, иерей. Иркутская епархия в советское время [Электронный ресурс] // Иркутская епархия. Режим доступа: http://www.iemp.ru/statiji/eparhia_vojna.htm#_Тoc284586102 (дата обращения: 09.04.2018).
2. Бажков Степан. Иркутская епархия в советское время [Электронный ресурс] // Православие.RU. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/44165.html> (дата обращения: 09.04.2018).
3. Горбатов А. В. Государственно-конфессиональные отношения в Сибири (1947–1974 гг.) // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. 2004. Вып. 8. С. 85–98.
4. Горбатов А. В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 3. С. 166–170.
5. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 408 с.
6. Дамаскин (Орловский), игумен. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период [Электронный ресурс] // Верую... И паки грядущаго со славою судити живым и мёртвым. Режим доступа: <https://www.orthodoxy33.wordpress.com/2011/11/15/nssr/> (дата обращения: 19.04.2018).
7. Карнович С. А., Кузнецов А. А., Синиченко В. В. Становление милицейского образования в Восточной Сибири в 20-х годах XX в. // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2015. № 1. С. 65–76.
8. Новикова Т. М. Русская православная церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2011. 27 с.
9. Паламарчук А. В. Исторический опыт взаимоотношений государства и церкви в Юго-Восточной Сибири (1920–1930-е гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2002. 369 с.
10. Смолина И. В. Возобновление деятельности православных приходов Иркутской области в 1940–1950-е гг. // Земля Иркутская. 2007. № 2. С. 74–82.
11. Смолина И. В. Возрождение православных приходов Иркутской области в 1940–50 годы [Электронный ресурс] // Иркутская епархия. Режим доступа: <http://www.iemp.ru/statijidetail.php?ID=1276> (дата обращения: 19.04.2018).
12. Смолина И. В. Возрождение приходской жизни. Иркутская область в 1940–1950-е гг. // Сибирь. 2008. № 329/2. С. 41–52.
13. Смолина И. В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2010. 346 с.
14. Смолина И. В. К вопросу об изъятии церковных ценностей в Иркутской губернии в 1922 году // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2006. Вып. 5. С. 108–117.
15. Цыремпилова И. Документальное наследие РПЦ в исследовании государственно-церковных взаимоотношений в 1917–1930 гг. на территории Байкальского региона // Власть. 2012. № 9. С. 160–163.
16. Цыремпилова И. С. Взаимоотношения государства и Русской православной церкви в Байкальской Сибири (1917–1930-е гг.): историография и источники. Улан-Удэ: ВСГАКИИ, 2008. 135 с.
17. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 491 с.
18. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ВСГАКИИ, 2008. 300 с.
19. Цыремпилова И. С., Злогестева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940–1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.
20. About those Orthodox hermits in the Siberian wild [Электронный ресурс] // Patheos. Режим доступа: <http://www.patheos.com/blogs/getreligion/2013/02/about-those-orthodox-hermits-in-the-siberian-wild/> (дата обращения: 18.05.2018).
21. Hays Jeffrey History of the Russian Orthodox Church [Электронный ресурс] // Facts and Details. Режим доступа: <https://www.yandex.ru/search/?text=переводчик&lr=68&clid=9403> (дата обращения: 18.05.2018).
22. Religion in Russia: the History of Russian Orthodox Church [Электронный ресурс] // The project Learn Russian in the EU. Режим доступа: <https://www.learnrussianineu.com/religion-russia-history-russian-orthodox-church> (дата обращения: 18.05.2018).

23. Woerl M. Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok [Электронный ресурс] // РПЦЗ: обзор. Режим доступа: <http://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok/> (дата обращения: 20.05.2018).

Статья поступила в редакцию 21.06.2018; принята к публикации 20.08.2018

Библиографическое описание статьи

Дроботушенко Е. В. К вопросу о количестве православных обновленческих и «староцерковных» храмов в Иркутске в середине третьего десятилетия XX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 115–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-115-122.

Evgeny V. Drobotushenko,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: DRZZ@yandex.ru

To the Question of the Number of Orthodox and “Early Church” Cathedrals in Irkutsk in the Middle of the Third Decade of the 20th Century

The article considers the important aspect from the point of view of the reconstruction of the most complete history of the Orthodox Church in Siberia – the quantitative composition of the Orthodox churches in Irkutsk, their name and canonical affiliation in one of the most difficult periods of Orthodox history, the middle of the 1920s, i. e. the time of the original result of the initial stage of the implementation of the antireligious policy of power. The research methodology is based on the principles of historicism and objectivity, based on the formative approach. The scientific and popular studies available at present do not give a clear and definite answer to the question of the number, names and canonical affiliation of all Orthodox cathedrals, churches and prayer houses of Irkutsk throughout the Soviet period. At the beginning of the 1920s, the number and canonical affiliation of the Orthodox churches of Irkutsk were constantly changing, which was predetermined by the development of renewal. Based on the documents of the State Archive of the Russian Federation (SARF), the author gives the full list of Orthodox churches of Irkutsk, relating to both updated direction and to “early church”, i. e. supporters of Patriarch Tikhon (canonical community). The work on the problem poses other questions to the researcher, which are not directly related to the history of Orthodoxy, but they also require clarification. According to archival data, we can talk about the exact number, names and canonical belonging of Orthodox churches in the time under consideration, but there is no certainty in this matter about other chronological segments, which determines further work with archival documents, mainly from the funds of the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Orthodoxy, renewal, churches, parishioners, communities, Irkutsk

References

1. Bazhkov, Stefan, priest. Irkutsk diocese in the Soviet era. Web. 09.04.2018. http://www.iemp.ru/statiji/eparhia_vojna.htm#_Toc284586102 (In Rus.)
2. Bazhkov, Stepan. Irkutsk diocese in the Soviet period. Web. 09.04.2018. <http://www.pravoslavie.ru/44165.html> (In Rus.)
3. Gorbатов, А. В. State-confessional relations in Siberia (1947–1974). Bulletin of the Buryat University, no. 4, vol. 8, pp. 85–98, 2004. (In Rus.)
4. Gorbатов, А. В. State-church relations in Siberia (1949–1952). Proceedings of Tomsk Polytechnic University, no. 3, t. 310, pp. 166–170, 2007. (In Rus.)
5. Gorbатов, А. В. State and religious organizations of Siberia in the 1940s-1960s Tomsk: Publishing house of Tomsk state pedagogical University, 2008. (In Rus.)
6. Damascin, (Orlov), hegumen. Persecution of the Russian Orthodox Church during the Soviet period. I believe ... and again he shall come again with glory to judge the living and the dead. Web. 19.04.2018. <https://www.orthodoxy33.wordpress.com/2011/11/15/nssr/> (In Rus.)
7. Karnovich, S. A., Kuznetsov, A. A., Sinichenko, V. V. The Formation of a militia education in Eastern Siberia in the 1920s. Bulletin of Eastern-Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, no. 1, vol. 72, pp. 65–76, 2015. (In Rus.)
8. Novikova, T. M. Russian Orthodox Church and power during the civil war in Eastern Siberia (December 1917 – August 1921). Cand. hist. sci. diss. abstr. Irkutsk, 2011. (In Rus.)
9. Palamarchuk, A. V. Historical experience of relations between the state and the Church in South-Eastern Siberia (1920s–1930s.). Cand. hist. sci. diss. Irkutsk, 2002. (In Rus.)

10. Smolina, I. V. Resumption of Orthodox parishes in the Irkutsk region in the 1940s–1950s. *Earth the Irkutsky*. no. 2, pp. 74–82, 2007. (In Rus.)
11. Smolina, I. V. The Revival of the Orthodox parishes in the Irkutsk region in the 1940s–50s. *Irkutsk diocese*. Web. 19.04.2018. <http://www.iemp.ru/statijidetail.php?ID=1276> (In Rus.)
12. Smolina, I. V. The Revival of parish life. *Irkutsk region in the 1940s-1950s. Siberia*, no. 329/2, pp. 41–52, 2008. (In Rus.)
13. Smolina, I. V. *Irkutsk diocese in the system of state-church relations in the 1940s-1980s*. Cand. hist. sci. diss. Irkutsk, 2010. (In Rus.)
14. Smolina, I. V. On the issue of the seizure of Church values in the Irkutsk province in 1922. *Proceedings of the architectural and ethnographic Museum "Taltsy"*, vol. 5, pp. 108–117, 2006. (In Rus.)
15. Tsyrempilova, I. Documentary heritage of the ROC in the study of state-church relations in 1917–1930 on the territory of the Baikal region. *Power*, no. 9, pp. 160–163, 2012. (In Rus.)
16. Tsyrempilova, I. S. *Relations between the state and the Russian Orthodox Church in Baikal Siberia (1917s-1930s): historiography and sources*. Ulan-Ude: IPK of the ESSACA, 2008. (In Rus.)
17. Tsyrempilova, I. S. *The Russian Orthodox Church and state power in the 1917s–1930s (based on the materials of the Baikal region)*. Dr. hist. sci. diss. Ulan-Ude, 2009. (In Rus.)
18. Tsyrempilova, I. S. *The Russian Orthodox Church and the state: the history of relations in the 1917s–1930s (based on the materials of the Baikal region)*. Ulan-Ude: IPK of the ESSACA, 2008. (In Rus.)
19. Tsyrempilova, I. S., Zlogesteva Yu. G. *Activities of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (Council for religious Affairs) in the 1940s–1980s. (on the example of the Baikal region)*. *Power*, no. 10, pp. 47–50, 2010. (In Rus.)
20. About those Orthodox hermits in the Siberian wild. *patheos*. Web: 18.05.2018. <http://www.patheos.com/blogs/getreligion/2013/02/about-those-orthodox-hermits-in-the-siberian-wild/>.
21. Hays, Jeffrey *History of the Russian Orthodox Church. Facts and Details*. Web: 18.05.2018. <https://www.yandex.ru/search/?text=переводчик&lr=68&clid=9403>.
22. *Religion in Russia: the History of Russian Orthodox Church. The project Learn Russian in the EU*. Web: 18.05.2018. <https://www.learnrussianineu.com/religion-russia-history-russian-orthodox-church>.
23. Woerl, M. *Bishop Mikhail (Bogdanov, d. July 1925) of Primorsk and Vladivostok*. RPTsZ: obzor. Web: 20.05.2018. <http://www.rocorstudies.org/2012/06/25/bishop-mikhail-mikhail-bogdanov-6-nov-1857-9-jul-1925-of-primorsk-vladivostok/>

Received: 21 June 2018; accepted for publication August 20, 2018

Reference to the article

Drobotushenko E. V. To the Question of the Number of Orthodox and "Early Church" Cathedrals in Irkutsk in the Middle of the Third Decade of the 20th Century // *Humanitarian Vector*. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 115–122. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-115-122.

Востоковедение

Oriental Studies

УДК 94 (517)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-123-127

Эдуард Владимирович Батунаев,
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьянова, 6),
e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

Монголия: от провозглашения независимости до политических репрессий¹

В статье рассматривается один из самых сложных и драматических периодов в истории Монголии на пути к независимости и суверенитету. Внутриполитическая борьба в МНРП между «правыми» и «левыми», влияние Коминтерна, политические репрессии в Монголии в 1930–1940 гг., обострение международной ситуации, связанное с событиями на Халхин-Голе, оказали значительное влияние на политическое развитие Монголии. Особое внимание уделено политическим репрессиям, оставившим трагический след в истории Монголии. Репрессиям подверглись практически все слои населения Монголии, включая высшее партийно-государственное руководство, буддийское духовенство, интеллигенцию и зажиточных аратов. Ошибки и перегибы политики левого курса, борьба с ламством привели к масштабному «Хубсугульскому восстанию» в 1932 г. В ходе политических репрессий в Монголии значительно пострадало бурятское население, подвергшееся гонениям со стороны правящего режима по политическим мотивам, одним из которых стало сфабрикованное «Дело Лхумбэ». Автор пришёл к выводу, что политические репрессии стали инструментом внутриполитической борьбы с оппозицией, укреплением личной власти Х. Чойбалсана, а также сведением личных счетов в борьбе за власть.

Ключевые слова: политические репрессии, внутриполитическая борьба, Чойбалсан, Коминтерн, монгольская революция 1921 г.

Введение. XX век в истории Монголии прошёл под знаком борьбы за независимость и коренных социальных изменений. В 1911 г. Монголия в результате национально-освободительной борьбы и поддержке России провозгласила независимость от Китая и стала теократической монархией во главе с её духовным лидером Джебцзун-Дамбой-хутухтой. В результате подписанных серий международных договоров между Монголией, Россией и Китаем (1912, 1913, 1915 гг.), был определён международный статус Монголии как широкой автономии в составе Китая. В связи с ослаблением позиций России в годы революций и Гражданской войны Китай в 1919 г. ликвидировал автономию Монголии.

В 1920 г. барон Р. Ф. Унгерн освободил от китайских оккупационных войск Ургу и восстановил теократическую монархию. В Урге, в то же время, возникают первые революционные кружки, в которые вошли представители разных социальных слоёв, главной целью которых была борьба за национальную независимость. В 1921 г. они были объединены в Монгольскую народную партию (МНП). В тех условиях единственной реальной силой в достижении заветной цели могла стать Советская Россия. Однако Коминтерн и Советская Россия видели в Монголии, прежде всего, плацдарм для распространения революционных идей на Востоке.

Для монгольских революционеров гарантом сохранения независимости стала ори-

¹ Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

ентация на Советскую Россию и следование в русле некапиталистического пути развития. С этого времени влияние Коминтерна и ВКП(б) как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Монголии стало преобладающим. После революции 1921 г. Монголия прочно вошла в орбиту советского влияния. По линии Коминтерна в Монголию была направлена группа военных и партийных инструкторов и, по сути, вся работа правительственных и партийных органов проходила под их жёстким контролем. Среди современных исследователей, занимавшихся вопросами политических репрессий в Монголии, необходимо отметить работы отечественных и монгольских авторов: С. Л. Кузьмина, Б. В. Базарова, С. К. Рощина, Л. В. Кураса, Б. Батбаяра (Баабар), О. Батсайхана, Д. Олзибаатара, Ц. Цэрэна [1–3; 6–8; 10; 14; 15].

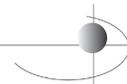
Изучение корпуса источников позволяет восстановить объективную картину политических процессов на территории Монголии. Целью данной работы является анализ внутривластного развития Монголии, политических репрессий, выявление степени влияния политики Коминтерна, эволюцию советско-монгольских отношений, влиявших на становление монгольской государственности.

Методология и методы исследования.

Методологической основой исследования стали принципы историзма и объективизма, которые позволили установить причинно-следственные связи хода, причины политических репрессий, внутривластной борьбы, механизмов и степени влияния политики Коминтерна и СССР в Монголии.

Результаты исследования и их об- суждение. Политические репрессии конца 30-х гг. XX в., затронувшие практически все слои населения Монголии, включая высшее партийно-государственное руководство, буддийское духовенство, интеллигенцию и зажиточных аратов, оставили трагический след в истории страны. В Монголии они получили название – «Их Хэлмэгдүүлэлт» (Великие репрессии). Долгие годы тема политических репрессий как в отечественной, так и в монгольской историографии оставалась малоизученной, многие материалы были недоступны для исследователей и широкой общественности. Историческая память жертвам политических репрессий в Монголии до сих пор полностью не восстановлена и нуждается в объективном исследовании. Прологом к политическим репрессиям в Монголии стала расправа над одним из видных политических деятелей, премьер-министром Д. Бодо. По «Делу Бодо»

были расстреляны 15 человек. Эти обвинения во многом были сфабрикованы по политическим мотивам. Основным конфликтом разгорелся между ключевыми фигурами МНП с председателем ЦК МНП С. Данзаном и председателем реввоенсовета Э. Ринчино в вопросе о перспективах развития Монголии. По приговору специальной комиссии, назначенной Правительством и III Съездом, С. Данзан и один из руководителей Союза молодёжи, Баваасан, были расстреляны. Главный путь обвинения – стремление произвести контрреволюционный переворот. Таким образом, внутривластная борьба между «правыми» и «левыми» превратилась в очередную расправу с оппонентами. В Монголии, вставшей на путь строительства социализма, проходили те же социальные преобразования, что и в СССР. Проводилась конфискация имущества у феодалов, бывших чиновников и высших лам, создавались колхозы и госхозы по советскому образцу [7, с. 363]. Важное внимание стали уделять экономическому подрыву теократии. Для этого проводилась джасская кампания и обложение монастырей высокими налогами. В 1930 г. была раскрыта подпольная организация, известная как «Заговор Эрэгдэндагвы», или «Дело 38», обвинение в участии в заговоре предъявили высшим ламам [6, с. 6]. Все эти процессы и реформы не могли не вызвать недовольства среди широких слоёв населения. Ошибки и перегибы проводимого «левого курса», в частности, антирелигиозная кампания, насильственная коллективизация, повышение налогов монастырских хозяйств, вызвали широкую волну недовольства среди населения, результатом которого стало Хубсугульское восстание в Монголии 1932 г. Повстанцы выступали с лозунгами свержения существующей власти, за устранение партии, ревсомола. Восстание не было стихийным, оно имело своих организаторов, которые опирались на широкое недовольство масс. В боях против отрядов повстанцев были задействованы армейские части и подразделения ГВО, использовалась и советская помощь. Правительственные потери превысили 400 человек убитыми и замученными. Страна понесла огромный материальный ущерб. Основные силы восставших к июлю были рассеяны, но полная ликвидация повстанческого движения завершилась лишь в октябре 1932 г. [10, с. 65]. Все руководители восстания в ходе публичного процесса были приговорены к расстрелу. Кроме того, был созван III Чрезвычайный съезд МНРП с осуждением ошибок и перегибов «левацкого

эксперимента» и началом «нового» курса. Таким образом, политика левого курса привела к дестабилизации обстановки и восстаниям в МНР.

В связи с обострением ситуации на Дальнем Востоке и с угрозой японской агрессии особое внимание СССР стал уделять монгольскому направлению. В назревавшем конфликте СССР стал, по сути, единственным гарантом безопасности против японской экспансии. Постоянные провокации японских войск на монгольско-советской границе способствовали складыванию военно-политического союза между МНР и СССР. Исходя из геополитических задач, одним из главных вопросов, стоящих перед руководством СССР, стал вопрос об укреплении обороноспособности Монголии. В 1932 г. была создана постоянная Монгольская комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с К. Е. Ворошиловым. С этого времени участились встречи руководителей СССР и МНР на высшем уровне. Необходимо отметить, что, начиная с первой встречи с монгольским руководством, Сталин придерживался непримиримой позиции в отношении лам и настойчиво советовал бороться с ними. В частности, он неоднократно заявлял: «Это государство в государстве. Чингисхан никогда не согласился бы на это. Он наверняка жестоко расправился бы с ними» [3, с. 142; 143]. В большинстве случаев советское руководство в ламском сословии видело, во-первых, неблагонадёжный элемент, потенциальных контрреволюционеров, сотрудничающих с иностранными государствами с целью свержения существующего строя, во-вторых, реальную оппозицию проводимых социальных преобразований на пути строительства социализма. В связи с этим были введены новые статьи Уголовного кодекса, относящиеся к ламам [13, с. 496]. Более 800 монастырей были уничтожены, практически ламское сословие перестало существовать.

Под маховик страшных политических репрессий в Монголии попали представители бурятского народа. Многие из них работали на различных руководящих должностях в партийно-государственных органах Монголии. Одним из них был Жамбын Лхумбэ, первый секретарь ЦК МНРП, обвинённый по сфабрикованному делу в контрреволюционной деятельности с целью свержения народной власти. Преследованиям подверглись также «неблагонадёжные» партийные и государственные работники, а также бывшие «левые», руководившие страной в 1929–1932 гг. В орбиту этого «дела» в той или иной степени попали

около 2 тысяч человек. Судили 316 человек, из них расстреляны 56, а 260 приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Свыше 700 бурятских хозяйств выдворены с территории Монголии [10, с. 82]. «Дело Лхумбэ» стало причиной для массовых репрессий бурят, проживающих в приграничных аймаках Монголии, прежде всего, Хэнтэйском, Дорнодском и Улан-Баторе [4, с. 169]. В годы «Большого террора» на территории соседней Бурятии подверглись репрессиям почти 20 тысяч человек. Им вменялась в вину попытка отторгнуть БМАССР от СССР и создать Великое Монгольское государство под протекторатом Японии, националистическая обработка населения республики на антисоветской основе и связанная с этим попытка государственного переворота. В ходе репрессий в эти годы, по сути, была уничтожена вся национальная интеллектуальная элита бурятского народа.

В борьбе за власть в 1936 г. Х. Чойбалсан при поддержке Сталина сместил с поста премьер-министра П. Гэндэна, в вину которому вменялась нерешительность в ламском вопросе, снижение обороноспособности, поддержка лозунга «обогащайтесь». Он был отправлен на лечение вместе с семьёй в СССР, проживал в течение года в Крыму (Феррос), планировал вернуться в Монголию, но был арестован органами НКВД по обвинению в создании «контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмиды» и расстрелян на полигоне «Коммунарка». Последнее, что успел сделать П. Гэндэн, будучи премьер-министром, – подписать протокол взаимопомощи с СССР. Подписание состоялось в Улан-Баторе 12 марта 1936 г. В соответствии с ним в Монголию были введены войска с целью укрепления обороноспособности. Всё это было связано с агрессивными планами Японии [7, с. 320]. Новый виток репрессий в Монголии связывают с именем заместителя наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновского и составлением так называемого «чёрного списка» на 115 человек, подозреваемых в «контрреволюционных заговорах» [5, с. 102, 104].

По аналогии с СССР были организованы специальные «тройки» для внесудебного рассмотрения дел. В период с 1937 по 1938 гг. были инициированы дела против крупных фигур духовенства. Одним из главных руководителей «контрреволюционного центра» был назван Ёнзон-хамбо Лувсанхаймчиг, тибетец, учитель Богдо-гэгэна VIII. Дело «Центральной контрреволюционной группы» стало первым крупным показательным процессом в

МНР по дискредитации высшего духовенства. Показательный процесс широко освещался в газете «Унэн» и транслировался по радио [13, с. 326–327]. Главными обвинениями стали сотрудничество высших лам с иностранными государствами с целью свержения власти МНРП и контрреволюционная деятельность [6, с. 10]. В 1937 г. был проведён показательный публичный процесс против «членов контрреволюционной организации Гэндэна-Дэмиды». Всего за несколько месяцев 1937 г., по сути, был уничтожен весь высший командный состав МНРА, чистке подверглось высшее партийное руководство МНРП (16 министров, 42 генерала и старших офицеров, 44 высших служащих) [11, с. 9]. В годы «большого террора» в Монголии были репрессированы десятки тысяч людей от руководителей страны до простых аратов. Среди них – видные государственные и партийные деятели Монголии П. Гэндэн, А. Амар, Д. Догсом, Л. Лосол, С. Довчин, О. Бадрах, З. Шижээ, Р. Мэнд.

Заключение. Таким образом, Монголия в первой половине XX в. прошла долгий и сложный путь к обретению независимости при поддержке сначала царской России, а затем

СССР. Надо подчеркнуть, что единственным гарантом независимости после революции 1921 г. выступил СССР. Выбрав советскую модель развития и прочно войдя в орбиту советского влияния, молодое монгольское государство в сложившихся условиях не имело иной альтернативы для сохранения своего суверенитета. Одной из трагической страниц в истории XX в. стали годы «большого террора» в Монголии. Под маховик массовых политических репрессий попали десятки тысяч людей, от рядовых тружеников до высших партийно-государственных деятелей. В большинстве своём они были репрессированы по сфабрикованным делам, ложным доносам, став инструментом для сведения личных счетов и поиска мнимых «врагов народа». Начиная с 1996 г. в Монголии 11 сентября отмечается «День памяти жертв политических репрессий». Дочь П. Гэндэна, Г. Цэрэндулам, в его бывшем доме открыт Мемориальный музей жертв политических репрессий. Создана специальная правительственная комиссия, ведётся работа с привлечением учёных-историков по реабилитации жертв политических репрессий.

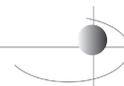
Список литературы

1. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 543 с.
2. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.
3. Батсайхан О. Встречи Сталина с монгольскими руководителями в 1932–1937 гг. // Восток. 2011. № 3. С. 142–143.
4. Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. «Дело Лхумбэ»: репрессии против бурят в Монголии // Вестник ВСГУТУ. 2012. № 4. С. 166–171.
5. История Монголии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2007. 448 с.
6. Кузьмин С. Л. «Контрреволюционный центр» в Монголии в 1930-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 5–13.
7. Кузьмин С. Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2016. 496 с.
8. Курас Л. В. Репрессивная политика советского государства в Бурят-Монголии в 20–30-е годы XX века // Политические репрессии на территории Бурятии 1930-х гг. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 107 с.
9. Ломакина И. И. Монгольская столица, старая и новая. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2006. 189 с.
10. Рошин С. К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. 160 с.
11. Цыренова М. Г., Аюшиева И. Г. Политические репрессии в России и Монголии: историческая память. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 118 с.
12. Kaplonski S. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia // American Ethnologist. 2008. Vol. 32, no. 2. Pp. 321–337.
13. Narangoa L. Japanese imperialism and Mongolian Buddhism // Critical Asian Studies. 2003. Vol. 35, no. 4. P. 496.
14. Олзийбаатар Д. Яагаад 1937 он? = Почему 1937 г.? Улаанбаатар хот, 2004. 310 с.
15. Цэрэн Ц. Буриадуудын дурвэлт, «Лхумбийн хэрэг» гэгчид тэднийг холбогдуулан хэлмэгдүүлсэн нь. Улаанбаатар хот, 2007. 124 с.

Статья поступила в редакцию 18.09.2018; принята к публикации 20.10.2018

Библиографическое описание статьи

Батунаев Э. В. Монголия: от провозглашения независимости до политических репрессий // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 123–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-123-127.

Eduard V. Batunaev,
 Candidate of History,
 Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
 Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
 (6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude, 670047, Russia),
 e-mail: Batunaeveduard@mail.ru

Mongolia: from Proclamation of Independence to Political Repression¹

The article considers one of the most difficult and dramatic periods in the history of Mongolia on the road to independence and sovereignty. The internal political struggle in the MPRP between the “right” and the “left”, the influence of the Comintern, political repression in Mongolia in the 1930s-1940s. The aggravation of the international situation related to the events at Khalkhin Gol had a significant impact on the political development of Mongolia. Particular attention is paid to political repression, which left a tragic trace in the history of Mongolia. Almost all segments of the population of Mongolia were subjected to repression, including the highest party-state leadership, Buddhist clergy, intelligentsia and well-off arats. The mistakes and excesses of the policy of the left-wing policy and the struggle against the lamas led to a large-scale “Khugsugul uprising” in 1932. During the political repressions in Mongolia, the Buryat population suffered much from the political regime, for political reasons, one of which was the fabricated “Case of Lhumbe”. The author came to the conclusion that political repression became an instrument in the internal political struggle against the opposition, strengthening of the personal power of H. Choybalsan and also squaring of personal accounts in the struggle for power.

Keywords: political repression, internal political struggle, Choybalsan, Comintern, Mongolian revolution of 1921

References

1. Baabar. History of Mongolia: from world domination to the Soviet satellite. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2010. (In Rus.)
2. Bazarov, B. V. Unknown from the history of panmongolism. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2002. (In Rus.)
3. Batsaikhan, O. Meetings of Stalin with the Mongolian leaders in 1932–1937. Vostok, no. 3, pp. 142–143, 2011. (In Rus.)
4. Vanchikova, Ts. P., Rinchinova, O. S. The Lumbue case: repressions against the Buryats in Mongolia. Vestnik VSGUTU, no. 4, vol. 39, pp. 166–171, 2012. (In Rus.)
5. History of Mongolia of the XXth century. M: In-t vostokovedeniya RAN, 2007. (In Rus.)
6. Kuz'min, S. L. “Counter-revolutionary center” in Mongolia in the 1930s. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no.4, vol.30, pp.5–13, 2014. (In Rus.)
7. Kuz'min, S. L. Theocratic statehood and the Buddhist church of Mongolia at the beginning of the 20th century. M: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2016. (In Rus.)
8. Kuras, L. V. The repressive policy of the Soviet state in Buryat-Mongolia in the 1920–1930s. Politicheskie repressii na territorii Buryatii 1930-kh gg. Izd-vo Buryat. gos. un-ta – Ulan-Ude, 2007. (In Rus.)
9. Lomakina, I. I. The Mongolian capital, old and new. M: T-vo nauchnykh izdaniy KMK, 2006. (In Rus.)
10. Roshchin, S. K. P. Genden, the Mongolian national leader. Strokes of the biography. M: Institut vostokovedeniya RAN, 2008. (In Rus.)
11. Tsyrenova, M. G., Ayushieva, I. G. Political repression in Russia and Mongolia: historical memory. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gos. un-ta, 2011. (In Rus.)
12. Kaplonski, C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia. American Ethnologist, vol. 32, no. 2, pp. 321–337, 2008. (In Engl.)
13. Narangoa, L. Japanese imperialism and Mongolian Buddhism. Critical Asian Studies, vol. 35, no.4, p. 496, 2003. (In Engl.)
14. Olziibaatar, D. Yaagaad 1937 on? = Pochemu 1937 g.? Ulaanbaatar khot, 2004. (In Mongl.)
15. Tseren, Ts. Buriaduudyn durvelt, “Lkhumbiin khereg” gegchid tedniig kholbogduulan khelmegdyysen n'. Ulaanbaatar khot, 2007. (In Mongl.)

Received: 18 September 2018; accepted for publication October 20, 2018

Reference to the article

Batunaev E. V. Mongolia: from Proclamation of Independence to Political Repression // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 123–127. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-123-127.

¹ The work was supported by the fundamental research program of SB RAS XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, No. AAAA-A17-117021310264-4.

УДК 745.5(571.5)

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-6-128-140

Маргарита Ивановна Гомбоева¹,

доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: m.i.gombоеva@gmail.com

Марина Владиславовна Федорова²,

ведущий научный сотрудник,
Отдел этнографии народов Сибири и Дальнего Востока
Российского этнографического музея
(191011, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4/1),
e-mail: fedorovarme@mail.ru

Надежда Петровна Комарова³,

кандидат искусствоведения, научный сотрудник,
Арт-фонд Даши Намдакова
(125438, Россия, г. Москва, наб. Лихоборская, д. 11, стр. 7),
e-mail: komarovanp@bk.ru

Традиционные ремёсла Восточной Сибири и современная художественная культура как источник развития креативных индустрий (на основе сравнительного анализа экспонатов Российского этнографического музея и авторских кукол семьи Намдакова)⁴

Главными исследовательскими задачами авторов, изучающих современную художественную культуру, связанную с традиционными ремёслами, являются выявление исторического контекста (среды) как условия выявления исторических истоков, историко-культурных преемственностей, сравнительного анализа формально-композиционных, сюжетно-смысловых аспектов творчества, традиционной семантики и его обогащение современными смыслами. Особое внимание уделяется современному языку художественной пластики. Историческими контекстами объекта исследования статьи являются исторические артефакты, которые были обнаружены и описаны в археологических исследованиях ИМБТ СО РАН и ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского в раскопках близ села Усть-Орот, Кижингинского района Республики Бурятия и Посольской стоянки Забайкальского края и исследования современных искусствоведов о технико-технологической преемственности изготовления предметов современного ювелирного искусства и традиционных способов изготовления ножей с техниками вышеназванных археологических памятников. В исследовании были использованы методы исторического обобщения, сравнительно-сопоставительного анализа, биографический метод, метод художественной стилизации творчества. Обобщение историко-культурной преемственности ремесленных традиций и художественных достижений осуществлено на основе дисциплинарного синтеза результатов искусствоведческого анализа, музейной каталогизации и атрибуции, а также философско-культурологической рефлексии условий и факторов преемственности и обновления традиций. На примере истории экспонирования художественных кукол показано, что создание семейных художественных мастерских как очагов креативной индустрии в творчестве ряда сибирских художников, скульпторов (Даши Намдаков, Жигжит Баясхаланов, Зоригто Доржиев и др.) обусловлены наличием устойчивых ремесленных традиций и их смелых, дерзких обновлений в наши дни.

Ключевые слова: традиционные ремёсла, историко-культурная преемственность, художественные традиции, декоративно-прикладное искусство, художественная мастерская, креативные индустрии, художественно-пластические искусства

Введение. Обращение к выяснению историко-культурной обусловленности степени развитости декоративно-прикладного искусства региона от сохранности наследия

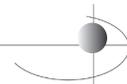
традиционных ремёсел в социальных средах обусловлено отсутствием специальных работ, посвящённых этой проблеме. Анализ существующих исследований позволил выя-

¹ М. И. Гомбоева – основной автор, описывает методологию, концепцию исследования, оформляет статью и описывает семейную мастерскую.

² М. В. Федорова описывает музейные экспонаты, составляет каталоги, описывает музейные экспонаты и кукол семьи Намдаковых, автор концепции выставки.

³ Н. П. Комарова работает с архивами Фонда Д. Намдакова, систематизирует творчество Д. Намдакова, проводит искусствоведческий анализ работ, автор концепции выставки в Пекинском музее мирового искусства.

⁴ Публикация осуществлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» в рамках темы «Народные промыслы и ремёсла Восточной Сибири».

вить сохранение в исторической науке интереса к вопросу о степени самостоятельности и художественной ценности наследия традиционных ремёсел, в частности, ювелирного искусства, металлообработки.

Актуальность исследования заключается в том, что авторы статьи проанализировали историко-культурные, художественно-технологические условия и факторы успешности трансформации наследия традиционных ремёсел в эффективные креативные индустрии семейных художественных мастерских.

Актуальность работы заключается в необходимости междисциплинарного синтеза результатов современного научного знания археологов, историков, искусствоведов об историко-культурной преемственности сюжетно-композиционных, формально-стилистических особенностей традиционного наследия ремёсел Восточной Сибири, обнаруженных в археологических памятниках раннего железного века и современного декоративно-прикладного искусства.

Задачей нашего исследования является выявление связи между историко-культурным наследием традиционных ремёсел Восточной Сибири (декоративно-прикладного, ювелирного и косторезного искусства, пошива национального костюма, ковроткачества) и актуализацией ремесленных навыков и умений в профессиональном художественном творчестве, а также описание условий создания на вышеназванных основах современных креативных индустрий.

Объект исследования – традиционные ремесла Восточной Сибири, такие как ювелирное дело, традиционное шитьё национальных костюмов, искусство изготовления ножа, скорняжное ремесло, традиционное декоративно-прикладное искусство, актуализированные в современных авторских куклах семейной художественной мастерской Д. Намдакова.

Методология и методы исследования.

Исторический метод позволил выявить и показать валидность положений о наличии общего и различного в развитии ремесленной культуры начала XX в. по материалам экспонатов фондов Российского этнографического музея, подтверждающих комплиментарность техники выполнения и образно-смысловых концептов с современными произведениями декоративно-прикладного творчества.

Сравнительно-сопоставительный анализ формально-композиционных, сюжетно-смысловых аспектов творчества ремесленников начала XX в. и современных художников по-

казал историко-культурную преемственность частично техники, наличие архетипических основ традиционной семантики и их обогащение смыслами, передающими современным языком художественной пластики. Метод визуализации сравнительного анализа объектов экспонирования кукол семьи Намдаковых в контексте этнографического пространства музея дал возможность воссоздать целостный образ эволюции ремесленных традиций бурятской культуры, раскрыть глубинную связь этнографических памятников и художественных произведений.

В статье использован биографический метод изучения семейной мастерской Д. Намдакова. Данный метод позволил выявить закономерности и этапы духовного развития личности мастера-ремесленника, условия реализации способностей личности в конкретных социальных, в нашем случае – семейных условиях, а также условия реализации коллективного таланта.

Результаты исследования и их обсуж-

дение. На основе сравнительно-сопоставительного анализа восточно-сибирских ремесленных традиций, описанных в археологической литературе, и современных кукол семьи как творческого коллектива Д. Намдакова – объектов декоративно-прикладного искусства, показана историко-культурная преемственность технико-технологических, сюжетно-семантических способов стилизации объектов произведений ремесла и произведений искусства. Сделано гипотетическое предположение о том, что развитие и современный ренессанс современного восточно-сибирского объёмного художественно-пластического искусства детерминировано традиционными видами ремесла, отличающегося практичностью, утилитаризмом, технической рациональностью. Традиционные ремёсла и современные скульптурные и объёмно-пластические формы кукол семьи Намдакова являются продуктом исторических предпосылок технической эстетики, технологически обусловлены использованием традиционных материалов (железо, кожа, ткань, дерево), нежели художественными образами.

Описаны произведения современного декоративно-прикладного искусства семьи Д. Намдакова. Искусствоведческое описание Н. В. Федоровой и Н. П. Комаровой свидетельствует о том, что во всех куклах сочетаются современная и этнографическая достоверность. Своеобразие актуализировано как особая творческая обусловленность (ремесленная династия и интеллектуальная гиб-

кость формообразования, инновационность художественных метафор, технико-технологических ресурсов, коллективный командный характер деятельности), отличная от социально-исторической обусловленности среды (художественная среда и художественное образование).

Результаты исследования были обсуждены на выставочных и научных площадках: художественной галерее В. Бронштейна (г. Иркутск, 2016–2017 гг.), Национальном музее Республики Бурятия (2017–2018 гг.), Красноярском музее изобразительного искусства им. Сурикова (2018 г.), отделе Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея (12 октября 2018 г., г. Санкт-Петербург).

Сделан вывод о том, что творчество Д. Намдакова и его художественные мастерские (скульптурная, ювелирная, мастерская авторских коллекционных кукол) являются репрезентацией успешных креативных индустрий. Внимание зрителей, интерес коллекционеров и исследователей искусства современных восточных регионов России обусловлен многими факторами, одними из которых являются:

– семейная творческая ремесленная среда, культивирующая инерцию энергии технического мышления каждого члена команды с его практически-действенным характером мышления, формирующим гибкость проекций приобретённых навыков на новые виды художественной деятельности;

– навыки внутрисемейных видов коммуникаций, такие как честность в отношении оценивания творческих качеств личности члена семьи, уважение к самоактуализации, интернациональная направленность на трансцендентные переживания творческих энергий;

– позиционирование деятельности и творчества художественных мастерских в формате современных креативных индустрий.

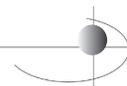
В качестве эмпирического примера нами взяты образцы ремесленных изделий двух бурятских сёл – Усть-Орот Кижингинского района Республики Бурятия и Укурик Хилокского района Забайкальского края, где жила семья Намдаковых. Первое село называют «Долиной курганов», а второе – «Заповедником умельцев». В одном из курганов близ села Усть-Орот археологи Бурятского института монголоведения, буддологии и тибетологии обнаружили произведения древнего скульптурного творчества [7, с. 9], а во втором селе имеются мастера, работающие в традиционных техниках. По существу, восточносибирские традиционные ремёсла, ювелирное

и кузнечное искусство ранних исторических этапов возможно идентифицировать ранним железным веком [8, с. 8, 27].

Творчество и искусство семьи Намдаковых глубоко национально, имеет ярко выраженные традиционные ремесленные истоки, которые проявляются как в тематических, жанровых и композиционных формах, так и в технико-технологических особенностях художественных произведений, использующих наследие народного творчества. Кроме этого, оно локально, наполнено особенностями жизни конкретной местности и семьи, в которой воспитывались художники. Вместе с тем величие их семейного дарования заключается в том, что оно объёмнее, гораздо шире национальных границ, привлекательно для представителей других народов, комплиментарно и, в глобальном контексте, является частью высокого уровня мирового декоративного искусства, являясь его особенной страницей [3; 4; 11].

Экспонирующиеся во многих странах авторские куклы семьи Намдаковых являются поистине уникальными и высокохудожественными произведениями искусства. Выполненные в яркой индивидуальной творческой стилистике, они обладают той особой эстетикой и неповторимой образностью, которые придают им сугубо авторское звучание [13, с. 3–9]. Обращение к традиционным образам, истокам национальной культуры создаёт особенный и выразительный мир, в котором реальность переплетается с фантазией, сцены из жизни кочевников соседствуют с сюжетами древних мифов и буддийских легенд, а сами куклы оказываются глубинно соотнесёнными с этническими ценностями бурятского народа [11; 12, с. 11].

Среди кукол, представленных на выставке в Российском этнографическом музее в октябре 2018 г., ведущее место занимают женские образы. Перед зрителями предстают прекрасные всадницы, гарцующие на лошадях и фантастических единорогах, изящные юные девушки, застывшие в танце или играющие на музыкальных инструментах, амазонка, натягивающая тетиву лука, гордая правительница, восседающая на троне. Обращение к женским образам представляется не случайным. Женщина – продолжательница рода, хранительница очага, этнических традиций, духовных и нравственных ценностей. В архаичном мировоззрении бурят идея о материнском начале объединялась с представлениями о единстве мира людей и мира природы, тотемистическими культами,

согласно которым прародителями людей считались животные и птицы. Эти традиционные представления нашли отражение в куклах, воплощающих образ матери и ребёнка («Материнство»), мифологические сюжеты о прародительнице бурят, небесной деве-лебеди («Девушка-лебедь») (прил. 2).

В образах кукол ярко раскрывается культура скотоводов-кочевников Центральной Азии, особое место в которой занимает конь. Почитание коня, отношение к нему как к самому дорогому другу являлось следствием его огромной роли в жизни скотоводов Центральной Азии. В прошлом у степных народов табуны лошадей являлись главным богатством и наиболее престижной частью стада, а конница представляла элиту войска, была решающей силой в боевых сражениях. Всадник, скачущий на коне, стал символом кочевой культуры народов Великой Степи, а образ батора и его коня – одним из ведущих мотивов героического эпоса и изобразительного искусства. Тема всадника и всадницы, воина и воительницы отражена в образах кукол «Всадница», «Всадница с луком», «Амазонка», «Воин», восходящих к мифологическим сюжетам и эпическим сказаниям. Объединённые одной темой, эти куклы, тем не менее, существенно различаются по пластическому решению и эмоциональному настроению.

На выставке также экспонируются куклы, представляющие музыкальную и вокально-поэтическую культуру бурятского этноса («Девушка с моринхуром», «Скрипачка»). В сюжетах кукол отражена традиция пения и игры на музыкальных инструментах, являющаяся важной частью жизни скотоводческих монгольских племён с древности до наших дней. У бурят и монголов публичное исполнение песен, сказок, благопожеланий, героико-эпических сказаний (улигеров) сопровождалось аккомпанементом на моринхуре – национальном двухструнном инструменте, справедливо считающемся символом музыкальной культуры степных кочевников. Смычковые инструменты хур являются ведущими в современных народных бурятских и монгольских оркестрах.

В сюжетах и образах кукол «Молитва», «Медитация» ярко представлена тема буддизма, оказавшего мощное влияние на формирование мировоззрения, религиозных и культурных традиций бурятского народа. Авторы кукол раскрывают буддийскую тему через женские образы, которые по своей духовности и интуитивной мудрости сближаются с женскими бодхисаттвами, восходящими к

культу богини-матери, универсальной защитницы, оберегающей всё живое.

Сравнительный анализ техники и образно-семантических основ двух экспонатов фондов Российского этнографического музея для каталога выставки «Ульгер» (№ 1 «Костюм невесты» и № 2 «Седло», прил. 1) и авторских коллекционных кукол семьи Д. Намдакова показал комплиментарность, преемственность произведений искусств разных эпох. Серебряные украшения национального костюма начала XX в., выполненные на высоком художественном уровне, декорированные многочисленными вставками и нитками кораллов, янтаря, полудрагоценных камней, являлись показателем высокого уровня развития ремесленного мастерства, техники, а эмоционально-образные решения декора сохранились в пластике современных произведений декоративно-прикладного искусства [1; 2].

Сравнительный анализ формально-композиционных, сюжетно-смысловых аспектов творчества ремесленников начала XX в. и современных художников показал историко-культурную преемственность частично техники, наличие архетипических основ традиционной семантики и их обогащение смыслами, передающимися современным языком художественной пластики.

Итак, во всех куклах сочетаются декоративная стилизация и этнографическая достоверность. Национальное своеобразие выражается во многих этнографически точных деталях: покрое одежды, конструкции украшений, форме причёсок, традиционных материалах, технических и художественных приёмах, цветовой гамме, орнаментике, символике.

Каждая кукла неповторима, наполнена особой эстетикой, этнической самобытностью и глубоким духовным содержанием, истоки которого восходят к многовековым традициям бурятского народа.

Ремесленные основы современного творчества авторы раскрываются в тематических разделах, созданных на основе экспонатов из коллекций Российского этнографического музея по традиционной культуре бурят и монголов конца XIX – первой половины XX в. На выставке экспонируются традиционные костюмы бурятской невесты и монгольской замужней женщины, мужской праздничный бурятский костюм, воинское снаряжение лучника, бурятское и монгольское парадные седла на коня, предметы конской упряжи, сосуды для молочной водки и чая, национальные му-

зыкальные инструменты, модель буддийского алтаря. В комплексах сосредоточены основные этнические символы, характеризующие традиционную культуру бурятского и монгольского народов, их специфический этнический облик. Данный этнографический материал выполнил функции культурно-семантического контекста выставки кукол.

Именно данное экспонирование кукол семьи Намдаковых в контексте этнографического пространства музея даёт возможность воссоздать целостный образ эволюции ремесленных традиций бурятской культуры, раскрыть глубинную связь этнографических памятников и художественных произведений, в которых зримо и ярко проявляется историко-культурная преемственность ремесленных традиций.

При этом всё-таки произведения художника Д. Намдакова и его семьи, в том числе художественные принципы создания произведений, не укладываются в привычные формы традиционного народного творчества. По сравнению с мастерством многих художников, имеющих национальные корни, так или иначе реализующих единство национального и универсального, дарование семьи Намдаковых явственно принадлежит к совершенно новому поколению художников, реализующихся в сфере культурных индустрий и в жанре «этно-фэнтези» [1].

В основе «этно-фантазийной» стилизации лежит художественный метод «магического реализма», в котором сюрреалистические элементы включены в реалистическую картину мира. Старый метод ассоциативного мышления («кисельные берега», «молочные реки»), лежащий в основе творчества многих мастеров, находит новые возможности и перспективы в современном искусстве. Идеи и средства художественной выразительности «Востока и Запада» активно участвуют в создании «этно-фэнтези», соединяя современные технологии с фантастическими сюжетами.

Синтез художественных образов, мифологических сюжетов, современных и традиционных материалов и техник, порой несовместимых ранее, обогащённый ассоциациями реальных и волшебных образов, позволил состояться художественному дарованию и таинству семейного дела. Что удивляет в этом синтезе? Это – изящность эффективно оперировать самыми разнообразными техниками и средствами выразительности. Изящность художественного восприятия мира, проявляющаяся в организации композиционной цельности каждого произведения, в гар-

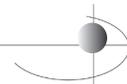
монизации ассоциативных связей с древним искусством народов Востока и со структурой семантического контекста современного искусства.

Объяснить появление необычных образов, воплощённых в авторских куклах Намдаковых, возможно, если знать этнокультурный контекст. Художественное произведение «Девушка-лебедь» появилась благодаря легенде племени хори-бурят о своей тотемной прародительнице. Кукла «Ханша», восседающая на резном троне в богато украшенном бисером платье, напоминает спутниц великих властителей кочевых империй, имён которых множество в бурятских родословных книгах, летописях, легендах и хрониках.

Основными характерными чертами стиля семейного творчества являются ощущение сказочности антуража, создание образов под «заданную» старину, предполагающую богатое убранство, организация «воздушности» пространства приёмами закруглённых, плавных очертаний арт-объектов, с акцентами на отдельные детали. Неизменно одно – все элементы декора ручной работы и выполнены безупречно.

Итак, истоки креативности семьи заложены в ремесленном прошлом народной культуры, профессиональном искусстве, в генетических истоках. Для того чтобы это понять, надо прочесть семейные рассказы, авторские нарративы художников про своих родителей. Это позволит нам прояснить характер взаимодействия социальных и наследственных факторов в развитии способностей в ремесленном творчестве, его роли в передаче опыта из поколения в поколение.

Глава семьи – отец Бальжин Намдаков, в течение всей своей жизни (а ему 90 лет) на глазах детей работал азартно, с большим интересом, создавал ощущение радости от красоты, созданной своим трудом: затейливой мебели, вытканного ковра, скорняжной упряжи, деревянной посуды и разной утвари, детских игрушек. Он читал много специальной литературы. В селе он был механизатором и рационализатором, электриком и самобытным инженером. От него сельчане всегда ждали необычного. И получали: первый мини-электродвигок; первую самодельную, сконструированную на основе двигателя трактора, механизированную пилораму; а также «коронный» промысел села Укурук – пошив обуви – унтов (сегодня этим промыслом занимаются уже три поколения односельчан). Создавая новое, он терял к нему интерес и делал что-то другое [5].

Его дети вспоминают: «в доме везде лежали журналы: “Знание – сила”, “Мастер”, “Сделай сам”, «За рулём», “Вокруг света”, “Изобретатель и рационализатор”, чертежи, схемы, рационализаторские предложения. Поддержка его жены – матери большого семейства – позволяли ему создавать нечто удивительное, собственное и прихотливое. Отец часто выполнял заказы для Иволгинского дацана – соборного храма буддистов Бурятии. Со старшим сыном Будажапом в 1980-е годы они выполняли скульптурные барельефы в виде персонажей буддийского пантеона. Это тонкая и ответственная работа, которую высоко ценили не только прихожане, но и профессионалы-скульпторы.

Мать заложила и обеспечила дисциплину и порядок, эмоциональную устойчивость семьи. Дети говорят о ней: «Она так же, как и отец, родилась в семье ремесленников и религиозных деятелей. Она у нас не только большая мастерица по шитью (мы – девочки, да и ребята также учились у неё в течение жизни швейному делу), она – стержень нашей семьи. Требовательная, строгая к себе, внимательная к нам, с большой долей интуиции и житейской мудрости, она каждому из нас помогает реализоваться в жизни. Мы освоили профессии: учителя, профессионального скульптора, ювелира, гримёра, медика, художника. Мы продолжаем стратегию, заданную нашими родителями: стараемся дать хорошее образование нашим детям. Среди наших детей есть архитекторы, дизайнеры, врачи, инженеры, экономисты. Мы разные, но при этом нас объединяет общее семейное дело» [1, с. 12].

Исследователи отмечают, что для жителей этнической Бурятии с её ремесленными традициями, уникальными природно-климатическими ландшафтами и живыми носителями древних знаний, живой культ дархана – своего рода неиссякаемая энергия творчества. Поэтому вполне понятно, почему мастерская семьи Намдаковых становится символом актуальности современных культурных индустрий в традиционной художественной культуре.

Новизна формообразования, асимметричность пропорций, свежесть художественных метафор преодолевают визуальные и образные традиции и трансформируют региональную национальную идентичность в целостную картину декоративно-прикладного искусства России.

Заключение. Начало XXI в. отмечено глобальной востребованностью креативных

(творческих) индустрий, в основе которых лежит индивидуальное личностное начало, уникальный опыт и талант личности, в нашем случае – семьи Намдаковых. Во многих странах культурные индустрии планомерно трансформируются в главный фактор социально-экономических преобразований на основе обновления индустриальной культуры производства, создания и выращивания творческих гениев, стимулирования потребления продуктов их деятельности посредством масштабирования плодов их труда. Поэтому творчество семьи Намдаковых отвечает новым вызовам развития мирового искусства, связанным со значительным ростом инфраструктуры «интеллектуального и творческого предпринимательства» [9; 10, с. 359], выпуском и экспортом произведений художественных произведений, создающих новый потенциал искусства.

По результатам проведённых исследований, на основе анализа результатов многочисленных выставок, на которых артефакты продемонстрировали художественную преемственность с наследием известных в стране и за рубежом фондовых музейных коллекций сделан вывод о том, что многих исследователей объединяет общее заключение: творчество известных художников – это основанное на ремесленных традициях прошлого яркое преображение художественных ремесленных традиций. Трансформация ремёсел в очаги креативных индустрий есть результат современных маркетинговых стратегий брендинга творчества при условии сохранения энергии народного творчества в профессиональной сфере посредством эффективной поддержки мотивационных институций креативности.

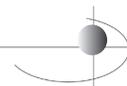
Творчество семьи Намдаковых проявляется в создании новых идей для создания оригинальных произведений искусства и культуры, применение современных функциональных разработок, технических и технологических инноваций. В этом отношении семья создала новое направление развития семейного художественного творчества на основе креативной индустрии ремесла. Мастерская работает успешно, потому что существует по законам креативной экономики.

Тот опыт, который создается семьёй, является мощным стимулом и ресурсом развития традиционной народной культуры, декоративно-прикладного искусства, позволяет вывести искусство на качественно новый уровень развития, способствует развитию творческого потенциала каждой личности, даёт надежду многим мастерам на творческую самореализацию.

Аннотации к экспонатам из фондов РЭМ для каталога выставки «Ульгер»

№ п/п	Аннотации	Фото
1	<p>Костюм невесты. Буряты. Шёлк, парча, хлопчатобумажная ткань, бархат, кожа, войлок: кройка, шитьё, простегивание; картон: вырезание, обшивка тканью; серебро, металл: чеканка, штамповка, гравировка, накладная и ажурная филигрань, плетение; серебряные монеты, кораллы, янтарь, лазурит, малахит, стекло, паста: сверление, низание, инкрустация; нити шёлковые, хлопчатобумажные. Забайкальская обл. Первая половина XX в. РЭМ. Кол. № 7275–34аб, 13118–1, 2, 3, 4; 8762–19427/1,2. Костюм состоит из отрезного по талии халата <i>тэрлиг</i>, с запахом левой полы на правую, воротником-стойкой и шивными составными рукавами. Поверх халата надета короткая безрукавка <i>уужа</i> с прямым разрезом спереди. Весь комплект женской верхней одежды бурят символизировал мифическое существо лебедя-маралуху – двух томов-первопредков. Женская безрукавка символизировала оперение лебедя, а манжеты в форме копыта воплощали образ маралухи. На голове невесты надет венок <i>даруулга</i> с коралловыми подвесками. На груди подвешена серебряная амулетница <i>зуу</i> для хранения буддийских реликвий и филигранное ожерелье <i>һиихэ-хонхо</i>, декорированное стилизованными изображениями буддийских символов. Выполненные на высоком художественном уровне изысканные серебряные украшения, декорированные многочисленными вставками и низками кораллов, янтаря, полудрагоценных камней являлись показателем высокого социального статуса и благосостояния владелицы, являлись символами благополучия и чадородия. Такие комплекты украшений передавались по наследству от матери к дочери, входили в приданое невесты</p>	
2	<p>Седло женское с попоной. Хори-буряты. Дерево: резьба; железо, медь: ковка, серебряная насечка, чеканка, штамповка, гравировка; кораллы: инкрустация; бархат: простегивание; кожа, шёлк, раковины каури. Длина полок остова 55 см, высота передней луки 31 см, высота задней луки 18 см; тебеньки: 46×40 см; чепрак: 201×60 см. Забайкальская обл., Читинский уезд. Середина XIX в. РЭМ. Кол. № 1897–1abcd. Основу седла <i>эмээл</i> составляет деревянный остов; луки и выступающие части полок декорированы железными пластинами с серебряной насечкой, чеканным растительным орнаментом и инкрустацией кораллами. Сверху крепится седельная подушка, обшитая простеганным бархатом, а по бокам – тебеньки, служащие для предохранения ног всадника от трения стремянным ремнём. Подстилка под седло (чепрак) изготовлена на кожаной основе, покрыта бархатом и шёлковой тканью. Тебеньки и чепрак богато украшены раковинами каури, которые имели не только декоративное значение, но и символизировали плодородие, служили женским оберегом. Изготовление и украшение конского снаряжения считалось почётным занятием, в которое бурятские мастера вкладывали всю душу и мастерство. Качество седла и сбруи на лошади, их дорогостоящие украшения из серебра, кораллов, раковин каури, самоцветов служили отличительным признаком состоятельности владельца, являлись предметом его гордости. Особо украшались, отличались изяществом и качеством отделки женские праздничные сёдла. Хороший конь с полным убранием входил в приданое невесты, на нём она ехала на свадебный обряд</p>	

<p>3</p>	<p>Колчан со стрелами. Буряты. Кожа: тиснение; металл: ковка, клёпка; рог: резьба; дерево: строганье, вытачивание; перья птицы, минеральные краски: тонирование кожи, роспись по дереву. Колчан: длина 57,5 см, ширина 13,2 см; стрелы: длина 71 см. Забайкальская обл. Конец XIX в. РЭМ. Кол. № 8761–7842/1–11. Колчан <i>саадак</i> представляет собой узкий футляр подпрямоугольной формы, на жёсткой деревянной основе, обтянутой кожей. С лицевой стороны колчан декорирован тиснёным орнаментом в виде сложных геометрических, растительных и роговидных узоров, тонированных натуральными красками. Верхний край отделан загнутой полосой кожи, декорированной пятью медными клёпками. В колчан вставлены стрелы <i>үүдхэ</i> с деревянными древками, узкими железными и роговыми наконечниками, оперением <i>үдэ</i> из подстриженных хвостовых птичьих перьев. Такие лёгкие стрелы использовались для охоты на птиц и мелких пушных зверей. Колчан со стрелами буряты носили на длинном ремне, перекидывая через правое плечо или прикрепляли к поясу с правой стороны. Лук и стрелы – древнейшее оружие воина и охотника – были широко распространены у бурят до середины XVIII в. и продолжали применяться во время конной верховой охоты вплоть до начала XX в. У бурят искусство стрельбы из лука высоко ценилось с древности. В наши дни соревнования в стрельбе из лука являются одним из популярнейших национальных видов спорта и проводятся на общенациональном празднике стрелка «Сурхаарбан»</p>	
----------	---	--

Приложение 2

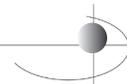
Аннотации к куклам для каталога выставки «Ульгер» (М. В. Федорова)

№ п/п	Аннотации	Фото
<p>1</p>	<p>Девушка-лебедь Кукла «Девушка-лебедь» – образ, восходящий к мифологическому сюжету о тотеме – прародительнице хоринских бурят небесной девы-лебеди Хун Шубуун. Согласно генеалогическому преданию хоринцев, однажды молодой охотник Хоредой Мэргэн увидел на берегу озера Байкал трёх белых лебедей, которые, сбросив с себя лебяжье оперение, превратились в прекрасных девушек. Пока они купались, Хоредой незаметно похитил одеяние одной из них. Накупавшись, две небесные девы, надев лебяжье оперение, снова превратились в белых лебедей и улетели; третья же осталась на земле и вышла замуж за Хоредоя Мэргэна. Прожив с ним много лет, она родила ему 11 сыновей, ставших прародителями одиннадцати хоринских родов. Когда дети подросли, жена Хоредоя надела свою лебяжью одежду и превратившись в лебедя, улетела через дымовое отверстие юрты. Генеалогические предания о происхождении от небесной девы-лебедя существовали и у многих других бурятских родов, которые называли себя «саган шубуунтан» – «происхождением от белой птицы», «потомки лебедя»</p>	

Продолжение прил. 2

№ п/п	Аннотации	Фото
2	<p>Принцесса.</p> <p>Сюжеты кукол «Принцесса» и «Легенда», изображающих прекрасных всадниц, сидящих верхом на фантастических единорогах, восходят к мифологическим мотивам, широко распространённым в мировой культуре. С единорогом связано множество легенд, символов и аллегорий. Его наделяли необыкновенными способностями, считали, что он силен и благороден, а его рог обладает многими чудесными свойствами. В интерпретации авторов кукол «Принцесса» и «Легенда» единорог предстаёт в образе прекрасного белого коня, несущего на спине, как драгоценность, юную всадницу. Это фантастическое существо ассоциируется с небесным конём из бурятской и монгольской мифологии. В древних космогонических представлениях тюрко-монгольских народов культ коня был связан с солярными культурами Солнца и Неба, поэтому особо почитали лошадей белой масти. У бурят широкое распространение получили фольклорные сюжеты, связанные с волшебным крылатым конем <i>далитайморин</i>, обладающим сакральной магической силой. Его образ нашёл яркое отражение и в изобразительном искусстве бурят</p>	
3	<p>Всадница.</p> <p>Перед нами образы юных всадниц-воительниц, едущих по степи на своих низкорослых монгольских лошадаках. Девушки одеты в стилизованные бурятские костюмы с украшениями. Костюмы содержат многие этнографически точные детали: шёлковые голубые халаты тэрлиг, запахивающиеся на правую сторону, длинное ожерелье и височные подвески, сапожки монгольского типа <i>эрмэгэгул</i> с высокими кожаными голенищами и острыми загнутыми вверх носками. На кукле «Всадница» традиционная бурятская шапка <i>малгай</i> с меховым околышем-отворотом и высокой конусообразной тульей, к верхушке которой пришита кисть из красных шёлковых нитей <i>залаа</i>.</p> <p>Всадницы изображены с воинскими атрибутами: луком, колчаном со стрелами, копьём, элементами воинских доспехов. Несмотря на детали воинского вооружения, образы этих милых девушек женственны и романтичны, а их движения полны изящества и грации.</p> <p>В сюжетах кукол прослеживаются мотивы эпических повествований бурят о девах-воительницах, совершающих подвиги во имя спасения жизни своих братьев и продолжения рода. На пути к своей цели героиня ульгера проходит долгий путь, преодолевает обширные степные пространства, горы, реки, моря, укрощает и приручает животных. Окружение, условия, в которых действует девушка, представляют яркую картину эпического мира и в то же время наполнены жизненными реалиями, традиционными для бурятского быта скотоводов-кочевников</p>	

4	<p>Амазонка.</p> <p>Кукла «Амазонка» – пластическое воплощение идеала женщины-воительницы, воспетого в бурятском и монгольском эпосе. Она застыла, провожая взглядом только что выпущенную стрелу. Её прямой, как тетива лука стан, гордо приподнятая голова женственна и в то же время полна внутренней силы.</p> <p>В кукле нашли отражение сюжеты бурятских эпических произведений, в которых наиболее ярким образом девы-воительницы является Алма Мэргэн, жена Гэсэра. Эта могучая богатырша и в то же время могущественная волшебница предстаёт как амазонка-охотница, обладающая богатырской удалей. Атрибутами эпической воительницы обычно являются доспехи, боевой лук, колчан, стрелы, имеющие волшебные свойства, она может при помощи заклинания направлять их полёт. В эпосе воспеваются не только большая физическая сила, храбрость и стойкость женщины-воительницы, но и её исключительная красота, высокие нравственные качества. В её образе воедино сливаются наиболее значимые этические идеалы и эстетические представления бурят</p>	
5	<p>Молитва.</p> <p>Кукла представляет одухотворённый образ бурятской женщины, возносящей молитву буддийским божествам во имя блага всех живых существ. Женщина сидит, слегка прикрыв глаза, сосредоточенная на молитве. В её облике, выражении лица, жестах рук проступают черты иконографических женских образов будд и бодхисаттв. Её образ воплощает в себе присущие женской природе буддийские совершенства и качества бодхисаттв: мудрость – интуитивное духовное знание, сострадание, милосердие, жертвенность, щедрость, нравственность</p>	
6	<p>Алтаргана</p> <p>Кукла изображает прекрасную девушку в стилизованном национальном костюме, в образе которой воплотились идеалы красоты и духовности бурятского народа.</p> <p>Глубокий символический смысл заложен не только во внешнем облике куклы, но и в названии произведения. Алтаргана (от бур. алтан – «золото») – цветущий в степи невысокий золотистый кустарник с мощной корневой системой, которая позволяет ему закрепиться и выжить на каменистых склонах гор, в пустынях и песчаных степях. Это удивительно живучее растение, крепкое своими корнями, стало символом неразрывной связи бурят с родной землёй, со своей историей, культурой и традициями. Как и алтаргана, бурятский народ умеет выстоять в лишениях и сохранять свои национальные ценности и уникальную самобытность. В честь этого растения назван Международный всебурятский фестиваль единения бурятского народа «Алтаргана», проводящийся раз в два года в Монголии и Бурятии с целью возрождения и сохранения традиционной культуры</p>	

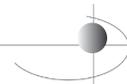
Продолжение прил. 2

№ п/п	Аннотации	Фото
7	<p>Ханша. Величественная фигура ханши, восседающей на резном деревянном троне, полна достоинства, внутренней силы и гармонии. Она одета в стилизованный костюм монгольских знатных женщин Средневековья, богато украшенный аппликацией, кружевом, вышивкой шёлковыми нитями и бисером. Высокий ворот и передник декорированы изображениями лосей с ветвистыми рогами, образы которых созвучны с древними наскальными петроглифами. В архаических культурах Сибири и Центральной Азии лось ассоциировался с понятием вселенной, олицетворял верховное космическое божество. На ханше надет высокий головной убор <i>бокка</i> – отличительная деталь костюма знатных монголов средневекового государства Золотая Орда (XIII–XIV в.). Волосы заплетены в две косы – традиционную причёску замужних женщин. Длинные спускающиеся до полу косы отражают представления о магической силе волос, которые считались вместилищем жизненной силы человека, воплощали в себе идеи плодородия</p>	

Список литературы

1. Гомбоева М. И. Феномен творчества семьи Намдаковых // Каталог выставки «Ульгер» в Российском этнографическом музее. СПб.: РЭМ, 2018. С. 14–16.
2. Комарова Н. П. Даши Намдаков: погружение в архаику [Электронный ресурс] // Научное наследие И. И. Соктоевой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Улан-Удэ, 26–30 июня 2018). Режим доступа: <http://www.muzeurb.ru/category/izd/> (дата обращения: 12.09.2018).
3. Комарова Н. П. Каталог выставки Даши Намдаков. Лондон: Галерея Хельсион, 2012. С. 51–57.
4. Марц Л. В., Комарова Н. П. Кочевник и скульптор Даши Намдаков // Каталог выставки «Между небом и землёй». М.: ГИМ, 2014. С. 2–8.
5. Полевые материалы медиагранта РГО «Народные ремёсла и промыслы народов Восточной Сибири» Э. Ш. Тумуровой. 2018. Тетр. 1. С. 18.
6. Сампилов Ц. С. Этнографические зарисовки. Новосибирск: Наука, 1995. 22 с.
7. Симухин А. И. Формирование коллекций медно-бронзовых изделий бронзового века западного Забайкалья (историография вопроса) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16057> (дата обращения: 10.09.2018).
8. Симухин А. И. Предварительные результаты археологического обследования участка правого берега реки Худан в Кижингинском районе Бурятии // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. № 1. С. 275–290.
9. Суханова П. А. Модели эффективных кластеров в условиях становления экономики инновационного типа: обзор зарубежных и отечественных подходов [Электронный ресурс] // Ars Administrandi. 2016. С. 17–27. Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/modeli-effektivnyh-klasterov-v-usloviyah-stanovleniya-ekonomiki-innovatsionnogo-tipa-obzor-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-podhodov> (дата обращения: 10.09.2018).
10. Сибирцева Ю. А., Кильдяшова Т. А. Культурные ресурсы территории: стратегии развития // Вестник Поморского университета. 2011. № 2. С. 120–124.
11. Федорова М. В., Wang Limei. 乌力格尔的神话. Истоки национальной культуры в куклах семьи Намдаковых [Электронный ресурс] // Каталог выставки «Ульгер» в Пекине. Пекин: Арт-музей Миллениум. С. 2–6. Режим доступа: <http://www.collection.sina.com.cn/yhds/2016-12-17/doc-ifxytqav9631648.shtml> (дата обращения: 10.09.2018).
12. Федорова М. В. Авторские куклы семьи Намдаковых // Каталог выставки «Ульгер» в Российском этнографическом музее. СПб.: РЭМ, 2018. С. 12–13.
13. Kramarovskiy Mark. Genghis Khan: the End of the Myth of the Triumphant Victor // Чингисхан: конец мифа о триумфаторе. A Nomad's Universe Dashi Namdakov. London: HalcyonGallery, 2012. Pp. 35–47.
14. Hesmondhalgh D. The Cultural Industries. Second Edition. London: Sage, 2007. 346 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2018; принята к публикации 27.10.2018

Библиографическое описание статьи

Гомбоева М. И., Федорова М. В., Комарова Н. П. Традиционные ремёсла Восточной Сибири и современная художественная культура как источник развития креативных индустрий на основе сравнительного анализа экспонатов Российского этнографического музея и авторских кукол семьи Намдакова // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 128–140. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-6-128-140.

Margarita I. Gomboeva¹,

*Doctor of Culturology, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Marina V. Fedorova²,

*Leading Researcher,
Department of Ethnography of Peoples of Siberia and the Far East,
the Russian Ethnography Museum,
(4/1 Inzhenernaya st., Saint Petersburg, 191011, Russia),
e-mail: fedorovarme@mail.ru*

Nadezhda P. Komarova³,

*Candidate of Art History, Research Worker,
Art Foundation of Dashi Namdakov
(11, Building 7, Likhoborskaya emb., Moscow, 125438, Russia),
e-mail: komarovanp@bk.ru*

**Traditional Crafts of Eastern Siberia and Modern Art Culture as a Source
of Creative Industries Development (on the Basis of Comparative Analysis
of the Russian Ethnography Museum Exhibits and the Namdakovs' Author Dolls)⁴**

The main research problems for the authors studying modern art culture related to the traditional crafts are identification of historical context as a condition of finding historical background, historical and cultural continuity, comparative analysis of formal and compositional, plot and sense aspects of creative work, traditional semantics and its enrichment with modern meanings. There is a particular focus on modern language of plastic arts. Taking the example of art dolls' exposure, we show that establishing of family art workshops as sources of creative industry in the creative work of some Siberian artists and sculptors (Dashi Namdakov, Zhigzhit Bayaskhalanov, Zorigto Dorzhiev, et al.) relate to persistent craftsmanship traditions and their daring renewals today. The results of the studies conducted, numerous joint exhibitions with the fund museum collections allowed us to make a conclusion: creative work of famous artists is a bright transformation of artistic traditions of the East based on the past craft traditions, principles of modern creative industries, energy of folk art in professional sphere by means of effective motivational creativity institutions. We used the methods of historical generalization, comparative analysis, a biography method, a method of artistic stylization of creativity. Generalization of historical and cultural continuity of craft traditions and artistic achievements was made on the basis of disciplinary generalization of the results of art history analysis, museum cataloging and attribution, as well as philosophical and culturological reflection of conditions and factors of continuity and renewal of traditions.

Keywords: traditional crafts, historical and cultural continuity, artistic traditions, arts and crafts, art workshop, creative industries, plastic arts

References

1. Gomboeva, M. I. The Phenomenon of the Namdakovs' Family // Catalog of the "Ulger" Exhibition in the Russian Museum of Ethnography. SPb.: REHM, 2018: 14–16. (In Rus.)
2. Komarova, N. P. Dashi Namdakov: Immersion in the Archaic. Proceedings of Scientific and Practical All-Russian Conference with international participation. June 26–30, 2018. Ulan-Ude: National Museum of the Republic of Belarus. Web. 12.09.2018. <http://www.muzeymb.ru/category/izd/> (дата обращения: 12.09.2018). (In Rus.)

¹ M. I. Gomboeva, the main author: description of methodology, research concept, preparation of the manuscript, description of the family workshop.

² M. V. Fedorova: description of the museum exhibits and dolls Namdakov family, cataloguing; author of the exhibition concept.

³ N. P. Komarova: work with D. Namdakov's Foundation archive, D. Namdakov's creative work systematization, art history analysis of works; the author of the concept of the exhibition at the Beijing Museum of world art.

⁴ The work was financially supported by All-Russian non-government organization "Russian Geographical society", in the context of the subject "Arts and crafts of Eastern Siberia".

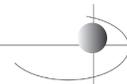

3. Komarova, N. P. Catalog of the exhibition of Dashi Namdakov. London. Galereya Khel'sion, 2012: 51–57. (In Rus.)
4. Marts, L. V., Komarova, N. P. Nomad and sculptor Dashi Namdakov. Catalog of the exhibition "Between the Heaven and the Earth". M: GIM, 2014: 2–8.
5. Field materials of the media grant RGS "Arts and crafts of the peoples of Eastern Siberia" by Tumurova, E. Sh. 2018. Book 1. P. 18. (In Rus.)
6. Sampilov, Ts. S. Ethnographic sketches. Novosibirsk: Nauka, 1995.
7. Simukhin, A. I. Formation of the collections of copper-bronze products of the Bronze Age of Western Transbaikalia (historiography of the issue). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no.6, 2014. Web.10.09.2018. <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16057> (In Rus.)
8. Simukhin, A. I. Preliminary results of an archaeological survey of a section of the right bank of the Khudan River in the Kizhinginsky District of Buryatia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologij*, no. 1, vol. 8, 2010, pp. 275–290. (In Rus.)
9. Sukhanova, P. A. Models of Effective Clusters in the Conditions of the Formation of an Innovation-Type Economy: A Review of Foreign and Domestic Approaches. *Ars Administrandi*. 2016: 17–27. Web. 10.09.2018. <https://www.cyberleninka.ru/article/n/modeli-effektivnyh-klasterov-v-usloviyah-stanovleniya-ekonomiki-innovatsionnogo-tipa-obzor-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-podhodov>. (In Rus.)
10. Sibirtseva, Yu. A., Kildyashova, T. A. Cultural resources of the territory: development strategies. *Vestnik Pomorskogo universiteta*, no. 2, pp. 120–124, 2011. (In Rus.)
11. Fedorova, M. V., Wang Limei. The origins of the national culture in the dolls of the Namdakovs' family. *Katalog vystavki "Ulger" v Pekine*. Pekin: Art-muzej Millenium: 2–6. Web. 10.09.2018. <http://www.collection.sina.com.cn/yhds/2016-12-17/doc-ifxytqav9631648.shtml> (In Rus.)
12. Fedorova, M. V. Author dolls of the Namdakovs' family. Catalog of the exhibition "Ulger" in the Russian Museum of Ethnography. SPb: REHM, 2018: 12–13. (In Rus.)
13. Kramarovskiy, Mark. Genghis Khan: the End of the Myth of the Triumphant Victor. A Nomad's Universe Dashi Namdakov. London: HalcyonGallery, 2012. Pp. 35–47.
14. Hesmondhalgh, D. *The Cultural Industries*. Second Edition. London: Sage, 2007. (In Engl.)

Received: 27 September 2018; accepted for publication October 27, 2018

Reference to the article

Gomboeva M. I., Fedorova M. V., Komarova N. P. Traditional Crafts of Eastern Siberia and Modern Art Culture as a Source of Creative Industries Development (on the Basis of Comparative Analysis of the Russian Ethnography Museum Exhibits and the Namdakovs' Author Doll) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 128–140. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-6-128-140.

УДК 93/94

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-141-145

Снежана Сергеевна Цыпилова,*кандидат исторических наук,**Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),**e-mail: ai_qing@mail.ru*

Женщина в средневековой Монголии: краткий исторический обзор¹

В данной работе рассматривается роль и место женщины в средневековом монгольском обществе. Её повседневный быт и положение в семье нашли отражение в записях исследователей-путешественников того времени. В семье она неизменно пользовалась уважением. Глава семьи мог обратиться к ней за советом при принятии важных решений. В случае смерти мужа женщина становилась главой семьи – по крайней мере, до женитьбы старшего сына. Женщины из высших слоёв монгольского феодального общества часто становились регентами после смерти мужей. Значительное внимание уделено жизнеописанию четырёх ханш: Туракина, Огул-Гаймиш, Сорхактани-беки, Мандухай. Каждая из них оставила яркий след в монгольской истории. Их опыт управления государством не всегда был положительным. Тем не менее, представительницы высших слоёв общества проявляли лидерские качества и часто были успешны в борьбе за власть. В истории Монголии есть немало примеров, когда женщины оказывали существенное влияние на политические процессы в жизни государства. Для оценки положения и роли женщины в средневековом монгольском обществе были использованы следующие методы исторического исследования: хронологический, историко-биографический, сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Данное исследование представляет интерес для историков, востоковедов и широкого круга читателей.

Ключевые слова: Монголия, женщина, традиционное общество, власть, брак, семья

Введение. Вопросы положения женщины в обществе находятся в центре внимания современной мировой общественности: историков, этнографов, социологов, культурологов, социальных антропологов, политологов и др. При сохранении традиционных основ общества, Монголия – динамично развивающаяся страна, вовлечённая в процессы глобализации и демократизации, в которой политическое и социально-экономическое положение женщин и мужчин постепенно выравнивается. Монгольский опыт эмансипации женщин представляет собой интерес как в силу быстроты его реализации, так и благодаря сохранению национальной идентичности, неотделимой от пастбищного скотоводства и кочевого образа жизни. На наш взгляд, роль женщины, представления о её функциях и месте в традиционном обществе важны для понимания современных процессов, происходящих в монгольском обществе.

В исторических летописях и заметках путешественников сохранились важные сведения, свидетельствующие о значимой роли женщины в средневековом монгольском обществе². Некоторые аспекты положения женщин в традиционном монгольском обществе

рассматривались в отечественных трудах учёных-монголоведов, в основном, это касалось вопросов брака и семьи [1; 3; 4]. В современном монголоведении (как в российском, так и зарубежном) женская проблематика часто рассматривается в политическом аспекте [5; 7; 9]. История и жизнь монгольских правительниц, роль женщины на политической арене – эти вопросы находятся в фокусе внимания. Целью нашего исследования является изучение места и положения женщины в средневековом монгольском обществе.

Методология и методы исследования.

В ходе работы были использованы следующие методы исторического исследования: хронологический, историко-биографический, сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Применение данных методов позволило дать оценку положению и роли женщин в средневековом монгольском обществе, проанализировать социально-политические аспекты её «высокого» статуса в семье и обществе.

Результаты исследования и их обсуждение. В кочевой монгольской культуре женщина играла значительную роль. В семье женщина пользовалась немалым ува-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

² История монголов. Путешествие в восточные страны / Гильом де Рубрук, Дж. П. Карпини; ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – 270 с.; Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 148 с.; Рашид-ад-дин. Сборник летописей / отв. ред. И. А. Орбели; пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Б. И. Панкратова и Ю. П. Верховского; ред. И. П. Петрушевского. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 248 с.

жением. Глава семьи мог обратиться к ней за советом при принятии важных решений. Мелкие хозяйственные вопросы она решала самостоятельно. В кочевой культуре подчёркивается высокая значимость женщины в её традиционной роли – жены. В одном из изречений Чингисхана о роли жены говорится следующее: «Мужчина не есть солнце, чтобы являться во всех местах людям; жена должна, когда муж займётся охотой или войной, держать дом в благолепии и порядке, так что если заедет в дом гонец или гость, увидит всё в порядке, и она приготовит хорошее кушанье, и гость не будет нуждаться ни в чём, непременно она доставит мужу хорошую репутацию и возвысит имя его в собраниях, подобно горе, воздымающей вершину. Хорошие мужья узнаются по хорошим жёнам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будут от неё видны дурные качества мужа [2, с. 27]». Так, ещё во времена Чингисхана на женщину смотрели, как на помощницу мужчины, как на представительницу его дома. Благосостояние мужа, его репутация отчасти были обусловлены хорошими или плохими качествами жены.

Можно отметить, что в условиях кочевой цивилизации существовал определённый тип поведения женщины, которому были свойственны почитание мужчины и жертвенность. Для свободы мужчины и его жизни женщина добровольно (а иногда, возможно, по стечению обстоятельств) могла обречь себя на плен или на смерть. В «Сокровенном сказании монголов» приводятся несколько примеров подобной ситуации. Одна история рассказывает об Оэлун, матери Чингисхана. Оэлун для спасения жизни своего жениха Чиледу убеждает его покинуть её и бежать. Она произносит следующие слова: «По лицам их видно, что дело идёт о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся; жёны в каждой кибитке найдутся»¹.

В другом случае, Борте, жена Темуджина, оказалась захваченной в плен меркитами. Это произошло, когда Темуджин вместе с братьями были вынуждены спасаться бегством от внезапного нападения меркитов. Борте, оказавшаяся без лошади, была захвачена².

В XIII в. итальянский путешественник Плано Карпини одним из первых среди европейцев посетил монгольскую империю и оставил описание своего путешествия, известного как «История Монгалов». В своих записях он пишет также о взаимоотношении

¹ Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – С. 6.

² Там же. – С. 15.

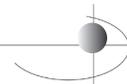
мужчины и женщины в монгольском обществе. В повседневной жизни мужчины охотились и тренировались в стрельбе, выбирали пастбище для скота, изготавливали стрелы. Девушки и женщины владели навыками верховой езды, стрельбой из лука так же хорошо, как мужчины. Подобная хорошая подготовка, необходимая в период военных действий также подтверждает относительно высокий статус женщины и её значимость в кочевом монгольском обществе. Кроме того, женщины шили одежду и сапоги, часто из кожи, правили повозками и могли починить их в случае необходимости, выучили верблюдов «и во всех делах были очень проворны и скоры»³. В мирное время монгольские женщины, помимо домашних обязанностей, исполняли большую часть мужской работы, также участвовали в общей охоте на диких зверей. Во время военных походов часто сопровождали мужей, где «помогали им и заменяли, где могли»⁴. Женщина, оставаясь женой и матерью, при необходимости могла сражаться и охотиться, быть сильной, смелой и выносливой.

Брак у монголов был полигамным, обязательно предусматривался калым (выкуп) за невесту. Также отмечается присутствие «пережитков когнатных отношений», когда было в обычае оставлять будущего зятя в семье его будущей жены [4, с. 61]. Например, когда договаривались о браке Чингисхана с Борте, Есугей-багатур оставил своего 9-летнего сына «в зятях» в доме Дай-Сечена. Как писал Плано Карпини, каждый монгол мог иметь столько жён, сколько позволяло его экономическое положение. Мужчина мог вступить в брак с любой женщиной, за исключением собственной матери и женщин, с которыми состоял в родстве первой и второй степени по материнской линии. Среди монголов были распространены такие формы брака, как левират и сорорат. Так, младший брат был обязан жениться на жене своего брата после его смерти. В другом случае, вдовец мог взять в жёны младшую сестру покойной жены. Дети от разных жён, в том числе от наложниц, были равны между собой. «Отец даёт каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги»⁵.

³ История монголов. Путешествие в восточные страны / Гильом де Рубрук, Дж. П. Карпини; ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – С. 50.

⁴ Там же. – С. 51.

⁵ История монголов. Путешествие в восточные страны / Гильом де Рубрук, Дж. П. Карпини; ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. – С. 60.

Среди представителей монгольской аристократии часто были распространены политические брачные союзы. В летописях Рашид-ад-дина сообщается, что все дочери Чингисхана были выданы замуж за наследников или правителей разных племенных обществ. Так, Ходжин-бэки была выдана замуж за Буту-гурэна из племени икирас, Чичиган была выдана замуж за сына правителя племени ойрат, Алахай-бэки выдали за сына государя племени онгут, Тумэлун – за сына государя кунгират, Алталун была выдана замуж за Таджу-гургэна из племени олкунут¹.

В монгольском традиционном обществе в большинстве случаев женщины напрямую не участвовали в принятии политических решений, их роль чаще всего была ограничена только хозяйственными функциями. Однако в истории Монголии есть немало примеров, когда женщины оказывали существенное влияние на политические процессы в жизни государства. Женщины из высших слоёв монгольского общества часто становились правительницами после смерти мужей. Приведём пример:

– Туракина – жена Угедэя (третьего сына Чингисхана и Борте, ставшего преемником своего отца), возглавившая империю после смерти мужа;

– Огул-Гаймиш (...-1252) – супруга Гуюка, сына Угедэя и Туракины, как и её свекровь, вставшая во главе империи после смерти супруга;

– Сорхактани-беки (ок. 1190–1252) – жена Тулуя, четвёртого сына Чингисхана, мать трёх монгольских ханов и основателя государства ильханов в Иране;

– Мандухай (1449–1510/1526) – супруга двух монгольских ханов, благодаря которой Монгольское ханство сохранило своё существование в период глубочайшего кризиса.

Остановимся подробнее на жизнеописании вышеупомянутых ханш. Туракина, невестка Чингисхана, стала первой женщиной, которая официально встала у власти Монгольской империи после смерти мужа. Ещё в последние годы правления хана Угедэя она принимала участие в управлении государственными делами, с согласия супруга издавала указы, подписываясь «Великая хатун». Туракина сохраняла за собой регентство над Монгольской империей в течение 5 лет, отсрочивая созыв курултая для избрания нового хана. Однако её правление было негативно оценено как со стороны её современников,

так и со стороны историков. Рашид-ад-дин в своём сочинении пишет, что она «посеяла смуту, так как не вняла последней воле Чингисхана и не слушала слов родичей». Отметим, что её заслугой является то, что она сохранила единство Монгольской империи, оставив трон за наследниками по прямой ветви Чингисхана. Умерла Туракина в 1246 г., вскоре после избрания Гуюка ханом Монгольской империи [5, с. 32].

Следующей женщиной, оказавшейся у власти, стала вдова хана Гуюка – Огул-Гаймиш, время правления которой также отрицательно оценивается историками. По предложению Бату-хана именно она стала выполнять обязанности регентши, опираясь на сановников покойного мужа. По сведениям Рашид-ад-дина, во время регентства она не занималась государственными делами, основное время проводила, общаясь с шаманами и заключая сделки с купцами. Ещё одним свидетельством её некомпетентности в управлении империей стал визит французского дипломата Андре де Лонжюмо. Он, представляя французского короля Людовика IX, прибыл с предложением о союзе против мусульман. Подарки короля были приняты как дань, а вместо сотрудничества в борьбе с мусульманами было выдвинуто требование подчиниться и платить дань. Государственные дела пришли в упадок. Был созван курултай и в 1251 г. был избран ханом Мункэ. Сыновья Огул-Гаймыш предприняли попытку покушения на него, однако они потерпели неудачу. Огул-Гаймиш была казнена, подверглись расправе и другие её родственники и приближённые люди [5, с. 48–52]².

Сорхактани-беки была старшей женой Тулуй-хана и никогда официально не занимала трон, но оставила яркий след в средневековой истории Монголии. Она происходила из знатного рода, являясь родственницей кераитского хана Тогрула. В высказываниях современников можно встретить единство мнений о её политической мудрости, ловкости, толерантности по отношению к другим религиям. Придерживаясь христианства несторианского направления, она поддерживала религиозных деятелей буддизма, мусульманства. Пригласила учёных уйгуров, монголов, китайцев и арабов обучать своих детей. Четверо её сыновей в разное время занимали ханский престол – Мунке и Хубилай были ханами Монгольской империи, Арик-Буга в течение нескольких лет претендовал на ханский престол, Хулагу являлся основоположником династии ильханов в Иране. Ра-

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей / отв. ред. И. А. Орбели; пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Б. И. Панкратова и Ю. П. Верховского; ред. И. П. Петрушевского. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – 248 с.

² Там же. – С. 99.

шид-ад-дин сравнивал Сорхатани с Оэлун, матью Чингисхана: обе после смерти мужей сами воспитали своих детей, благодаря усилиям матерей дети достигли могущества [5, с. 58–62; 10].

Мандухай-хатун была второй женой хана Мандугула, потомка Хубилай-хана. В сложной политической и исторической ситуации она возглавила распадающееся государство. Ей удалось, победив ойратов и объединив большинство монгольских племён, сохранить влияние потомков Чингисхана в Монголии. Политика, направленная на объединение монгольских племен была продолжена Даян-ханом и его потомками. Образ Мандухай-хатун был популярен среди монгольского народа. В Позднем Средневековье было сложено стихотворно-поэтическое «Сказание о Мандухай Цэцэн-хатун». В 1943 г. написана пьеса «Мудрая Мандухай» Ц. Цэдэнжавом и Б. Бастом. В 1988 г. вышел монгольский фильм «Мудрая княжна Мандухай», основанный на одноимённом историческом романе Ц. Нацагдоржа. Образ Мандухай-хатун используется в поэме монгольского поэта Р. Чойнома «Монголка» [5].

Заключение. Опыт взаимодействия мужчины и женщины в традиционной кочевой культуре полезен для понимания современного гендерного состояния монгольского общества, которое органично сочетает в себе

элементы традиционной кочевой культуры и достижений современной цивилизации.

В кочевом монгольском обществе женщина пользовалась уважением, главным образом, как жена и мать семьи. В одном из изречений Чингисхана подчёркивается, что репутация мужа напрямую зависела от поведения и качеств его жены. Высокий статус в обществе налагал на женщину и определённую степень ответственности. Например, во время войны жена сопровождала мужа и могла его заменить в случае необходимости в войске. Женщина, оставаясь женой и матерью, при необходимости могла сражаться и охотиться, быть сильной, смелой и выносливой. После смерти мужа жена могла возглавить семью и быть ответственной за воспитание детей.

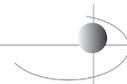
Одновременно, она была для мужа соратником, мудрым советчиком, к которому он обращался при решении сложных вопросов. Монгольские женщины были практически равными в правах с мужчинами как в повседневной жизни, так и в период военных действий, при принятии важных государственных решений.

Представительницы высших слоёв монгольского общества, находившиеся в непосредственной близости к «трону», боролись за власть и достаточно успешно правили Монгольской империей.

Список литературы

1. Банчиков Г. Г. Брак и семья у монголов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 59 с.
2. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. С приложением главы о Ясе из «Истории» Джувейни в переводе В. Ф. Минорского // Исследования и материалы по истории России и Востока = Studies in Russian and Oriental History. 1939. № 1. С. 12–148.
3. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 225 с.
4. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / отв. ред. Н. Ц. Мункуев; введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М.: Наука, 1984. 486 с.
5. Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н. Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2017. 384 с.
6. Рязановский Ю. Великая Яса Чингисхана // Известия юридического факультета = Memoirs of the faculty of law in Harbin. 1933. Т. 10.
7. De Nicola Bruno. Women's Role and Participation in Warfare in the Mongol Empire // In K. Klaus Latzel; S. Satjukow and F. Maubach, eds. Soldatinnen. Gewalt und Geschlecht im Krieg vom Mittelalter bis Heute. Paderborn: Schöningh, 2010. Pp. 95–112.
8. De Nicola Bruno. Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh University Press, 2017. 292 p.
9. Hibbard Caroline. Early Modern Queens Revived and Revised // Journal of Women's History. 2010. № 22. Pp. 181–190.
10. Lane George. Women and the Mongols // Daily Life in the Mongol Empire. Westport, CT: Greenwood Press, 2006. Pp. 227–254.
11. May Timothy Commercial Queens: Mongolian Khatuns and the Silk Road // Journal of the Royal Asiatic Society. 2015. № 26. Pp. 89–106.
12. Ulambayar T., Fernández-Giménez M. E. Following the Footsteps of the Mongol Queens: Why Mongolian Pastoral Women Should Be Empowered // Women as Change Agents in the World's Rangelands. Published by: Society for Range Management. 2013. № 35. Pp. 29–35.
13. Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. Three Rivers Press, 2005. 312 p.

Статья поступила в редакцию 25.06.2018; принята к публикации 20.09.2018

Библиографическое описание статьи

Цыпилова С. С. Женщина в средневековой Монголии: краткий исторический обзор // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 141–146. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-141-145.

Snezhana S. Tsypilova,

Candidate of History,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,

Russian Academy of Sciences

(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),

e-mail: ai_qing@mail.ru

A Woman in Medieval Mongolia: a Brief Historical Survey¹

This article examines the role and place of women in medieval Mongolian society. Her everyday life and position in the family were reflected in the records of explorers-travelers of the time. In the family, the woman enjoyed considerable respect. The head of the family could turn to her for advice when making important decisions. In case of her husband's death, she became the head of the family – at least before marriage of the eldest son. Women from the higher strata of the Mongolian feudal society often became regents after the death of their husbands. Considerable attention is paid to the biography of the four khanshs: Turakina, Ogul-Gaimish, Sorhaktani-beki, Mandukhay. Each of them left a bright mark in Mongolian history. Their experience in governing the state was not always positive. Nevertheless, representatives of the highest strata of society showed leadership qualities and were often successful in the struggle for power. There are many examples in the history of Mongolia when women had a significant influence on the political processes in the life of the state. This study is of interest to a wide range of readers.

Keywords: Mongolia, women, traditional society, power, marriage, family

References

1. Banchikov, G. G. Marriage and family among the Mongols. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 1964. (In Rus.)
2. Vernadsky, G. V. About the contents of the Great Yasa Genghis Khan. Studies and materials on the history of Russia and the East (Studies in Russian and oriental history), 1939, no. 1: 12–148. (In Rus.)
3. Viktorova, L. L. Mongols. Origins of the people and origins of culture. M: Nauka, 1980. (In Rus.)
4. Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the dunhu group. Otv. red. Munkuev, N. C.; vvedenie, per. i komment. V. S. Taskina. Moskva: Nauka, 1984. (In Rus.)
5. Pochekaev, R. Yu., Pochekaeva, I. N. The Queens of Eurasia. History and myths about the queens of the Turkic-Mongolian states of the XIII–XIX. SPb: Evraziya, 2017. (In Rus.)
6. Ryazanovsky, G. The Great Yasa of Genghis Khan. In: Memoirs of the faculty of law in Harbin. Vol. 10. 1933. (In Rus.)
7. De Nicola, Bruno. Women's Role and Participation in Warfare in the Mongol Empire. In K. Klaus Latzel; S. Satjukow and F. Maubach, eds. Soldatinnen. Gewalt und Geschlecht im Krieg vom Mittelalter bis Heute. Paderborn: Schöningh, 2010, pp. 95–112. (In Engl.)
8. De Nicola, Bruno. Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh University Press, 2017. (In Engl.)
8. Hibbard, Caroline. Early Modern Queens Revived and Revised. Journal of Women's History, no. 22, pp. 181–190, 2010. (In Engl.)
10. Lane, George. Women and the Mongols. Daily Life in the Mongol Empire. Westport, CT: Greenwood Press, pp. 227–254, 2006. (In Engl.)
11. May Timothy. Commercial Queens: Mongolian Khatuns and the Silk Road. Journal of the Royal Asiatic Society, no. 26, pp. 89–106, 2015. (In Engl.)
12. Ulambayar T. Following the Footsteps of the Mongol Queens: Why Mongolian Pastoral Women Should Be Empowered. Women as Change Agents in the World's Rangelands, no. 35 (6). pp. 29–35, 2013. (In Engl.)
13. Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. Three Rivers Press, 2005. (In Engl.)

Received: 25 June 2018; accepted for publication September 20, 2018

Reference to the article

Tsypilova S. S. A Woman in Medieval Mongolia: a Brief Historical Survey // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 141–145. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-141-145.

¹ This study was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (no. 14.W03.31.0016).

Люди. События. Время

People. Events. Time

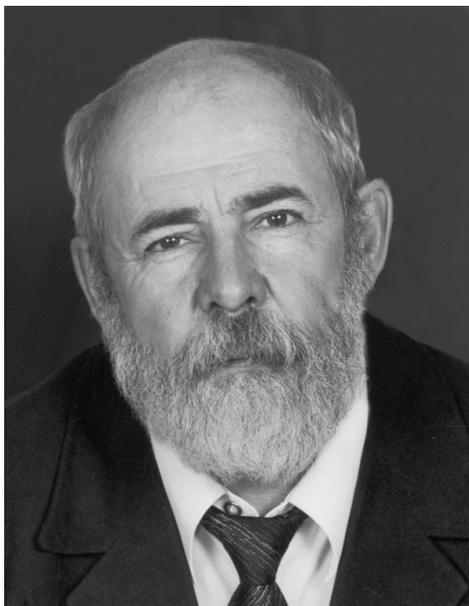
УДК 902:93/94-059.1(571.55)

Ирина Григорьевна Куренная,
кандидат исторических наук, ведущий специалист,
Комитет культуры администрации городского округа
«Город Чита»
(672037, Россия, г. Чита, ул. Петровская, 37),
e-mail: skifchita@mail.ru

Александр Иванович Лыцусь,
начальник отдела по связям с общественностью,
Администрация городского округа «Город Чита»
(672090, Россия, г. Чита, ул. Бутина, 39),
e-mail: lytsus-lytsus@mail.ru

Константинов Михаил Васильевич – археолог, историк, энциклопедист, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения)

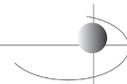
Статья посвящена 70-летию Константинова Михаила Васильевича – доктора исторических наук, профессора, профессора кафедры истории Забайкальского государственного университета. Анализируется его педагогическая и научная деятельность, вклад в изучение археологии и истории Забайкалья. Особенно отмечена его работа как научного редактора издательского проекта «Энциклопедия Забайкалья», многогранная общественная деятельность, в том числе по руководству общественной организацией «Ассамблея народов Забайкалья».

Михаил Васильевич Константинов
Mikhail Vasilyevich Konstantinov

На рубеже тысячелетий М. В. Константинов писал: «Археология – это наука о жизни, в которой прошлое нетленно, а настоящее тем замечательно, что даёт нам время думать, искать, творить, оберегая хрупкую ткань вечности!». Археология – судьба и жизнь известного учёного, педагога, общественного деятеля и энциклопедиста, внесшего немалый вклад в российскую науку, образование и культуру, в развитие научных связей ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Он родился 22 ноября 1948 г. в городе Сквородино Амурской области. В 1962 г. семья, в которой отец и мать работали учителями истории, переехала в Читу. Здесь глава семейства Василий Степанович был назначен директором Читинской средней школы № 11, а Вера Петровна – директором средней школы № 3. Позднее Михаил Васильевич вспоминал, что перед ним не стоял вопрос о выборе профессии, поскольку первые азы

исторической науки он буквально «впитал с молоком матери». В доме родителей звучали увлекательные рассказы о российской истории и эпизоды жизни дореволюционной Сибири, а также споры и дискуссии с друзьями и коллегами, которые часто собирались вместе.

Его путь в науку начался в 1965 г., когда шестнадцатилетний юноша стал студентом историко-филологического факультета Читинского государственного института им. Н. Г. Чернышевского. Уже с первого курса он увлекся археологией, занимался в студенческом археологическом кружке под руководством И. И. Кириллова, участвовал в экспедициях по долинам Онона, Ингоды, Хилка, Уды, где познавал искусство поиска и раскопок древних поселений. В экспедициях познакомился с будущим научным руководителем кандидатской диссертации академиком А. П. Окладниковым и будущим официальным оппонентом Р. С. Васильевским. Первая публикация «Новые палеолитические памятники в бассейне реки Ингоды» вышла в 1968 г. в издании «Учёные записки Читинского педагогического института».

После окончания вуза, когда М. В. Константинов служил в армии, археология по-прежнему находилась в центре его интересов. В окрестностях посёлка Песчанка, куда попал начинающий учёный, он обнаружил неизвестные ранее стоянки древних людей. А затем (с 1969 г.) – работа в вузе, которая продолжается почти 50 лет. Читает курсы «Археология» и «Вспомогательные исторические дисциплины». С 1971 г. Михаил Васильевич – бессменный руководитель Чикойской археологической экспедиции, ведущей исследования в Байкальском регионе. Уже к середине 1970-х гг. у археолога внушительный экспедиционный опыт. Первые самостоятельные археологические работы позволили открыть уникальные поселения, такие как Толбага, Куналей, Студеное и провести там масштабные раскопки.

В ноябре 1979 г. в Новосибирске М. В. Константинов блестяще защитил диссертацию «Палеолит Хилка и Чикоя (юго-западное Забайкалье)». Тогда и проявилась удивительная способность этого человека – делать и успевать многое. За рабочим столом Михаил Васильевич засиживался далеко за полночь, иначе невозможно вовремя проверить курсовые и дипломные работы своих студентов, описать (да и зарисовать) почти каждое из тысяч орудий, выявить новые технологические приёмы расщепления

камня, провести типологические сравнения с сопредельными хронологически близкими памятниками. В научной методике археолог опирался на способы определения возраста того или иного факта во времени. В археологии датировка памятника – специфический процесс. Это возможность определить её по орудиям труда древних, по стратиграфии или условиям залегания артефактов в стратиграфическом разрезе поселения. Но наиболее перспективный и тогда ещё малораспространённый метод – по радиоуглеродному анализу. Тогда он использовался в Забайкалье впервые. Учёному удалось собрать исходный материал для датировок – кости животных, на которых охотился древний человек, и уголь из очагов. В 1973 г. появилась первая датировка по Толбаге. Возраст этого уникального поселения был определён в 35 тысяч лет, что стало древнейшим местонахождением следов жизнедеятельности человека в Забайкалье.

В 1982 г. в свет вышла коллективная монография «Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья», написанная совместно с известным бурятским геологом Д. Б. Базаровым, с мнением которого совпали научные интересы М. В. Константинова. Базаров помог учёному на практике соотносить артефакты и хозяйственные конструкции с датированными геологическими отложениями. Тогда же результаты работы сплочённого авторского коллектива геологов и археологов, куда также вошли А. Б. Иметхенов, В. В. Савинова и Л. Б. Базарова, были доложены Константиновым на XI Конгрессе Международной ассоциации по изучению четвертичного периода в Москве. Его первое выступление на форуме солидной международной научной организации, изучающей четвертичный период в истории Земли и человечества, убедило в правильности избранных методов исследований. В эти же годы геологией забайкальских памятников заинтересовался крупный московский исследователь, доктор геолого-минералогических наук С. М. Цейтлин. Его участие в работах на опорных памятниках Хилка и Чикоя позволило разобраться в сложной геологии древних поселений и подтвердить датировки культурных горизонтов. Типологические, радиоуглеродные и геологические сведения по датировкам подтвердила и териофауна забайкальских памятников, изученная палеонтологом из Новосибирска Н. Д. Оводовым. А первые трасологические исследования орудий труда с памятников Забайкалья были проведены в Ленинградском отделении института археологии Г. Ф. Ко-

робковой. Трасологи дали убедительное заключение о найденном на Толбаге в 1979 г. древнейшем в Забайкалье произведении искусства – фигурки головы медведя, выполненной из позвонка шерстистого носорога. Об этом появилась первая публикация в «Кратких сообщениях института археологии» под названием «Древнейшая скульптура Сибири». Соавторами читинского археолога выступили учёные из Ленинграда: трасолог А. К. Филиппов, палеонтолог Н. Е. Ермолова и студент В. Сумароков, извлекавший загадочный фрагмент кости из культурного слоя.

В мае 1975 г. по приглашению М. В. Константинова для изучения многочисленных костных останков и черепов древних из исследованных курганов и захоронений в Читу прибыли известные антропологи. Облик древнего забайкальца эпохи неолита, который ныне демонстрируется в экспозиции Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова, восстанавливала Н. Н. Мамонова – ученица выдающегося советского антрополога и автора метода восстановления облика человека по его черепу М. М. Герасимова. Теперь каждый современник может «заглянуть» в глаза жителям края, ушедшим в мир иной сотни и тысячи лет назад.

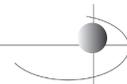
В перестроечные 1980-е гг. коллективом истфака М. В. Константинов был избран деканом (после Л. Б. Соколовской). Соглашаясь на эту административную должность, педагог прекрасно понимал предстоящую рутину приказов, совещаний и хозяйственных дел. Было одно преимущество – право мобилизовать силы факультета на успехи забайкальской науки. Но уже в 1987 г. учёный сложил с себя эти полномочия и возвратился в привычный ритм научно-учебной работы. В 1990 г. им была подготовлена основа докторской диссертации, апробированной на кафедре в Ленинградском государственном университете и в секторе палеолита Института истории материальной культуры АН СССР. В 1992 г. М. В. Константинов вступил в должность проректора по научной работе ЧГПИ. Это обстоятельство повлияло на всю научную составляющую в деятельности вуза – рост числа кандидатов и докторов наук, формирование научных школ.

В 1994 г. из печати вышла монография учёного «Каменный век восточного региона Байкальской Азии», а в 1995 г. в Санкт-Петербурге успешно защищена докторская диссертация. В книге «Время и древности», вышедшей в свет к его пятидесятилетию, археолог написал, что его диссертация «это защита

тех приёмов и методов, что позволяют высветить в глубинной тьме истории реальные контуры человеческих дел, изобретений, событий». Немаловажным событием в российской археологии стал выход в свет и монографии, написанной М. В. Константиновым в соавторстве с Л. В. Екимовой и С. Б. Верещагиным под названием «Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы» (Чита, 2016). Свидетельство тому – диплом Дальневосточной выставки ярмарки «Печатный двор-2017».

Сегодня можно уверенно говорить о научной археологической школе М. В. Константинова. На Усть-Мензе им сформирован научно-учебный стационарный лагерь, через который прошли сотни студентов истфака. И пусть не все они связали с археологией свою судьбу – знания, нравственная основа и жизненная закалка, полученные здесь, стали существенным ориентиром в их последующей жизни. Усилиями М. В. Константинова-проректора была открыта докторантура по теории и методике профессионального образования, в вузе стал работать диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по общей педагогике, теории и методике профессионального образования. В новом статусе старейшего вуза Забайкалья также есть и его весомый вклад, поскольку научный аспект деятельности вуза был немаловажным при преобразовании в 1997 г. института в Забайкальский государственный педагогический университет, а в 2005 г. – в Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет. А за плечами учёного – тысячи экспедиционных километров по дорогам, тропам и водным маршрутам родного Забайкалья, страны и зарубежья. В поле М. В. Константинов – с мая по сентябрь. В 1996 г. им были открыты древние росписи на Шаман Горе, среди которых изображение стада бизонов из 35 фигур. В 2006 г. он исследовал забытый ныне таёжный торговый путь от границы России до Улан-Батора. В 2008 г. посетил древнюю столицу Кара-Корум и урочище Делюн-Болдок (такое же название есть и в Ононском районе), где, по преданиям, родился Чингисхан.

Из-под пера исследователя вышли новые научные работы, в которых приводятся сведения о полевых открытиях, опубликованы очерки о сибирских учёных-историках и археологах, общественных деятелях и выдающихся личностях дореволюционного Забайкалья. Среди них Михаил Васильевич имеет свои «слабости». Профессору принадлежит

обстоятельный очерк о предводителе отряда русских казаков П. И. Бекетове. Из долгого забвения им были возвращены имена замечательных исследователей Забайкалья, учёных с мировым именем, П. А. Кропоткина и И. С. Полякова.

В 2000-х гг. Константинов публикует свои статьи по вопросам археологии Забайкалья в ведущих научных журналах США. Но, прежде всего, его перу принадлежат работы по истории сибирской археологии. Обладая несомненным литературно-художественным дарованием, как популяризатор науки он опубликовал массу интересных материалов. В них и сугубо личные заметки о своей профессии. В 2015 г. профессор стал редактором-составителем и автором нескольких очерков научно-популярного издания «Мы в такие шагалы дали!», посвящённого школьному туризму 1960-х гг. и учителю физкультуры Э. Г. Глазуновой.

Вся творческая деятельность учёного привлекает к науке всё большее число единомышленников. Главными из них являются жена и близкий друг Михаила Васильевича – Татьяна Андреевна, историк и архивист, кандидат исторических наук, ведущий специалист по истории горнозаводского образования в Забайкалье, а также Лариса Викторовна Екимова (Сёмина) – археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории палеоэкологии ЗабГУ, родной брат – Александр Васильевич Константинов, ныне известный археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры истории ЗабГУ, председатель Забайкальского регионального отделения Русского Географического общества. Среди его защитившихся аспирантов следует назвать Н. В. Эйльбарт, С. Г. Васильева, И. И. Разгильдееву, Т. Г. Васильеву, И. Г. Куренную, Е. В. Дроботушенко.

Неравнодушный к судьбе родного края учёный много внимания уделяет популяризации его истории. Основание российских острогов в XVII в. на территории современного Забайкалья, по мнению М. В. Константинова, означало, что «был положен отсчёт к системно организованной стабильной государственности, противостоящей первобытной неуправляемой стихии и воинственной кочевой орде», «распространению российских цивилизационных устоев с их пашенным земледелием, христианством и народной веротерпимостью, городской культурой и книжной грамотностью». Исследователь постоянно подчёркивал, что юбилейные даты русского Забайкалья – события международного значения, поскольку с середины XVII в. здесь

был начат путь к новому миропорядку с установлением чётких границ, к стабильности в межгосударственных отношениях, к поиску взаимопонимания и толерантности между Россией и Китаем, представляющим соответственно азиатское и европейское культурно-историческое начало.

Самым масштабным с деятельным участием М. В. Константинова является (пока единственный в России) реализованный в 1996–2016 гг. проект «Энциклопедия Забайкалья». Для написания статей и очерков им, как научным редактором большинства изданий, совместно с научно-редакционным центром энциклопедии были мобилизованы сотни авторов. Его стремление к интеграции академической, вузовской и прикладной науки Забайкалья явилось объединяющим моментом труда исследователей, главных научных сил края. Гриф Российской академии наук придал изданию фундаментальность и официальность. Благодаря поддержке губернатора Забайкальского края Р. Ф. Генятулина проект получил своё развитие в виде серий книг: «Библиотека “Энциклопедия Забайкалья”» и «Альбомная серия “Энциклопедия Забайкалья”». Самая объёмная работа в них – редактирование и написание половины глав для книги «Чита. Страницы истории». Доминирует в общем проекте издания серия «Малая Энциклопедия Забайкалья», включающая свыше десяти наименований томов. Однако особенно важным в научной деятельности М. В. Константинова является издание, посвящённое делу его жизни – это том «Археология», в котором под его авторством опубликовано 139 статей.

Имя М. В. Константинова – среди участников 1–5 Всероссийских съездов российских и зарубежных археологов (Новосибирск, Суздаль, Старая Руса, Казань, Барнаул), а также организаторов многочисленных научных конференций в вузе, городе, крае. Особое значение имело проведение в 2013 г. IV Международной научной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» с публикацией сборников докладов. С 2008 г. в Чите, Китае и Монголии на базе Забайкальского государственного университета и Министерства международного сотрудничества и внешнеэкономических связей проводятся международные конференции под единым названием «Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность». Сборники докладов конференций вносят вклад в укрепление научных и междуна-

родных связей между Россией и странами АТР. Учёный понимает, что учреждения края, имеющие статус научных, способствуют интеграционным процессам последнего десятилетия, приносят ощутимый вклад в общероссийскую науку. А потому работой краеведческих конференций он инициирует и активно привлекает к написанию статей своих студентов и забайкальских исследователей, разрабатывающих региональную историческую тематику. Учёного отличает отзывчивость, поддержка доброй инициативы и соучастие в судьбах земляков, тех, кто своё свободное время посвящает изучению разных аспектов истории Забайкалья. При деятельном участии Михаила Васильевича изданы книги историков – А. Г. Патроновой, Ю. С. Орлова, И. Г. Куренной и др. А сам он, смело рассуждая о своей профессии и социальных процессах общества, издаёт свою новую работу «И мысль ловлю на кончике пера» с подзаголовком «Вольные сочинения на свободные темы» (Чита, 2010). А помимо всего этого, – участвует в работе диссертационных советов в Улан-Удэ и Владивостоке.

В начале 2000-х гг. в Чите при непосредственном участии М. В. Константинова была создана общественная организация «Ассамблеи народов Забайкалья». С 2002 по 2015 гг. он возглавлял её Совет. Имя Константинова с уважением произносят буряты и русские, армяне и татары, евреи, немцы, поляки и другие народы многонационального Забайкалья. Немало усилий Михаил Васильевич приложил к сохранению богатейшего историко-культурного наследия Забайкальского

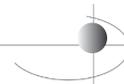
края. Он исследовал и добился сбережения декабристского некрополя в Петровск-Забайкальском, привлёк внимание общественности к церкви в селе Захарово Красночикойского района. В отношении многолетней проблемы о передаче Михайло-Архангельской церкви (музея Декабристов) в лоно Русской Православной Церкви позиция историка однозначна: нельзя укреплять духовность людей верующих, круша учреждение культуры, каковым является музей. Вниманием и чутким отношением Михаила Васильевича удостоен Музей археологии Забайкалья ЗабГУ, в создании экспозиций которого он принял деятельное участие. Небольшие муниципальные, отраслевые и школьные музеи, районные архивы и хранилища книг, по мнению учёного, в масштабах страны – крохотные островки знаний и интеллекта, хранители сибирской истории, которые в тяжёлых материальных условиях современного общества успешно участвуют в общероссийском научном процессе.

Труд Михаила Васильевича отмечен наградами и почётными званиями. Это медали «За заслуги перед городом» (Читой), «За заслуги перед Читинской областью», медаль Ассамблеи народов России «Дружба народов – единство России», орден Почёта. За вклад в укрепление международного сотрудничества ему присуждена премия имени Н. И. Дмитриева. Его имя включено в энциклопедию «Лучшие люди России». Михаил Васильевич Константинов – Почётный гражданин города Читы и Почётный гражданин села Красный Чикой, Почётный гражданин Красночикойского района, Заслуженный профессор ЗабГУ.

Статья поступила в редакцию 10.08.2018; принята к публикации 20.09.2018

Библиографическое описание статьи

Куренная И. Г., Лицусь А. И. Константинов Михаил Васильевич – археолог, историк, энциклопедист, общественный деятель (к 70-летию со дня рождения) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 146–151.

Irina G. Kurennaya,
Candidate of History, Leading Specialist,
Committee of Culture of the Urban District Administration
“The City of Chita”
(37 Petrovskaya st., Chita, 672037, Russia),
e-mail: skifchita@mail.ru

Aleksandr I. Lytsus’,
Head of Public Relations Department,
Administration of the Urban District “The City of Chita”
(39 Butina st., Chita, 672090, Russia),
e-mail: lytsus-lytsus@mail.ru

**Konstantinov Mikhail Vasilievich: an Achaologist, a Historian,
an Encyclopedist, a Social Activist (to the 70th Anniversary)**

The article is devoted to the 70th anniversary of M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor, Professor of the Department of History of Transbaikal State University. It presents his pedagogical and scientific work, his contribution into the research of Transbaikal archaeology and history. We pay special attention to his work as a science editor in the editorial project “Encyclopedia of Transbaikalia”, his multifaceted social involvement, as well as direction of the public organization “Transbaikalia Peoples’ Assembly”.

Received: 10 August 2018; accepted for publication September 20, 2018

Reference to the article

Kurennaya I. G., Lytsus’ A. I. Konstantinov Mikhail Vasilievich: an Achaologist, a Historian, an Encyclopedist, a Social Activist (to the 70th Anniversary) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 146–151.

УДК 94(41/99) (049.32)(571.55)
DOI: 21209/1996-7853-2018-13-6-152-156

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Цымжит Пурбуевна Ванчикова,
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Забайкалье – terra incognita
Рецензия на книгу: А. В. Константинов, Н. Н. Константинова
«История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года)»

В статье рассмотрена и проанализирована работа А. В. Константинова и Н. Н. Константиновой, посвящённая истории Забайкалья с древнейших времён до 1917 г., состоящая из трёх разделов (13 глав), для написания которой систематизирован объёмный пласт историографического материала. В рецензии содержится подробная характеристика этой работы по главам и разделам, целью которой является дать обзорный исторический очерк региона. Отмечено, что несомненный интерес представляют сюжеты, связанные с освоением территории Забайкалья и последовательным строительством острогов, которые стали прообразами городов края, административными и торгово-промышленными центрами. Рецензенты отмечают, что наиболее информационно насыщен третий раздел пособия, охватывающий историю Забайкалья в составе Российской империи с начала XVIII в. по 1917 г., при этом высказывая пожелание о возможности выделения в отдельную главу материалов об автохтонном населении региона и о его инкорпорации в имперскую систему власти. Авторы статьи считают, что исследование, предназначенное для изучения в высших и средних учебных заведениях, отвечает всем требованиям, предъявляемым к учебным пособиям, и свидетельствует о научной компетенции и книжной культуре её авторов.

Ключевые слова: Забайкалье, исторический очерк, освоение территорий, строительство острогов, Российская империя

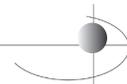
Это далеко не первое учебное пособие забайкальских исследователей А. В. Константинова и Н. Н. Константиновой, которые влюблены и бесконечно преданы родному Забайкалью. Именно эта влюблённость в «единое географическое пространство» [11, с. 6] позволили им сделать следующее заявление: «Вряд ли какой-нибудь другой регион Сибири имеет столь богатую историю, какой обладает Забайкалье» [11, с. 5], что, в общем-то, не бесспорно, но для авторов это является аксиомой.

Пособие состоит из трёх разделов (13 глав) и охватывает огромный период: с древнейших времен до революционных потрясений 1917 г., что соответствует общепринятой периодизации истории России.

Раздел первый – «Забайкалье в древности и средневековье» – состоит из 4 глав, охватывающих временные рамки от «Человека в условиях ледниковой эпохи» и до начала присоединения к Российскому государству. На наш взгляд раздел следовало бы позици-

онировать не как период Средневековья, а как просто период «До присоединения к Российскому государству». Дело в том, что существует классическое понимание Средневековья как истории Европы и Ближнего Востока. Сибирь же вообще и Забайкалье как её сегмент – это не просто единое, но, прежде всего, иное географическое пространство, о чём свидетельствует история Хунну, Уйгурского каганата и Монгольской империи. И понятие «Средневековье» применительно к Забайкалью, на наш взгляд, достаточно, условно.

В этом разделе третья глава «Кочевые цивилизации Южного Забайкалья» могла бы стать самой значимой, ибо кочевые цивилизации региона – это, действительно, особая история Забайкалья. Между тем, мы имеем фактически лишь схематичное обозначение уникальной истории. На наш взгляд, это обусловлено отсутствием в пособии классических трудов по истории хунну, каковыми являются исследования П. Б. Коновалова [8; 9; 10]. Отсутствуют также и современные ис-

следования по истории кочевых цивилизаций Н. Н. Крадина [12; 13; 14; 15; 16; 17], С. А. Васютина [4] и религии бон Д. И. Бураева [3]. Недостаток информации отразился и на контрольных вопросах и, особенно на практических заданиях. Они, в большей мере, носят характер ознакомительно-краеведческий, необходимый для школьной кружковой работы.

Раздел второй – «Присоединение к Российскому государству» – состоит всего из двух глав, которые, тем не менее, несут огромную смысловую нагрузку, ибо ставят проблему, дискуссия по которой не стихает многие десятилетия. К сожалению, авторы обошли стороной проблему добровольности/не добровольности присоединения Забайкалья, что является главенствующим в геополитике Российского государства рассматриваемого периода. Между тем эта проблема является основополагающей в трудах Е. М. Залкинда [5; 6], ставших в советской/российской историографии классическими. Более того, современная российская историография пошла дальше: академик РАН Б. В. Базаров выявил возможные сценарии, по которым могло развиваться Забайкалье в период его присоединения к Российскому государству [1]. Между тем, авторы пособия посчитали необходимым больше внимания уделить походу на Амур Ерофея Хабарова, подробно расписывая его жестокости по отношению к даурам и дючерам [11, с. 61–63].

Несомненный интерес представляют сюжеты, связанные с освоением территории Забайкалья и строительством полутора десятка острогов, которые авторы пособия, совершенно справедливо, представили как систему [11, с. 64]. Именно эти остроги стали прообразами городов края, административными и торгово-промышленными центрами.

Но наиболее насыщенной стала шестая глава. В ней раскрывается строительство Нерчинского воеводства в XVII – начале XVIII в. [11, с. 71–80] как результат административной реформы первой четверти XVIII в. В главе показан социальный состав Даурии, соотношение власти и населения [11, с. 80–89]; она хорошо персонифицирована, насыщена документами.

Наиболее значимым и информационно насыщенным в пособии является третий раздел – «Забайкалье в составе Российской империи (начало XVIII в. – 1917 г.)», состоящий из семи глав. Он как раз по-настоящему и раскрывает особенности истории Забайкалья. Это – административное устройство, экономика края, каторга и ссылка, забайкаль-

ское общество, быт и культура русского населения, просвещение и духовная культура и, наконец, войны и революции. В принципе, соглашаясь со структурой и исполнением избранных направлений повествования, хочется обратить внимание авторов на то, что Забайкалье – это не Среднерусская равнина с мононациональным представительством славянского этноса. Земля за Байкалом традиционно заселена автохтонным населением – бурятами и тунгусами, которые имеют богатейшую историю и должны и даже обязаны быть представлены как минимум самостоятельной главой. В этой главе следовало рассмотреть: суть традиционного общества, его административную систему, род занятий, а главное – особенности инкорпорации «инородцев» в Российскую империю и место «инородцев» в имперской системе власти [7]. Вместо этого в главе «Просвещение, научные знания, духовная культура», имеются лишь две странички, посвящённые «просвещению “туземных инородцев”» [11, с. 232–234]. Кстати, в заключении к изданию исследователи подчёркивают такую особенность Забайкалья, как наличие «значительного количества “инородческого” населения – бурят и эвенков (около 30 %). При этом буряты и эвенки составляли значительную часть казачества» [11, с. 276]. За кадром остались и другие этносы, дисперсно проживавшие в Забайкалье и внесшие огромный вклад в развитие культуры, образования и науки региона [2; 18].

В этом разделе следует особо выделить 41–42 параграфы «Религии: от борьбы и соперничества – к веротерпимости и свободе вероисповеданий», которые читаются с большим интересом, а Забайкалье вполне оправданно представлено как зона религиозной толерантности.

В заключение рецензии хочется сделать два общих замечания, носящих хронологический и географический характер. Первое замечание обусловлено выбором громадных хронологических рамок, что привело к фрагментарности и некоторой поверхностной характеристике и оценке ряда действительно интересных этапов в истории Забайкалья. Так, характеристика монгольского мира периода XV – первой половины XVII в. свелась лишь к перечислению монголоязычных племён [11, с. 45]. А почти столетняя война пришлых людей с автохтонным населением Забайкалья свелась к фразе: «...присоединение Забайкалья протекало преимущественно мирным путём. Здесь не было серьёзных вооружённых конфликтов с местным бурят-

ским и тунгусским населением» [11, с. 59], что мало соответствует действительности. Решить эту проблему можно было за счёт расширения списка использованной и рекомендуемой литературы, дабы заинтересованный читатель мог удовлетворить своё любопытство самостоятельно. Что касается второго замечания, то хочется акцентировать внимание авторов на недостатке, на который мы указывали ранее, рецензируя их работу «История Забайкалья (1917–1922 годы)» [18, с. 219]. Сделав заявку на изучение истории Забайкалья, авторы, тем не менее, сосредоточили своё внимание лишь на Восточном Забайкалье, т. е. территории современного Забайкальского края, что заметно обедняет исследование.

Тем не менее, несмотря на ряд замечаний, носящих, скорее, дискуссионный характер, учебное пособие охватывает все периоды истории Забайкалья, начиная с древнейших времен и до начала XX в. А период со второй половины XIX в. и до начала XX в. делает регион по-настоящему привлекатель-

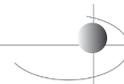
ным для историков, чем прекрасно воспользовались авторы учебного пособия.

Издание выстроено в классическом стиле, свойственном учебным пособиям, когда наряду с основным текстом исследования имеется много иллюстративного материала из библиотек и музейных коллекций, повествование перемежается с биографическими и географическими справками, выдержками из трудов известных учёных и исторических документов; в конце каждой главы даются вопросы и практические задания. Кроме того, издание снабжено общим списком литературы и библиографией по разделам, а также именованными географическими указателями, что свидетельствует о книжной культуре авторов пособия.

Хочется порадоваться за учителей, студентов и школьников, которые стали обладателями нового пособия по истории родного края. Благодаря этому изданию читатели получают более полное представление о своей малой Родине, а Забайкальский край для массового читателя перестанет быть terra incognita.

Список литературы

1. Базаров Б. В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 14–19.
2. Белых Е. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Общественная и культурно-просветительская деятельность еврейских общин на территории Забайкальской области (конец 60-х годов XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2010. 191 с.
3. Бураев Д. И. Религия Бон и проблемы сакрализации власти в Тибетском государстве VII–IX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2001. 42 с.
4. Васютин С. А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2017. 40 с.
5. Залкинд Е. М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 242 с.
6. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России / отв. ред. Г. Н. Румянцев. Улан-Удэ: Бурят кн. изд-во, 1958. 320 с.
7. Дамешек Л. М. Избранное: в 3 т. Т. 1. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). 456 с.; т. 2. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). 416 с.; т. 3. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.). 256 с. Иркутск: Оттиск, 2018.
8. Коновалов П. Б. По следам Ю. Д. Талько-Грынцевича (археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Труды БИОН. Сер. востоковедение. 1969. Вып. 12. С. 156–168.
9. Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.
10. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 248 с.
11. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года): учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Чита: ЗабГУ, 2017. 310 с.
12. Крадин Н. Н. Империя Хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996. 164 с.; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2001/2002. 312 с.
13. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
14. Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
15. Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987. 161 с.
16. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М.: Вост. лит. РАН, 2006. 557 с.
17. Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. Владивосток: Дальнаука, 2004. 106 с.

18. Курас Л. В., Ванчикова Ц. П. События, «которые потрясли мир». Рецензия на книгу А. В. Константинова, Н. Н. Константиновой «История Забайкалья (1917–1922 годы)» // Гуманитарный вектор. Сер. История. Философия. Филология. 2017. Т. 12, № 4. С. 216–221.

19. Семёнов Е. В. Место польских политических ссыльных в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья 30–50-е гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2005. 25 с.

Статья поступила в редакцию 23.06.2018; принята к публикации 15.08.2018

Библиографическое описание статьи

Курас Л. В., Ванчикова Ц. П. Забайкалье – terra incognita. Рецензия на книгу: Константинов А. В., Константинова Н. Н. «История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года)» // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 152–166. DOI: 21209/1996-7853-2018-13-6-152-156.

Leonid V. Kuras,

*Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoy st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: kuraslv@yandex.ru*

Tsymzhit P. Vanchikova,

*Doctor of History, Professor,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoyi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
email: vanchikova_ts@mail.ru*

Transbaikalia – Terra Incognita

Book Review: History of Transbaikalia

(from Ancient Times to 1917) by A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova

In the article, the book written by A. V. Konstantinov and N. N. Konstantinova is analyzed. It is dedicated to the history of Transbaikal region from ancient times up to 1917. It consists of three parts (13 chapters). For its compiling, quite a large historiographical material has been systematized. The review gives a detailed description of this work by chapters and sections, the purpose of which was to give an overview sketch of the history of the region. It is noted that the themes related to the assimilation of the territory of Transbaikal region and consistent construction of fortresses (ostrogs), which became the prototypes of the cities of the region, administrative and commercial and industrial centers, are of great interest. Reviewers note that the third section of the manual, covering the history of Transbaikal region within the Russian Empire from the beginning of the 18th century to 1917, is the most informative, while expressing the wish for the possibility of allocating a separate chapter for the materials about autochthonous population of the region and its incorporation into the Imperial system of power. The authors of the article believe that the textbook, intended for study in higher and secondary educational institutions, meets all the requirements for textbooks, and testifies to the scientific competence and book culture of its authors.

Keywords: Transbaikalia, Historical Sketch, Territory Development, Construction of Prisons, Russian Empire

References

1. Bazarov, B. V. The historical experience of interaction between peoples and civilizations of the XVII–XIX centuries: the 350th anniversary of Buryatia's incorporation into Russia. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, no. 2, pp. 14–19, 2011. (In Rus.)
2. Belykh, E. A., Kalmina, L. V., Kuras, L. V. Public, cultural and educational activities of Jewish communities in the territory of the Trans-Baikal region (the end of the 1860s – February 1917). Ulan-Ude: VSGAKI, 2010. (In Rus.)
3. Buraev, D. I. The Bon Religion and the problems of sacralization of power in the Tibetan government VII–IX centuries. Doctor sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2001. (In Rus.)
4. Vasyutin, S. A. Power and society in the nomadic Central Asian Empire the VI – beginning of the XII century. Doctor sci. diss. abstr. Ulan-Ude, 2017. (In Rus.)
5. Zalkind, E. M. Essay on the genesis of feudalism in nomadic society. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. (In Rus.)
6. Zalkind, E. M. The annexation of Buryatia to Russia. Ulan-Ude: Buryat kn. izd-vo, 1958. (In Rus.)
7. Dameshek L. M. Favorites. In three volumes. Irkutsk: Ottisk, 2018. (In Rus.)

8. Konovalov, P. B. Traces of Yu. d. Talko-Gryntsevich (archaeological exploration of Xiongnu burials in the southern Transbaikalia). Trudy BION, vol. 12, ser. Vostokovedenie, pp.156–168, 1969. (In Rus.)
9. Konovalov, P. B. The burial Vault of a Xiongnu Prince at Sugi (Elm pad', Transbaikalia). Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2008. (In Rus.)
10. Konovalov, P. B. Xiongnu in Transbaikalia (funerary monuments). Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1976. (In Rus.)
11. Konstantinov, A. V., Konstantinova, N. N. History of Transbaikalia (from ancient times to 1917): textbook. 3-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. CHita: ZabGU, 2017. (In Rus.)
12. Kradin, N. N. The Empire of the Huns. Vladivostok: Dal'nauka, 1996. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Logos, 2001/2002. (In Rus.)
13. Kradin, N. N. Nomads of Eurasia. Almaty: Dajk-Press, 2007. (In Rus.)
14. Kradin, N. N. Nomadic societies. Vladivostok: Dal'nauka, 1992. (In Rus.)
15. Kradin, N. N. Socio-economic relations among nomads in Soviet historical literature. Vladivostok, 1987. (In Rus.)
16. Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. The Empire of Genghis Khan. M.: Vost. lit-ra RAN, 2006. (In Rus.)
17. Kradin, N. N. Danilov, S. P. Konovalov. The social structure of the Huns. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. (In Rus.)
18. Kuras L. V., Vanchikova Ts. P. The Tragic Events that "have shaken the world". Review: Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. History of Transbaikal Region (1917–1922). Humanitarian Vector. vol. 12, no. 4, pp. 216–221, 2017. (In Rus.)
19. Semenov, E. V. The place of Polish political exiles in the economic and cultural life of Transbaikalia of the 1930s-1950s. Cand. sci. diss. abstr. Ulan-Udeh, 2005. (In Rus.)

Received: 23 June 2018; accepted for publication August 15, 2018

Reference to the article

Kuras L. V., Vanchikova Ts. P. Transbaikalia – Terra Incognita. Book Review: History of Transbaikalia (from Ancient Times to 1917) by A. V. Konstantinov, N. N. Konstantinova // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 151–156. DOI: 21209/1996-7853-2018-13-6-152-156.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	Минимальный объём
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, Orcid.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:

Седина Елена Витальевна,

Блажевская Ирина Николаевна.

Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru